

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Институт филологии
и истории

Факультет истории
искусств

Кафедра теории и истории
гуманитарного знания

Кафедра музеологии

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Сектор музейной энциклопедии

Археография музейного предмета

Материалы Международной научной конференции

Москва, 16–17 марта 2012 г.

Москва 2012

УДК 930
ББК 63.2 + 79.1
А 87

Ответственные редакторы:
Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева

Редакционная коллегия:
Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева,
А.А. Сундиева, О.И. Хоруженко

А 87 **Археография** музейного предмета : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 16–17 марта 2012 г. / редкол. : Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, А.А. Сундиева, О.И. Хоруженко ; отв. ред. : Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т филол. и ист., Каф. теор. и ист. гуманитар. знания, Фак. ист. искусств, Каф. музеологии ; Рос. ин-т культурологии, Сектор музейной энциклопедии. — М. : РГГУ, 2012. — 201 с.

ISBN 978-5-7281-1309-6

В докладах конференции рассматриваются наиболее существенные проблемы актуализации вещественных и изобразительных исторических источников в социальных, в том числе исследовательских, практиках, намечаются перспективы развития археографии музейного предмета как актуального направления, без разработки которого невозможно историческое познание на современном уровне. Обосновывается необходимость расширения эмпирического пространства исторического познания, грамотного введения в научный оборот наряду с письменными источниками, исторических источников иных типов — вещественных, изобразительных, хранящихся, главным образом, в музеях.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории и исторических наук, музееведения.

УДК 930
ББК 63.2 + 79.1

Отпечатано с готового оригинал-макета

© Редакционная коллегия, составление, 2012
© Российский государственный гуманитарный университет, 2012
ISBN 978-5-7281-1309-6

Содержание

От редколлегии	7
Тезисы докладов	
<i>М.Ю. Агапова.</i> Источниковедческие аспекты разработки сводного музейного каталога	8
<i>Н.А. Александрова.</i> Генеалогия в научно-исследовательской деятельности музеев: к постановке проблемы	11
<i>П.А. Алипов.</i> Источниковедческие изыскания М.И. Ростовцева в музейных фондах Лувра	14
<i>И.В. Андреева.</i> Старый фотографический альбом: история в сафьяновом переплете	17
<i>О.В. Андреева.</i> Презентация и публикация вещественных источников по истории книгопечатания в музее книги	19
<i>О.Н. Артемьева.</i> Методические основы создания Генерального каталога музейных коллекций Омской области	22
<i>Э.Р. Ахунова.</i> Сохранение, презентация и обработка этнографических коллекций в сельских и районных краеведческих музеях Западной Сибири	25
<i>С.И. Баранова.</i> Русский изразец как исторический источник	28
<i>Л.В. Белгородская.</i> Опыт репрезентации культурного наследия России в американском музее Хиллвуд	31
<i>А.В. Беляков.</i> Вещи служилых Чингисидов в музейных собраниях России: традиция и реальность	33
<i>Н.Н. Будюкина.</i> Письма Великой Отечественной войны в контексте военной археографии (по материалам Тамбовской области)	36
<i>М.А. Воронцова.</i> Представление археологических коллекций в выставочной практике Государственного музея-заповедника «Куликово поле»	39
<i>В.Л. Гайдук.</i> Конструирование образа Вс.Э. Мейерхольда в музейной экспозиции «Мейерхольд — актер. Актер в театре Мейерхольда», представленной в музее-квартире Вс.Э. Мейерхольда	42
<i>Е.В. Галищева.</i> Формирование источниковедческой базы памятников археологии города Сочи	45
<i>Н.Н. Гончарова.</i> Северные расписные сундуки XVII–XVIII вв. из собрания ГИМ: проблемы изучения, атрибуции и публикации ...	48

<i>Н.А. Грязнова.</i> Исследования и публикации музейных коллекций и предметов в Ярославском музее-заповеднике	51
<i>Д.А. Добровольский, О.И. Хоруженко.</i> Современные проблемы археографии как вспомогательной исторической дисциплины	54
<i>Л.В. Дояр.</i> Исследовательский ресурс музея истории Криворожского национального университета	58
<i>А.О. Дыртык-оол.</i> Музейные издания как одна из форм популяризации историко-культурного наследия народов Тувы	60
<i>В.А. Есипова</i> Книга как письменный источник и как музейный предмет	64
<i>А.В. Зубатенко.</i> Каталог «Церковная утварь с надписями XV — начала XX в. в собрании ЯГИАХМЗ»: принципы отбора, схема каталога, ожидаемые результаты	66
<i>Л.И. Илларионова.</i> Музейные книжные собрания как книжные памятники	68
<i>Р.Б. Казаков.</i> Интернет-публикации портретов и изображений Н.М. Карамзина	71
<i>М.М. Картоев.</i> Карты Кавказа XVIII–XIX вв. в крупнейших картографических коллекциях России (РГВИА, РГБ, ГИМ): проблемы эвристики и использования источников	78
<i>М.Е. Каулен.</i> Объекты нематериального культурного наследия как часть музейного собрания	82
<i>О.Р. Князева.</i> Музейный предмет в контексте историко-культурного дискурса: проблема интерпретации и описания	85
<i>И.И. Колесник.</i> Коллекционирование между вещностью и личностью	88
<i>Н.Б. Кузнецова, М.В. Моисеенко</i> Музейная публикация как результат сотрудничества музея и коллекционера: из опыта работы Музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	92
<i>А.В. Кузьмин, М.В. Моисеев</i> Музейный предмет как объект исследования и экспонирования (на примере атрибуции владельца печати «Ивана Карови»)	95
<i>И.П. Кулакова</i> Пространственно-предметная среда мемориальных усадеб как объект изучения российской интеллектуальной традиции XVIII — начала XIX в.	98

<i>А.В. Лаврентьев.</i> Сабля с Куликова поля в деле	
<i>А.П. Волынского:</i> к истории изучения и мемориализации места сражения 1380 г. в первой половине XVIII в.	102
<i>Е.А. Линевиц.</i> Освоение пространства Западной Сибири путем комплектования музейных коллекций Омского краеведческого музея во второй половине XIX — первой половине XX в.	104
<i>А.С. Майорова.</i> Публикация описи экспонатов музея Саратовской духовной семинарии 1907 г.	107
<i>С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева</i> Вещественные источники в структуре современного исторического знания.	110
<i>Г.В. Малясова.</i> Доклад О.В. Розановой в Коллегию отдела ИЗО Наркомпроса «О музее Строгановского училища»	113
<i>Т. Мареш.</i> Музейные экспонаты в деле исторического образования.	116
<i>С.Ф. Махрачев</i> Использование Интернета музеями Тамбовской области.	124
<i>В.В. Микитина.</i> Немецкое стекло XVII–XIX вв. из собрания Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»: к вопросу атрибуции эмалевых и гравированных надписей.	128
<i>В.В. Митрофанов.</i> Роль С.Ф. Платонова в создании нормативной базы провинциальных музеев.	131
<i>Т.Е. Осыко.</i> Виды и формы публикаций музейных коллекций.	137
<i>А.М. Пашков.</i> Поклонный крест 1725 года — памятник петровской эпохи в Петрозаводске.	140
<i>И.В. Поздеева.</i> Археографическое описание экземпляра старопечатного издания как исторического источника.	143
<i>Е.А. Поправко.</i> Работы по каталогизации собраний в музеях Приморского края в 1990–2000-е гг.	146
<i>Т.Р. Пумпуриньш.</i> Опыт Цесисского музея по комплектованию, изучению и популяризации источников по истории государственного флага Латвии.	150
<i>Л.Г. Рева.</i> Из опыта работы семьи Рева над библиографией	
<i>Т.Г. Шевченко</i>	152
<i>А.В. Романчук.</i> Художественные памятники как источник оружейведения: к вопросу анализа коллекций итальянской живописи и западноевропейского оружия XV–XVI вв.	155

<i>З.М. Рубинина. Перспективы работы с неаттрактивной музейной коллекцией (на примере коллекции фотографий филиала ГИМ «Музей В.И. Ленина»)</i>	158
<i>В.Я. Рушанин. Выставка личной коллекции: опыт представления в библиотечном пространстве</i>	161
<i>Н.В. Середа. Актуализация музейных собраний с точки зрения преподавателя высшей школы</i>	164
<i>Л.Б. Сукина. Лицевые рукописи в музейных собраниях: задачи и проблемы археографического описания</i>	167
<i>А.А. Сундиева. Презентация музейных собраний: этические проблемы</i>	170
<i>Ю.В. Тюменцева (Кириллова) Методические проблемы публикации предметов в программе «Генеральный каталог музейных коллекций Омской области»</i>	173
<i>Н.В. Углева. Коллекция Музея Мебели в собрании отдела Дерева ГИМ: публикация музейной коллекции</i>	176
<i>Ю.Е. Фагурел. Маскарадные сани XVII–XVIII вв. из собрания ГИМ: опыт комплексного исследования</i>	178
<i>О.Б. Фетисова. Геологические коллекции как источник по истории геологической отрасли Центральной Сибири</i>	182
<i>Л.М. Хуторова. Личные коллекции как объект экспозиционной интерпретации</i>	184
<i>В.В. Черненко. Музейные коллекции в сети Интернет – современная форма публикации</i>	186
<i>И.И. Шангина. Русский фонд вещественных памятников традиционной культуры Российского этнографического музея: опыт источниковедческого анализа</i>	188
<i>О.С. Шашина. Опыт создания корпуса надписей на предметах византийского искусства Музеев Московского Кремля в каталоге «Византийские древности Московского Кремля»</i>	192
<i>Т.А. Эфрусси. «Дело по выборам руководителей Свободных Государственных Художественных Мастерских 1918 г.»: неопубликованные фрагменты</i>	193
<i>Ю.Ю. Юмашева. Археографическое описание музейного предмета и его место в системе документации музея</i>	196
<i>Т.А. Якубова. Источники по истории Северного Причерноморья в собраниях Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского</i>	199

От редколлегии

Практически до конца XX в. история писалась преимущественно по письменным источникам, что связано с письменным механизмом фиксации социальной памяти исторического типа. Кризис этого типа социальной памяти, новая визуализация культуры, формирование понятия «эмпирическая реальность исторического мира» (О.М. Медушевская) как онтологической, а не гносеологической категории требуют расширения эмпирического пространства исторического познания, грамотного введения в научный оборот наряду с письменными источниками, исторических источников иных типов — вещественных, изобразительных, хранящихся, главным образом, в музеях.

И если археография письменных источников разработана и имеет многовековую традицию, то археография музейного предмета — актуальное направление, без разработки которого невозможно историческое познание на современном уровне.

Конференция имеет целью рассмотреть наиболее существенные проблемы актуализации вещественных и изобразительных исторических источников в социальных, в том числе исследовательских, практиках, наметить перспективы развития археографии музейного предмета.

Организаторы конференции целенаправленно пытались ограничить проблематику конференции собственно проблемами археографии, несколько искусственно сепарировав их, с одной стороны, от музееведческих проблем, а с другой стороны, — от источниковедения, в том числе от источниковедения вещественных источников. Нельзя сказать, что мы в этом преуспели. Но это, по-видимому, и демонстрирует как неразработанность заявленной проблематики, так и ее междисциплинарный характер.

М.Ю. Агапова (Москва)

Источниковедческие аспекты разработки сводного музейного каталога

Сводный каталог является одной из разновидностей научных каталогов, содержащих информацию о предметах, принадлежащих собраниям различных музеев и объединенных тематически или историческими условиями бытования предметов. Ряд исследователей относит к сводным каталогам генеральный музейный каталог, аккумулирующий информацию обо всех хранящихся в фондах музея предметах.

По сравнению с другими типами каталогов, сводный каталог является менее распространенной формой каталога. В музейной практике получили развитие генеральные каталоги музейного собрания (карточные и — в настоящее время — электронные), являющиеся частью учетной документации, печатные и на электронных носителях музейные сводные каталоги представлены единичными изданиями.

Важность обращения к вопросам теоретического осмысления сводного музейного каталога как специфического типа издания связана с решением задачи по расширению доступа к информации об объектах культурного наследия, созданию различных типов информационно-поисковых систем и их интеграции в обще-европейскую информационную систему.

К числу значимых задач можно отнести решение проблем определения и содержания термина «сводный музейный каталог», разработки единых принципов классификации предметов и структуры каталожного описания музейных предметов, создания унифицированных терминологических словарей для каталожного описания.

Эти вопросы отчасти рассматривались в научной литературе 1970–1980-х гг., но полученные результаты требуют современно-

го осмысления и оценки (Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры: сб. ст. М., 1971; Типовые схемы научного описания памятников материальной культуры, письменных источников, изобразительных и нумизматических материалов для подготовки к изданию сводных научных каталогов музейного фонда Союза ССР. М., 1973. 14 с.; Типовые схемы научного описания этнографических предметов для подготовки к изданию сводных научных каталогов музейного фонда Союза ССР. М., 1973. 6 с.; Лашкевич Л.В. К вопросу о принципах создания сводного научного каталога музейного фонда Союза ССР // Принципы и структура сводного научного каталога музейного фонда СССР : сб. науч. трудов. М., 1982. Вып. 113. С. 3–34).

Существующие в научной литературе определения и классификация сводных каталогов музейных предметов связаны с определением, принятым в библиотечном деле. Это объясняется как историей развития библиотечного дела в России, где каталог является основной информационно-поисковой системой, так и более детальной разработанностью терминологии каталогизации, закреплённой ГОСТом.

Сводный музейный каталог, объединяющий предметы, принадлежащие разным музейным собраниям либо фондам внутри одного музея, имеет ряд отличий от библиотечного каталога. По характеру каталогизируемых материалов музейные сводные каталоги делятся на типы — генеральные, тематические, систематические. В силу особенностей свойств музейного предмета как уникального памятника культуры, учесть в каталоге в рамках одного описания предмета однотипные предметы, принадлежащие разным музейным собраниям, невозможно. Таким образом, поисковая задача в музейном каталоге решается лишь частично, в рамках собрания одного музея. Свойства музейного предмета являются определяющими при разработке структуры каталога, в сводке объединяются систематизированные комплексы предметов каждого из музейных собраний. То есть принцип принадлежности музейному собранию является определяющим при организации материала в сводном каталоге. Структура каталожного описания предмета, степень его подробности строго не регламен-

тированы нормативными документами и зависят от назначения данного каталога и авторской концепции составителей.

Современные исследователи классификацию музейных предметов определяют как метод научной организации фондов музеев, направленный на фиксацию историко-культурного и юридического значения музейных предметов и создание условий, максимально способствующих их хранению, использованию, исследованию.

Классификация музейных предметов фиксирует закономерные связи между типами, родами и видами предметов. Типы предметов выделяются по способу кодирования социокультурной информации – вещественные, вербальные, изобразительные, знаковые, этологические (поведенческие), звуковые (фонические). Типы подразделяются на роды, не имеющие универсального критерия для всей совокупности музейных предметов (например, изобразительно-художественные, изобразительно-графические). В основе видовой классификации лежат единство происхождения, общность содержания и назначения. Виды подразделяются на разновидности, группы хранения, подгруппы на основании существенного для организации фондов признака, например, классификации по материалу или по функциональному назначению, тематическому, предметно-вопросному, номинальному, хронологическому, отраслевому, структурному признакам (Классификация музейных предметов / Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 53).

Таким образом, без обращения к современным методическим разработкам в области источниковедения невозможно, на наш взгляд, предложить эффективное решение ряда теоретических вопросов разработки сводных музейных каталогов.

Генеалогия в научно-исследовательской деятельности музеев: к постановке проблемы

Научно-исследовательская деятельность любого музея очень разнообразна и работа с различного вида источниками — ее неотъемлемая часть. При первичной обработке музейного предмета происходит его атрибуция, проводится научное описание и только после этого его размещают в типовую коллекцию или фонд, а в случае надобности готовят к экспонированию. Во время всех этих действий происходит изучение истории предмета, которая непосредственно связана с историей жизни и деятельности конкретных людей или семей. Если же проанализировать работу отделов письменных источников или рукописных (в разных музеях они носят разные названия), то большинство их фондов содержат источники личного происхождения, а это различного рода воспоминания, дневники, переписка. Это часто связано с тем, что такие источники попадают в музейные фонды путем дарения, и люди, владевшие ими, считают, что в музеях они сохранятся лучше и обращение к ним произойдет быстрее.

Из вышесказанного видно, что музейные работники часто вынуждены обращаться ко многим вспомогательным историческим дисциплинам, где особое место занимает генеалогия. И тут возникает ряд трудностей.

Во-первых, в силу неоднородности образования музейных сотрудников в их среде существует абстрактное понимание генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, что, в свою очередь, ведет к непониманию разницы между генеалогическими и биографическими данными.

Во-вторых, в музеях, как правило, собирают любую генеалогическую информации по мере надобности и не всегда учитывают правила ее систематизации и хранения.

В-третьих, даже в тех музеях, где имеется хорошая техническая база, многие не представляют, что для хранения генеалогической и биографической информации существует огромное количество специализированных программ.

Кроме того, работа по созданию музейных экспозиций также связана с генеалогией или, скорее, с историей конкретных семей. Особенно это очевидно в мемориальных музеях, где все музейные предметы связаны с определенной личностью и членами ее семьи. Не менее важна генеалогия и для историко-краеведческих музеев, где еще с советских времен и по сей день используется традиция демонстрации истории края через личную историю людей, проживавших или проживающих в нем.

Очевидно, что для научных сотрудников музеев нередко встает проблема знания основных методов и приемов генеалогии, источниковой базы данной дисциплины, ведь очень часто сотрудники музеев, занимаясь поиском необходимой информации, даже не подозревают о существовании справочной генеалогической литературы.

А ведь к этим проблемам прибавляется и еще одна. Очень часто именно в музеи, особенно в провинциальные, обращаются за помощью и консультациями в поиске информации о своих предках местное население. И музеи, которые могли бы стать не только консультативным центром, но и сделать генеалогические услуги одной из форм работы с населением, очень часто не могут себе этого позволить. Правда, в последнее время для привлечения посетителей во многих городах стали проводить генеалогические выставки и конкурсы по знанию истории своей семьи на базе музеев.

Очень редко в музеях встает вопрос о специализированном отделе или специалисте, который мог бы решить данные проблемы. Это связано отчасти со штатным расписанием, но в большей мере — с отсутствием специалистов. На сегодняшний день среди историков найти специалистов, хорошо разбирающихся в вопросах генеалогии, достаточно сложно, а генеалогов-профессионалов можно пересчитать по пальцам. На данный момент только в одном музее существует специализированный отдел — это сектор генеалогии Отдела книжных фондов Государственного музея А.С. Пушкина в Москве.

Есть еще одна методологическая проблема — до сих пор нет общей методики, связывающей архивные и музейные фон-

ды. И если многие архивы разработали методические пособия по поиску генеалогической информации, то в музеях не только не знают таких методик, но очень часто исследователи не ведают, что хранится в музейных фондах, особенно в отделах письменных источников. А там могут быть не только косвенные генеалогические источники, но и прямые, такие как метрические свидетельства, брачные обыска и т.д. Причина такой неосведомленности в том, что музеи редко публикуют свои собрания, а найти путеводители по таким отделам практически невозможно, не говоря уже о едином сводном каталоге. Это связано не только с разобщенностью музеев, но часто и с экономическими и кадровыми проблемами, такими как отсутствие денег и нехватка сотрудников для обработки фондов. Правда, первые попытки объединить фонды музеев, библиотек и архивов появились: так на сайте «Архивы России» (<http://www.rusarchives.ru>) представлен раздел «Архивохранилища музеев и библиотек» (<http://www.rusarchives.ru/muslib>), но опять же, здесь показана малая часть того, что в действительности хранится в данных учреждениях.

Все перечисленные проблемы вытекают из проблем самой генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, ведь будучи одной из самых старейших дисциплин, генеалогия по сей день имеет слабую методологическую основу. Кроме того, когда при делении дисциплины на теоретическую и практическую практической частью может заниматься любой человек, интересующейся жизнью своих предков, то теоретическая часть на данном этапе требует новых подходов в связи с развитием междисциплинарных связей, возможностей изучать родословия всех слоев населения, новых способов хранения и репрезентации источников, а также и самих родословий.

Из вышесказанного очевидно, что генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина, знание ее истории, методики и источниковой базы необходимы для музейных сотрудников, могут дать новые направления научно-исследовательской деятельности и оказать немалую помощь в работе с музейными предметами.

**Источниковедческие изыскания М.И. Ростовцева
в музейных фондах Лувра**

Выдающийся русский историк-антиковед М.И. Ростовцев (1870–1952 гг.) впервые побывал в Париже с научными целями еще в 1896 г., то есть в период своей зарубежной стажировки для написания магистерской диссертации (Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биограф. хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 56–57). С тех пор на протяжении многих десятилетий ученый регулярно посещал различные музейные хранилища Франции для работы с их уникальными собраниями античных предметов. Естественно, что в числе этих музеев, в конце концов, оказался и главный из них — Лувр.

Одним из результатов научных изысканий в его фондах стала статья 1937 г., посвященная источниковедческому анализу художественных изображений на двух античных вазах из коллекции музея (Rostovtzeff M. Two Homeric Bowls in the Louvre // *The American Journal of Archaeology*. 1937. Vol. 41. P. 86–96). Сосуды, на которые обратил внимание М.И. Ростовцев, примечательны тем, что, принадлежа к большой группе так называемых гомеровских ваз (а они, в свою очередь, являются ранней разновидностью мегарских и датируются первой половиной III в. до н.э.), рассматривались до тех пор археологами как некое исключение из общего правила. Специфика гомеровских ваз как таковых заключается в том, что на них изображались композиционно сложные «эпизоды наиболее классических, даже канонических, эпических поэм и трагедий», в особенности «Илиады» и «Одиссеи» Гомера (отчего они и получили свое название), а также, гораздо реже, подвиги Геракла, в то время как основная масса мегарских сосудов украшалась лишь тривиальными мифологическими или реалистическими сценами и самым простым орнаментом (Ibid. P. 86–87). Однако, по утверждению французского археолога Ф. Курби, две вазы из луврской коллекции, по характеру и изящности изображений относясь к группе гомеровских, по своему сюжетному наполнению, тем не менее, выбиваются из общего ключа, поскольку на

них мы видим не иллюстрации классических произведений античной литературы, а «сцены повседневной жизни» (Ibid. P. 87). Этот тезис М.И. Ростовцев считает необходимым подвергнуть решительному пересмотру.

Анализ изображений (набег кинедов-развратников на хозяйство мельника) и надписей (носящих характер бурлеска) на первой вазе позволяет ему утверждать, что здесь мы видим вовсе не эпизод повседневной жизни, а, скорее, сцену из какой-то юмористической пантомимы в стиле комедий Менандра (Ibid. P. 87–90). Что касается второй вазы, то отнести ее к «стандартному» гомеровскому типу еще проще, опять-таки благодаря надписям, объясняющим, что здесь изображен один из подвигов Геракла, а именно поимка Эриманфского вепря и предварившая ее передача герою Афиной Палладой особой медной дубинки, выкованной Гефестом. Хотя ваза была впервые опубликована Ф. Курби еще в 1922 г., надписи эти удалось расшифровать только М.И. Ростовцеву, что и дало ему возможность по-иному интерпретировать рисунки на сосуде (Ibid. P. 90–93). Более того, русский антиковед выразил уверенность, что изображения на рассмотренной им вазе являются иллюстрациями к тому же самому литературному произведению о подвигах Геракла, что и рисунки на упоминавшихся выше нескольких гомеровских вазах (их общее количество теперь исчислялось тремя экземплярами) (Ibid. P. 93).

Вывод, полученный М.И. Ростовцевым, неизбежно вел к новому, еще более важному вопросу: о каком произведении идет речь? Ученый не сомневается, что это одна из многочисленных поэм об античном герое, возникших в эллинистическую эпоху (Геракл считался предком Александра и Филиппа Македонских, что обусловило широкую популярность темы). Дело в том, что рисунки на мегарских гомеровских вазах иллюстрировали исключительно произведения поэзии и изобразительного искусства, но отнюдь не прозы, а именно в прозе были написаны более ранние сочинения о Геракле (Ibid. P. 94), которые, следовательно, не могут рассматриваться в качестве источника изображений его подвигов.

М.И. Ростовцев обращал внимание читателей на тот факт, что надпись на втором сосуде присваивает подвигу по поимке Эриманфского вепря пятый порядковый номер, в то время как все известные нам литературные источники помещают его на третье или четвертое место. Вместе с тем имеются еще два вещественных памятника (мозаика из Картумы в Испании и серебряный диск, найденный в Трире), которые также указывают данному подвигу пятую позицию в общем перечне героических деяний Геракла. Это позволило предположить существование некоего авторитетного, но до сих пор неизвестного науке источника эпохи эллинизма, легшего в основу подобной периодизации его свершений (Ibid. P. 94–95). О том же свидетельствует эпизод вручения Гераклу дубинки богиней Афиной, который нигде более не встречается в известной нам литературной и археологической традиции (Ibid. P. 95–96). Все это вместе взятое позволило М.И. Ростовцеву заключить, что авторы так называемых гомеровских ваз не были зациклены только лишь на классических произведениях, но и активно осваивали сюжеты современной им эллинистической литературы, а это уже дает надежду на новые интересные находки в будущем, которые позволят историкам открыть ранее неизвестные сочинения авторов эпохи эллинизма (Ibid. P. 96).

В свою очередь, мы можем рассматривать данную статью М.И. Ростовцева как образец его источниковедческого подхода к музейным артефактам, данные которых он, как никто другой, ценил и умел встраивать в свои исторические концепции (Momigliano A.D. M.I. Rostovtzeff // Idem. *Studies in Historiography*. L., 1966. P. 91), что стало отличительной чертой исследовательского почерка ученого, резко выделявшей его среди антиковедов своего времени.

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.2.2. Проект: «Переломные периоды в развитии русской историографии XVI–XXI вв. глазами молодых исследователей».

**Старый фотографический альбом:
история в сафьяновом переплете**

В октябре – ноябре 2011 г. в рамках проекта «Выставки из личных архивов» Музеем книги Челябинской государственной академии культуры и искусств была представлена коллекция альбомов, характерных для культуры российского общества конца XIX – начала XX в. Выставка стала первой публикацией данной коллекции, позволила акцентировать значение альбома как визуального источника и самостоятельного феномена культуры, что в контексте исследований альбомной культуры на основе их содержимого, а не общей структуры, представляется относительно новым.

Краткий экскурс в историю фотоальбома позволяет вести ее отсчет «практически с момента появления фотографии» (Хариотонова Е. Вещь для руки // Родина. 2005. №5. С. 112). Фотокарточки быстро нашли свое место в домашнем интерьере, потеснив галерею живописных портретов, но массовое распространение получили к середине 1860-х гг., когда достигла своего пика мода на так называемый *portrait-cartes de visite*. Дюжина таких портретов в фотографических ателье стоила значительно дешевле, чем один полноразмерный отпечаток. Доступность стала причиной популярности, домашние собрания фотокарточек стали исчисляться десятками, а то и сотнями, что привело к необходимости найти способ их хранения, сочетающийся с удобством демонстрации. Выходом из положения стал альбом-визитница. Несмотря на дороговизну, альбомы стали непременным атрибутом городской культуры – украшением интерьеров и средством публичной самопрезентации владельцев. Репрезентативную функцию они, таким образом, унаследовали как от домашней портретной галереи, так и от предметов декоративного убранства, что предъявляло особые эстетические требования. Дорогие переплетные материалы, многообразные техники декора – все это сделало альбом синтетическим произведением искусства.

«Золотой век» альбомной культуры в России совпал с эпохой модерна и во многом воспринял его эстетическую программу.

Собрание фотграфических альбомов позволяет говорить об альбоме, как самостоятельном арт-объекте, и об альбоме, как целостном явлении, представляющем собой сложноорганизованный текст. Альбом с момента своего появления функционирует в обществе в синтезе материальной формы книги (кодекса) и авторского содержания — определенной структуры текстов, фотокарточек, подписей к ним, рисунков, аппликаций, и пр. В самом общем виде понятие «фотграфический альбом» может быть определено как издание полиграфической промышленности, предназначенное для сохранения, организации, демонстрации и интерпретации снимков. Отбор, систематизация фотоснимков, а также композиционное построение внутреннего содержания характеризуют деятельность, направленную на создание сообщения особого — визуального — характера. В альбомной компоновке фотграфии становились материалом для сообщения и дальнейшей коммуникации со зрителем. Таким образом, альбом в своем полиграфическом качестве брал на себя моделирующую функцию: воспроизводя форму книги, он имел четко обозначенные начало и конец, а также развитие действия, предопределенное последовательностью страниц. Не случайно в альбомах со слотами титульный лист, как правило, представлял собой паспарту для одиночного фот достаточно большого — «кабинетного» — формата для фоткарточки героя альбомного повествования или иного значимого лица. Финальное фот альбома в контексте его общей фабулы тоже не было случайным, что также учитывали авторы альбомного дизайна. Альбом, таким образом, уподоблялся нарративу, повествованию.

Материальные характеристики альбома задавали способы создания текста на его страницах. Имя автора-«отправителя» сообщения — владельца альбома — становилось настолько принципиальным, что композиция металлического декора верхней крышки переплета стала предусматривать наличие небольшой пластины для гравировки его имени. Способы крепления фоткарточек программировали композицию страницы и разворота.

Стандартные страницы-слоты из плотного картона с вырубками-паспарту или фигурные прорези для крепления фотокарточек «за уголки» — больше подходили для официальных студийных фото. Альбомы с «чистыми» картонными страницами позволяли создавать коллажи из любительских фотоснимков, приложений, рисунков, подписей и стремились к эмоционально-свободному повествованию. Эволюция альбомной страницы от формально-слотной организации к свободно-эмоциональной свидетельствует об интимизации культуры фотографического альбома, обретении им своего языкового кода, о развитии двух векторов репрезентаций посредством альбомной культуры — официальной и интимно-личностной, семейной, конструированию личной и социальной идентичности их авторов и героев.

Таким образом, старый фотографический альбом, служивший репрезентациям личности, семьи, корпоративных сообществ является нам сегодня историей в нескольких измерениях. Личная коллекция альбомов — культурно значимый феномен, характеризующий сферу частного коллекционирования как источник эмпирического материала, форму сохранения культурного наследия, научного творчества автора коллекции, формирования культурного пространства. Коллекция убедительно свидетельствует, что альбомная культура современности (семейный, биографический, корпоративный, юбилейный, выпускной фотоальбомы, фотокнига, фотоблог, скрапбукинг) является результатом развития коммуникативной функции альбома и имеет аналоги в прошлом. Реконструкция истоков позволяет выявить традиции, тенденции, прогнозировать перспективы, обогащать текущую практику.

О.В. Андреева (Москва)

Презентация и публикация вещественных источников по истории книгопечатания в музее книги

По содержанию экспонируемого материала существующие в мире музеи книги делятся на универсальные, музеи издатель-

ского дела, музеи книгопечатания и полиграфической техники, музеи бумаги и бумагоделательной техники, музеи переплета и переплетного дела, музеи шрифта и шрифтолитейного дела, музеи графики и репродукционной техники, музеи книжного формата (миниатюрных книг), музеи экслибриса, музеи прессы, мемориальные музеи деятелей книжной культуры, постоянные книжные выставки, временные книжные выставки.

Первые выставки и музеи данного профиля возникли в XIX в., хотя традиция показа сокровищ из фондов библиотек восходит еще к временам Средневековья (Santa L. Della Construzione del Regolamento di una Publica Universale Biblioteca, con la pianta dimostrativa. Firenze, 1816). В настоящее время в различных странах существуют более трехсот подобных учреждений. Среди них такие прославленные музеи как Гутенберговский музей в Майнце (Германия), Музей книги в Ждяре над Сазавоу (Чехия), Музей книги и книгопечатания при Королевской библиотеке Альберта I в Брюсселе (Бельгия), мемориальная типография Плантена–Моретуса в Антверпене (Бельгия) и другие.

В нашей стране попытки создания музея книги предпринимались еще в 1920-е гг. в Государственной центральной книжной палате, в Румянцевской библиотеке. Выставки по истории письменности и книги в начале 1930-х гг. проходили в ленинградском Институте (Музее) книги, документа, письма АН СССР. В последующие годы выставки по истории рукописной и печатной книги устраивались на базе отделов редких книг крупнейших научных библиотек.

С 1983 г. в Российской государственной библиотеке функционирует научно-исследовательский Музей книги, созданный при содействии Министерства культуры СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Музей книги РГБ ведет постоянную выставочную, образовательно-просветительскую работу, проводя экскурсии для разных групп посетителей, в основном школьников (до 10 000 человек в год). В Москве существуют и другие музеи книжной тематики. В 2008 г. на территории парка культуры и отды-

ха «Сокольники» был открыт Современный музей каллиграфии, входящий в состав Международного Совета музеев.

В Московском государственном университете печати им. Ивана Федорова с 2000 г. существует музей истории полиграфии и книгоиздания, обладающий солидной коллекцией старинных и современных книг, полиграфического оборудования и других экспонатов. Он является первым и пока единственным в своем роде. В нем собрано более 70 единиц отечественной и зарубежной полиграфической, множительной техники XIX–XX вв. На сегодня это самая крупная коллекция данного профиля в России, включая Политехнический музей. Регулярная публикация в профессиональной печати о ходе комплектования фондов, списков наименований требуемого полиграфического оборудования позволила привлечь к музею внимание и помощь специалистов. Коллекция пополнялась с помощью коллективных и индивидуальных спонсоров — фирм Гейдельберг, Кениг и Бауэр, Ям Интернешнл и др.

Все этапы производства печатной продукции в той или иной степени полноты представлены в музее МГУП соответствующей техникой: редакционная подготовка; обработка текстовой и изобразительной информации; изготовление печатных форм; печать; брошюровочно-переплетные и отделочные процессы. Музей располагает также большой коллекцией шрифтов разных гарнитур и кеглей.

Механизмы сохранения, наследования и актуализации книжно-культурного достояния востребованы в максимальной степени тогда, когда в музее получают отражение самые разные вопросы, связанные с книгой, — ее оформлением, производством, распространением и т.п. «И все же главная задача музейной экспозиции — пробудить чувство удивления ее сложностью и многогранностью, представить книгу как “чудо из чудес”, вызвать уважение и признательность к людям, уму, таланту, организаторским способностям, а часто и мужеству которых книги обязаны своим появлением» (Музей книги: (Методические рекомендации по созданию экспозиции) / авт.-сост. Л.Н. Петрова, К.П. Сокольская, Л.И. Юниверг. М., 1989. С. 5).

Современные требования к организации визуальной пропаганды в музее предполагают привлечение зрителей к активному освоению вещественно-предметного, текстового, иллюстративного ряда экспозиции. Созданию максимально насыщенной информационной среды, воздействующей на сознание и органы чувств посетителей музея книги, способствует инкорпорирование музейных предметов в пространство учебных корпусов, выход за пределы помещения музея. Таким образом, создается особая атмосфера полиграфического вуза.

Устная, печатная и визуальная публикация фондов и мероприятий музея осуществляется в новостных и документальных передачах радио и телевидения, на сайте МГУП, в периодике. Так, положительные отклики имел фильм «Полиграфические машины», созданный в 2003 г. сотрудниками музея совместно с каналом «Культура» (серия «Машины времени»).

Пропаганда музея и необходимость введения в научный оборот его фондов потребовали публикации каталога (Полиграфическое оборудование в собрании музея Московского государственного университета печати: каталог экспонатов. М., 2009. 72 с.), в котором полно представлено допечатное, печатное и послепечатное оборудование. Каталог богато иллюстрирован. Ценным его элементом является библиографический список изданий 1920–1960-х гг., из которых можно почерпнуть сведения об устройстве, технических характеристиках машин и оборудования.

О.Н. Артемьева (Омск)

Методические основы создания Генерального каталога музейных коллекций Омской области

Проблема каталогизации музейных коллекций в условиях современного информационного общества становится одной из наиболее актуальных. Ее значение на общегосударственном

уровне признано в таком документе, как «Положение о Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации».

Особенно остро вопрос каталогизации стоит для небольших муниципальных музеев в силу ограниченности их материальной, технической и кадровой базы. Коллекции именно таких музеев оказываются наиболее уязвимыми. Каталогизация в данном случае позволяет решить сразу комплекс проблем: обеспечить большую сохранность, изучение и систематизацию коллекций.

В Омской области предпринимается попытка решения этой проблемы объединенными усилиями министерства культуры области и методического центра по работе с муниципальными музеями — Омского государственного историко-краеведческого музея. В 2009 г. началось создание электронного Генерального каталога муниципальных музеев. Создание каталога подразумевает внесение в электронный реестр всех музейных коллекций муниципального фонда. Для работы над созданием каталога привлекаются сотрудники всех муниципальных музеев области. Осложняет координацию деятельности рассредоточенность группы. Работа над каталогом займет длительный период времени, что неизбежно ведет к проблеме смены участников в ходе работы. В таких условиях создание каталога как единого продукта затруднено, т.н. «человеческий фактор» играет огромную роль. Обеспечить единообразие подходов к составлению каталога может только работа методического центра, роль которого была возложена на Омский государственный историко-краеведческий музей.

Масштаб каталогизации поставил ряд методических задач, требующих принципиального решения, из которых главной стала задача обеспечения единообразия атрибуции предметов. Можно выделить основные направления ее решения:

1. Четкое определение позиций атрибуции предмета, которые в рамках каталога задаются программным обеспечением. Программа «Генеральный каталог музейных коллекций Омской области» имеет определенные поля для заполнения.

2. Унификация содержания полей атрибуции. Общие требования к заполнению полей были изложены в специально подго-

товленных «Методических рекомендациях для муниципальных музеев Омской области», выпущенных к моменту начала работы над каталогом.

3. Методический контроль за заполнением форм. Сервер каталога расположен в методическом центре, внесение предметов в электронный генеральный каталог проверяется методистом ОГИК музея.

Такая форма организации работы над каталогом требует достаточно высокого уровня квалификации сотрудников муниципальных музеев, занимающихся вводом информации в каталог. При этом разным является реальный уровень профессиональной подготовки кадров на местах. Поэтому изначально в формах заполнения были жестко определены некоторые методические аспекты атрибуции предмета. Так, одним из определяющих полей является «Коллекция». Методическим центром была составлена классификация коллекций, из которого необходимо выбрать соответствующий. Были рекомендованы варианты заполнения полей по сохранности, технике изготовления.

Как показала практика, одно из наиболее сложных для заполнения полей — «Описание». При заполнении поля важным является единообразие заполнения.

Опыт создания тематических каталогов муниципальных музеев позволил выработать простейшую структуру описания предмета, основанную на трех основных позициях: форма, составные части, орнамент. Однако специфика описания различных коллекций очень велика, что требует серьезного методического обеспечения процесса. В первую очередь для муниципальных музеев были подготовлены методические материалы по всем классам коллекций каталога, включающие образцы описания и список методической литературы.

Регулярно проводятся семинары для сотрудников музея по вопросам каталогизации, обязательно включающие мастер-классы, проводимые опытными сотрудниками методического центра. Изданы методические рекомендации по описанию одежды, текстиля, военной формы. Они содержат рекомендации по выделению предметов в данную коллекцию, краткий словарь

терминов и рекомендации по описанию предмета, снабжены иллюстративным материалом. (Генеральный каталог музейных коллекций Омской области: Методические рекомендации для муниципальных музеев Омской области / Е.М. Бежан, О.С. Шерстобитова. Омск: ОГИК музей, 2009. Ч. 1. 16 с.; Методические рекомендации по описанию предметов одежды для Генерального каталога музейных коллекций Омской области. / О.Н. Артемьева. Омск: ОГИК музей, 2010. Ч. 2: Атрибуция формы Красной Армии. 11 с.; Методические рекомендации по описанию предметов одежды для Генерального каталога музейных коллекций Омской области. / О.Н. Артемьева. Омск: ОГИК музей, 2011. Ч. 3: Этнографическая коллекция. 14 с.).

В электронном виде были подготовлены рекомендации по описанию бон и денежных знаков. Готовятся публикации по другим видам музейных коллекций. Для сотрудников муниципальных музеев проводятся консультации, в т.ч. с выездом специалистов методического центра на места.

Одним из методических приемов, облегчающих каталогизацию, является синхронное описание одного из классов коллекций всеми музеями. Начало каталогизации положило описание коллекции бонистики, затем рекомендовалось введение в каталог коллекций текстиля. В первый же год работы над каталогом был составлен список редких и ценных предметов, в соответствии с критериями, разработанными методическим центром.

В настоящее время работа над каталогом продолжается.

Э.Р. Ахунова (Омск)

Сохранение, презентация и обработка этнографических коллекций в сельских и районных краеведческих музеях Западной Сибири

В последней четверти XX в. в сельских районах Сибири стали возникать небольшие музеи, отражающие быт, культуру и историю этих сельских поселений. Сотрудники Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН вместе со студентами

и магистрантами ОмГУ уже несколько лет отправляются в экспедиции в сельские районы Омской и Тюменской областей.

В сельских районных музеях, где компактно проживают сибирские татары (краеведческий музей Уленкульской школы Большереченского района Омской области, сельские музеи сел Ембаево и Чикча Тюменской области) количество предметов этнографии сибирских татар на порядок больше, чем в районных краеведческих музеях. Сохранность большинства этих предметов на высоком уровне.

Так, в Большереченском районном краеведческом музее, открытом в 1959 г., имеется 8359 предметов, из них предметов татарской этнографии — всего 27. В Тарском историко-краеведческом музее, открытом в 1932 г., коллекция этнографии сибирских татар также небольшая и состоит всего из 44 предметов. В селе Уленкуль находится единственная в Омской области средняя школа с этнокультурным компонентом, и эта школа является центром общественной жизни с. Уленкуля и окрестных татарских деревень. На сегодняшний день в школе существует прекрасный краеведческий музей, расположенный в двух школьных кабинетах. В одном кабинете содержатся материалы, отражающие историю создания и развития Уленкульской средней школы, а в другом — находятся материалы, отражающие быт и культуру сибирских татар.

Сейчас в краеведческом музее школы в зале этнографии (культуры и быта) числится 223 предмета. Состав этнографической коллекции в музее представлен неравномерно. Наиболее полно представлены предметы, относящиеся к традиционной домашней утвари и семейного быта. Их в коллекции 128 ед. 37 предметов относятся к одежде, обуви и головному убору сибирских татар. Мало предметов, относящихся к разделам детства, охоты и земледелия. Примерно половина предметов, собранных в музее, произведена кустарным способом, в основном местными жителями (посуда, одежда, головные уборы, орудия труда). Эти предметы датированы, по большей части, серединой XIX — серединой XX в.

Музей в селе Ембаево Тюменской области был создан в 1994 г. В музее хранятся более 2200 предметов основного фонда и более 500 предметов вспомогательного фонда. Основной фонд в большинстве своем состоит из этнографической коллекции, представленной предметами конца XVIII — первой половины XX в. Коллекция этнографического музея с. Ембаево является уникальной в своем роде. Подавляющее большинство музейных экспонатов передано в музей местными жителями в конце 1990-х гг. В настоящее время эта коллекция продолжает пополняться не только дарениями местных жителей, но и ценными вещами, присланными или привезенными из других городов России.

Как и в большинстве музеев краеведческого или этнографического профиля, большая часть этнографической коллекции в музее с. Ембаево — это предметы быта. Значительная их часть приходится на домашнюю утварь. Более ста предметов составляет коллекция посуды и предметов для приготовления пищи, это старинные фарфоровые блюда, сахарницы и чайники. Большинство предметов этнографической коллекции — местного происхождения и созданы кустарным способом, но есть и привозные вещи, которые изготовлены фабричным способом. Практически все эти предметы в музее находятся в хорошей сохранности. Большинство из них, при желании, можно пользоваться в хозяйстве и сейчас.

Почти во всех небольших музеях одинаково остро стоит вопрос о сохранности и атрибуции предметов, часто документация ведется небрежно, а книга поступления заполняется все время разными людьми. В книге поступления приводится мало данных о предмете, не всегда указывается от кого приняли ту или иную вещь, не сообщается история предмета, нет хотя бы краткого описания. Это осложняет изучение музейных предметов и их атрибуцию. Условия хранения предметов в сельских музеях находится на низком уровне: не выдерживаются ни температурный и световой режимы, не поддерживается определенная влажность, не производятся реставрационные работы. Для сохранения и изучения музейных этнографических коллекций в небольших районных и сельских музеях нужны квалифицированные кад-

ры, современное оборудование и постоянные контакты с крупными музеями регионов и вузов для совместной научной работы и обработки материалов. Ведь в таких маленьких музеях хранится большое материальное и духовное богатство народа, его история и культура.

С.И. Баранова (Москва)

Русский изразец как исторический источник

Интерес к русскому изразцу постоянно формирует те или иные подходы, сложившиеся в практике его изучения. Ни один из них, однако, до сих пор не охватывал эту «общность» целиком. Авторы невольно «сепарировали», выделяли одно из качеств этого многогранного источника, а сведения об остальных сторонах привлекали в лучшем случае в виде готовых выводов.

До недавнего времени в большинстве своем эти методические подходы оставались неизменными. В исследовании изразца, начатом в середине XIX в., выделилось два различающихся своим походом направления, которые можно назвать «архивным» и «архитектурно-реставрационным». На основе их синтеза в конце столетия была предпринята попытка осветить всю историю изразца, в которой проявились элементы нового искусствоведческого подхода; этот подход в будущем станет самостоятельным и даже абсолютизированным.

Исследовательские подходы XX в. обеспечили выход на новый источниковедческий уровень. За ними стоят три новых явления: начало формирования коллекций изразцов в музейных собраниях (с последней четверти XIX в.); изучение технологий производства керамики; привлечение к процессу исследований «полевой» археологии.

«Музейный» подход обеспечивал изучение отдельно взятого изразца, формируя критерии подлинности; «технологический» связал изразец с исследованиями керамического производства; «археологический» рассматривал изразец не только как выделенный, особый вид изделия, но как часть общего процесса

развития керамического производства (хронологии, типологии, топографии и технологии).

С 1970-х гг. начался новый этап в изучении изразца, продолжающийся до сих пор. Для него характерно распространение представлений о значимости изразца как объекта истории и археологии, нарастание усилий по освоению этой части наследия и его публикации, а также по осмыслению общего процесса развития изразца в России. В нем нашло место продолжение всех ранее намеченных направлений в исследовании изразцов, и более того — стала заметна потребность в новом подходе, который позволит синтезировать все возрастающий объем материала и, главное, постепенно расходящиеся по разным направлениям методические подходы. В нашем случае обращение к этой проблеме было связано с изучением коллекции московских изразцов (печных и фасадных) в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника, что потребовало иного подхода для понимания изразца как явления истории культуры Москвы.

Суть этого подхода заключается (1) в полноте охвата комплексов изразцов на зданиях Москвы (как сохранившихся, так и утраченных), а также в музейных собраниях; (2) в рассмотрении одного из принципиальных вопросов источниковедения — вопроса о подлинности, о способах проверки степени надежности копий, попадающих в наше поле зрения изразцов (как сохранившихся на зданиях, так и введенных в музейные собрания); (3) в проведении по поводу каждого из привлекаемых объектов (изразцов), вплоть до отдельно взятого артефакта, подробного исследования с использованием всего арсенала музейной атрибуции, а также выявлении аналогов; (4) в привлечении к анализу не только самих изразцов, но и тех строений (экстерьеров и интерьеров), с которыми они были неразрывно связаны, а также тех социальных организмов, благодаря которым они смогли появиться, для раскрытия механизма их производства и «потребления».

В качестве отдельной составляющей описываемого подхода необходимо выделить (5) — изучение комплексов и предметов вместе с их окружением вплоть до самой дальней (и самой, пожалуй, интересной историкой) «периферии» — вплоть до тех ис-

торических персонажей, тех реальных личностей, которые вступали между собой в деловые и иные отношения по поводу заказа, производства, покупки, использования изразцов.

Говоря проще, суть — в рассмотрении изразца как самостоятельного вида исторических источников внутри большой общности источников материальной культуры Москвы и в выявлении на основе такого подхода особых элементов ее городской культуры и ее связи с другими центрами. Эта модель извлечения информации путем разностороннего анализа оказалась продуктивной на московском материале (Подробнее см.: Баранова С.И. Москва изразцовая. М., 2006; Она же. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011). В настоящее время он используется в исследовании изразцов Ярославля.

Выбранный метод стал тем рабочим инструментом, который позволил при опоре на изразец как на подлинный документ своего времени проникнуть в суть явлений городской жизни. Начав с выявления полного круга московских памятников с изразцовым декором, мы пришли к анализу приемов использования изразца в структуре объектов и определению элементов его своеобразия; к систематизации и анализу основных сюжетных мотивов с раскрытием содержательной тематики отдельных изразцов и их комбинаций; к изучению организации и истории производства в Москве; к определению периодов становления и развития московского круга мастеров и мастерских/школ, к кругу заказчиков — государей и горожан.

Это позволило увидеть изразец как род самостоятельного явления городской жизни и рассмотреть его внутри ряда историко-культурных контекстов. Среди них и традиционные, такие как производственный и стилевой, и новые, например, рассматривающие изразец как область массовой коммуникации горожан, как носитель визуальной и текстовой информации, как статусный и престижный объект, как источник по социальному развитию Москвы, как переносчик инноваций и другие.

В итоге изразец оказался вполне самостоятельным историческим источником, подлинным документом своего времени, позволившим проникнуть в суть явлений городской жизни, и занял

свое место в системе исторических источников, принадлежащих области материальной культуры.

Л.В. Белгородская (Красноярск)

Опыт репрезентации культурного наследия России в американском музее Хиллвуд

Среди зарубежных музеев большой интерес для историков и музееведов представляют музеи русского искусства. Среди них выделяется музей Хиллвуд (Вашингтон, США), созданный на основе частной коллекции — самой крупной коллекции русского искусства за рубежом. Автор представленного материала изучает в течение ряда лет образ России в западных изданиях, неоднократно встречала в литературе упоминания об этой музейной коллекции, а в 2011 г. мне посчастливилось принять участие в международной конференции в США и детально познакомиться с коллекцией и опытом работы музея. Он создан в 1973 г. по завещанию предпринимательницы М.М. Пост. В 1937–1938 гг. она вместе с третьим мужем Д.И. Дэвисом (в то время он был послом США в СССР) жила в Москве. Марджори Пост открыла здесь для себя русское искусство и сделала его предметом страсти и коллекционирования на всю жизнь. В коллекции представлены ценнейшие произведения искусства, вывезенные из советской России в 1930-е гг., а также приобретенные успешной предпринимательницей позднее. В фондах музея находятся портреты Екатерины Великой, Николая I, Александра I, несколько портретов и фотографий последнего русского царя и членов его семьи. В пристроенном к особняку Павильоне привлекает внимание большое полотно кисти К. Маковского «Боярский свадебный пир» и портрет графини Ю.П. Самойловой К. Брюллова. Богатейшая коллекция фарфоровой пластики включает статуэтки «русских типов», выполненные в XIX в. В парадных залах представлены предметы из четырёх орденских сервизов, изготовленных по заказу Екатерины II (сервизы в честь св. апостола Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Георгия Победоносца и св. Владими-

ра). В коллекции музея находятся два пасхальных яйца работы мастерской Карла Фаберже, корона Александры Фёдоровны. В Зале икон выставлены 400 произведений русского религиозного искусства, купленные в комиссионных магазинах и на складах Государственного Музейного Фонда. Коллекция содержит много экспонатов, связанных с пребыванием семьи в СССР, среди которых выделяются фотографии советской Москвы и подарки руководителей нашей страны семье посла. Среди форм репрезентации музейной коллекции можно выделить несколько.

Подробная информация обо всех экспонатах русской коллекции представлена на сайте музея. Регулярно проводятся серии мероприятий, связанных с представлением музейных предметов из русского фонда (в 2010 г. были проведены акции «Русская традиция “Хлеб-соль”», «Старый новый год», «Работы Фаберже», «Иванов день» и др.). Продажа сувениров и реплик русских музейных экспонатов (особенно популярна корона Александры Фёдоровны и два пасхальных яйца).

Научная работа музейных сотрудников, работников библиотеки и архива отражается в монографиях и альбомах. Среди новейших публикаций отметим книгу Ann Odom «Russian Silver in American Collections: Surviving the Melting Pot» (London, 2011).

Детская музейная педагогическая деятельность предусматривает работу с детьми, начиная с возраста 2–5 лет. Им предлагают, например, «изучить предметы искусства и создать работы в русском стиле» (программа семейного фестиваля 24 марта 2010 г.).

Одной из форм репрезентации является предоставление права издательствам репродуцировать картины на страницах крупнейших энциклопедий мира. Визуальный образ России в сознании западного читателя во многом связан с экспонатами Хиллвуда. Традиционно в биографических очерках крупнейших британских и американских энциклопедий помещаются портреты российских императриц и императоров XVIII–XX вв. из коллекции этого музея, очень редко из коллекции Эрмитажа и иных российских музеев. «Британская энциклопедия» помещает полвека портреты Анны Иоанновны, Павла I, Александра I, Николая I,

Александра II, Александра III, Николая II исключительно из собрания живописи музея Hillwood. Портрет последнего императора работы Всеволода Стрекаловского (1914–1917 гг.), иллюстрирующий очерк «Николай II» в «Британнике», прекрасно показывает тяжёлое душевное состояние императора, очень скоро написавшего в дневнике: «Кругом измена и трусость и обман».

Опыт зарубежных коллег, с которым можно познакомиться на сайте музея (<http://www.hillwoodmuseum.org/>), а также подписавшись на рассылку, будет интересен историкам и музеологам.

А.В. Беляков (Рязань)

Вещи служилых Чингисидов в музейных собраниях России: традиция и реальность

На настоящий момент за период XV–XVII вв. в России известно 189 Чингисидов (потомков Чингисхана). Благодаря статусу царей и царских детей они занимали здесь видное положение, уступая в иерархии только московским царям (великим князьям). Однако вещи, в разное время принадлежавшие им, практически неизвестны.

До наших дней дошло две серебряные коранницы или капторги (коробочка для хранения изречений из Корана), принадлежавшие Касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану (в настоящее время находится в Петербурге) и имелдешу Исенею (Ишанею) Карамышеву (в настоящее время ее реплика хранится в Казани, в Музее национальной культуры). В ГИМе находится подлинная коранница имелдеша. Там она атрибутирована как серебряная капторга египетской или турецкой работы, принадлежащая некоему царевичу касимовскому Инаю Имильдину (?).

Еще один предмет, который мог находиться какое-то время в доме касимовского царевича, — это турецкая сулея, поднесенная Сеид-Бурханом б. Арсланом в 1653 г. царю Алексею Михайловичу. Сулея (правильнее, матара) — фляга с пробкой, которая крепится к корпусу на цепи. Начиная с XVI в. является одним

из символов верховной власти в Турции. В настоящее время она отождествляется с сулеей, хранящейся в Оружейной палате.

Также в собрании Оружейной палаты находится шлем, «шапка ерихонская кучюмова». Эта «шапка» была преподнесена в дар царю Алексею Михайловичу боярином Борисом Петровичем Шереметевым. Традиция связывала этот предмет с именем хана Кучума. Действительно ли это так и каким образом парадный шлем хана попал к Шереметеву, неизвестно. Однако при Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор хана Кучума. Другие предметы из данного музейного собрания (луки, стрелы, сабли, тулунбасы) могут оказаться связанными с именем хивинского царевича Авган Мухаммед б. Араб-Мухаммеда.

Известно, что у супруги Симеона Бекбулатовича, княгини Анастасии Мстиславской, имелась собственная золотошвейная мастерская. До наших дней сохранился находящийся в настоящее время в собрании музея «Оружейная палата» покров «Алексий митрополит» 1581 г., поступивший из Кремлевского Чудова монастыря. Другой известный покров, «митрополит Филипп» 1650 г., из собрания «Оружейной палаты» происходит из мастерской Евдокии Андреевны Стрешневой, дочери царевича Андрея Кучумова и супруги боярина Василия Ивановича Стрешнева. Логично предположить, что и в иных музейных собраниях хранятся предметы русского золотошвейного искусства, вышедшие из мастерских, связанных с именами тех или иных Чингисидов. Подобные вещи ценны для нас еще и тем, что отчасти позволяют судить об эстетических вкусах того или иного представителя «золотого рода». Также имеются упоминания о якобы существовавших еще в начале XX в. иконах, вышитых руками жены и дочерей касимовского царевича Василия Араслановича.

Отдельные предметы восточного происхождения, в первую очередь оружие, из собрания Касимовского краеведческого музея, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника и целого ряда других (речь идет о музеях, расположенных в городах, в разное время служивших местом жительства для пред-

ставителей «золотого рода» в России) в свое время принадлежали если не самим Чингисидам, то уж точно членам их дворов.

Время от времени можно услышать о якобы переданном в Рязанский краеведческий музей из музея Рязанской ученой архивной комиссии троне касимовских царей. С высокой долей вероятности можно утверждать, что это — деревянное, грубо сработанное кресло (стул) без следов покраски, спинка и подлокотники которого имеют сквозной повторяющийся резной узор в виде соприкасающихся друг с другом волнистых линий, расположенных по вертикали и напоминающих расположение нитей при вязке. Восточные мотивы в его декоре отсутствуют. Специальных исследований данного предмета не проводилось. В музее он хранится без атрибуции. В настоящее время считается, что этот предмет относится к XVII в. Однако это далеко не окончательная датировка. Вполне возможно, что его изготовили значительно позже, в XVIII, или даже XIX в. Все же, в целом, данное кресло соответствует русским образцам XVI–XVII вв. как по форме, так и по орнаменту. Н.Н. Соболев называет подобные произведения «предметами крестьянского мебельного искусства» и подчеркивает, что они чаще встречались в монастырях и скитах как особо почетные места для сидения и реже в домах обывателей. В Касимовском краеведческом музее в настоящее время выставлено подобное же кресло (значится как трон последней ханши Фатимы-султан Шакуловой, супруги царя Арслана б. Али), но в более плохом, нежели в Рязани, состоянии. У него имеется и серьезное отличие от рязанского «трона» — сохранившийся паз на спинке позволяющий предположить наличие в прошлом некой конструкции в виде балдахина. Хотя все же следует отметить, что кресло долгое время рассматривались в России как определенная статусная вещь. Поэтому, не имея результатов дополнительных исследований, мы не можем полностью отвергать версию о том, что данные предметы каким-либо образом связаны с последними касимовскими царевичами. Хотя, конечно же, тронами они являться не могли. Традиция наличия в Касимове, как, впрочем, и в ряде иных мусульманских державах, подобных атрибутов власти не зафиксирована. У кочевых народов и их наследников

функцию трона выполняла белая кошма, четырехугольный кусок белого войлока.

Одним из перспективных направлений поиска вещей Чингисидов является анализ описей имущества русских церквей и монастырей. Так, в литературе можно встретить известие о серебряной кружке Симеона Бекбулатовича, хранившейся до начала XX в. в ризнице Соловецкого монастыря. Также упоминается колокол с. Тутани (ныне Калининский район Тверской области) с надписью: «Сей колокол был отлит по повелению великого князя Московского Симеона Бекбулатовича». По другой версии: «Слит повелением царя Симеона Бекбулатовича». В 1923 г. он был снят с колокольни и отправлен на переплавку в Тверь.

Н.Н. Будюкина (Тамбов)

Письма Великой Отечественной войны в контексте военной археографии (по материалам Тамбовской области)

Фронтвые письма, как и другие источники личного происхождения, обладают мощным информационным потенциалом в воссоздании полноты истории Великой Отечественной войны, реконструкции сюжетов военной повседневности и понимании духовно-нравственного состояния, психологических особенностей фронтовиков и тружеников тыла.

Работа по сбору и публикации фронтвых писем началась с 1940-х гг. и интенсивно продолжилась во второй половине XX в. С 1960-х гг., в связи с постановкой вопроса о пополнении государственных архивов документами личного происхождения, она стала более планомерной и нашла отражение в журналах «Исторический архив», «Советские архивы», «Вопросы истории», а также в «Археографическом ежегоднике» и других изданиях.

В настоящее время отмечается повышение исследовательского внимания к источникам личного происхождения периода Великой Отечественной войны и активизация археографической деятельности.

Поскольку большинство музейных экспозиций включает раздел по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., наличие писем военного времени в фондах характерно практически для всех музеев исторического профиля. Процесс комплектования данных собраний — это систематическая и целенаправленная работа, активизирующаяся в канун юбилейных дат и годовщин важнейших исторических событий войны. Методика изучения таких коллекций представляет собой исследовательскую модель, сочетающую источниковедческие и междисциплинарные подходы в изучении текста.

Собрание музейно-выставочного комплекса Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (ТГУ) обладает коллекцией писем участников Великой Отечественной войны, насчитывающей 48 ед. хр. Начало ее комплектованию было положено в 1980-е гг., чему способствовала активная переписка с фронтовиками, выпускниками и преподавателями Тамбовского пединститута. Большинство писем коллекции адресованы директору учебного заведения Г.М. Михалеву. Внешняя форма фронтовых писем демонстрирует их разнообразие, позволяя объединить в несколько групп: обычное письмо в конверте, «открытое письмо», открытка, «фронтовые треугольники». В основном в письмах содержатся фрагментарные сведения о военных буднях, местах боевых действий, ранениях, сведения о сокурсниках, живых и погибших, воспоминания о мирной жизни, времени учебы в пединституте, преподавателях и друзьях. В некоторых письмах — просьбы к директору института дать сведения о знакомых, а также просьбы о рекомендации для вступления в ряды КПСС. Своеобразие этих источников в том, что они не только отражают происходившие события, но сами являются органической частью, фактом жизни народа в годы войны.

Долгое время коллекция оставалась лишь частью фонда музея ТГУ. С 2005 г. началось ее изучение. В процессе создания новой экспозиции несколько писем были представлены в ее разделе, посвященном Великой Отечественной войне. В настоящее время письма как источники личного происхождения используются при подготовке музейных мероприятий. В работе со сту-

денческой молодежью (особенно с историками и музеологами) основной акцент делается на содержательной части писем, их источниковедческом анализе. Для школьников — большее внимание уделяется внешним свойствам музейного предмета, а содержание коллекции вписывается в общий контекст темы «Тамбовский пединститут в годы Великой Отечественной войны». За время своего существования коллекция не была объектом археографической деятельности.

В Тамбовской области до настоящего момента письма фронтовиков публиковались фрагментарно, а отдельным изданием — лишь однажды. В феврале 1943 г. в издательстве «Тамбовская правда» вышел сборник «Письма с фронта». В него было включено 254 приветственных (благодарственных) письма фронтовиков, направленных в адрес обкомов партии и комсомола, облисполкома, редакции газеты «Тамбовская правда» в конце 1942 – начале 1943 г. в ответ на патриотический почин тамбовских колхозников по сбору средств на строительство танковой колонны. В тот сборник не вошли (да и не могли войти) письма личного характера, обращенные к любимым и близким людям.

В период с 2005 по 2010 г. в Тамбовской области осуществлено издание целой серии сборников документов периода Великой Отечественной войны, подготовленных авторским коллективом в составе В.Л. Дьячкова, М.М. Дорошиной, И.И. Муравьевой: «Письма Великой Отечественной» (2005), «Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (в 2 т., 2008), «Тамбовцы на фронтах Второй мировой войны 1939–1945 гг.» (2010). В последнем издании нашла отражение и коллекция писем музея ТГУ.

Сборник «Письма Великой Отечественной» представляет собой издание научно-популярного типа, включающее источники одной разновидности независимо от их фондовой принадлежности и предназначенное для распространения исторических знаний и популяризации исторических документов среди широкого круга читателей. Абсолютное большинство документов публикуется впервые. Сборник состоит из четырех глав. Каждая глава отражает конкретный хронологический период Великой Отече-

ственной войны и содержит тематические разделы: письма родным и близким, письма в органы власти (отдельно приветственные, благодарственные и так называемые жалобы). Особое место в сборнике занимают письма на фронт, сам факт сохранности которых является поистине уникальным. Все главы, разделы сборника имеют поэтические названия, эпитафии, с целью достижения максимального эмоционального воздействия использованы стихи военных лет. Издание снабжено научно-справочным аппаратом, включающим Введение, археографическое предисловие, текстуальные примечания и комментарии по содержанию, Приложения (краткие исторические справки о г. Тамбове и Тамбовской области, системе социального обеспечения, особенностях денежного обращения в годы Великой Отечественной войны и т.п.), Именной указатель, Список сокращений, Перечень публикуемых документов, фотоиллюстрации.

Таким образом, вышедшая в последнее десятилетие серия изданий представляет собой равновесную и полную, построенную на едином принципе историзма документальную энциклопедию жизни Тамбовской области и ее людей в годы Великой Отечественной войны в зеркале документов и источников от предвоенной истории 1939 г. через все этапы войны к первым послевоенным месяцам. В научный оборот вводится объемный пласт неопубликованных архивных материалов. Данные издания особо значимы для понимания не политической, а человеческой стороны трагизма войны, раскрытой через судьбы и переживания отдельных людей — уроженцев и жителей Тамбовской области.

М.А. Воронцова (Тула)

**Представление археологических коллекций
в выставочной практике Государственного
музея-заповедника
«Куликово поле»**

Археологические предметы в выставках и экспозициях традиционно вызывают живой интерес посетителей. Но, в отличие

от уникальных шедевров древнего ремесла, рядовые археологические находки не обладают достаточной аттрактивностью для широкой публики и могут «разочаровать» посетителя. Поэтому они требуют особого подхода при экспонировании.

В основном эта проблема актуальна для провинциальных музеев, не располагающих уникальными предметами и строящими археологические экспозиции на ординарных бытовых предметах, иллюстрирующих повседневную жизнь рядовых жителей древности.

Выставочные проекты музея-заповедника «Куликово поле» ориентированы на жителей г. Тулы и реализуются в археологической экспозиции музейно-выставочного центра «Тульские Древности» (филиал музея-заповедника). В 2009–2011 гг. была создана серия выставок «одной витрины», в которых в качестве анонса представлялись «свежие» археологические материалы, то есть находки текущего сезона. Для их представления создавались сопровождающие выставки видеоролики, слайд-шоу и даже специально созданный анимационный фильм.

Мы отказались от расширенного комментария, когда видеоролик напоминает скорее расширенный этикетаж с изложением обстоятельств находки и комментарием специалиста, а рассказывали историю «на тему» находок. Видеоролики были выполнены в разной стилистике и вписывали находки в исторический контекст, предлагая версии их «выпадения в слой» и апеллировали к эмоциональному восприятию «оживающей» истории.

Первая выставка, «Обретенная святыня», представляла коллекцию нательных крестов, полученных в ходе «спасательных раскопок» в историческом центре Тулы. Центральным экспонатом был крест-мощевик XV - XVI вв., найденный в слое пожара XVI в., наиболее вероятно связанного с осадой Тулы войсками Девлет-Гирея. В основу сюжета положена версия потери креста воином — участником обороны Тулы. Сюжет начинается как репортажная съемка, затем дается детальное описание находки, ее датировка, контекст, затем предлагается игровая реконструкция (перед боем отец передает сыну семейную реликвию, затем сын погибает в бою и крест падает из его руки). Примененные спе-

цэффекты при монтаже, грамотно подобранная музыка вызывают эмоциональную реакцию и, таким образом, предмет оживает, становится частью истории. Благодаря сопереживанию событиям ролика выставка надолго остается в памяти посетителей.

Вторая выставка, «Осколки старого города», представляла глиняные игрушки XVII - XIX вв. с одного из раскопов в историческом центре Тулы. Сами по себе эти находки малопривлекательны, имеют утраты, зачастую фрагментированы, поэтому для простого посетителя малопривлекательны. Поэтому в оформлении выставки и ролике мы решили настроить зрителя на лирический лад. Главной задачей было вызвать интерес к ушедшему времени, городу, нашему прошлому. Игрушки были представлены как «жители» этого ушедшего города, которые являются свидетелями пошлого и возвращают нас в старые времена. Они демонстрировались на фоне фотографий видов старой Тулы. Выставка «Находка года», представляющая материалы раскопок поселения Колесовка I, расположенного на Куликовом поле, сопровождалась более традиционным роликом, посвященным в целом итогам сезона Тульской экспедиции. В данном случае сюжет был выполнен в стиле отчета и подведения итогов.

Выставка под названием «Сказ о Балде», основывалась на всего четырех находках из одного комплекса, относящегося к культурному слою города Тулы середины XVIII в. Эти находки представляли собой рядовые вещи из органических материалов — войлочная шапка, лапоть, веревка, кожаный кошелек. Для их помещения в единый рассказ был снят «лубочный» анимационный фильм, рассказывающий о приключениях мифического тульского «Ваньки», потерявшего эти вещи. Для фильма был придуман оригинальный стих о тульском Ваньке по прозвищу Балда. В нем рассказывается об обстоятельствах потери вещей и их находке археологами и помещении в музей. Был найден удачный режиссерский ход, при котором нарисованные вещи — участники мультфильма — в конце фильма оказываются лежащими в нарисованной витрине музея, такой же, как на выставке. Интересно было наблюдать как этот эффект воспринимался детьми 5–6 лет. Когда им сказали, что вещи из мультлика они

теперь могут посмотреть в витрине — они буквально кинулись их рассматривать. Проведенный по итогам выставки конкурс на лучший лубок — рассказ о туляке, потерявшем представленные на выставке вещи, позволил провести еще и выставку этих работ.

На выставке «Дело — табак!» была представлена коллекция глиняных курительных трубок XVII–XIX вв. Для задника витрины было изготовлено панно с изображениями трубок и курильщиков разных эпох и народов. Видеоролик рассказывал о наказаниях, которым подвергались любители «подымить» в эпоху Нового времени.

Эмоциональная подача археологических предметов с апелляцией к «родному» историческому пространству позволила приблизить археологические артефакты к уровню восприятия посетителей музея, избежав при этом вульгаризации истории. Проект археологических мини-выставок был отмечен жюри на конкурсе музейных семейных проектов в рамках выставки «Интермузей» в 2010 г. и грамотой VII Всероссийского фестиваля «Музей и видео».

В.Л. Гайдук (Москва)

**Конструирование образа Вс.Э. Мейерхольда
в музейной экспозиции «Мейерхольд — актер.
Актер в театре Мейерхольда», представленной
в музее-квартире Вс.Э. Мейерхольда**

Музей Вс.Э. Мейерхольда был создан в 1991 г. внучкой Вс.Э. Мейерхольда М.А. Валентей. Современная экспозиция «Мейерхольд — актер. Актер в театре Мейерхольда», представленная в музее, была открыта в 2009 г. Музей Вс.Э. Мейерхольда не обладал изначально собственной музейной коллекцией. Обстановка квартиры, в которой жил Мастер, не сохранилась. После того как Вс.Э. Мейерхольд был осужден и расстрелян, а З.Н. Райх убита, квартира перешла в государственную собственность. Последующие владельцы квартиры в сохранении обстановки заинтересованы не были.

Из определения экспозиции, данного в Российской музейной энциклопедии, следует, что экспозиция является «искусственно-созданной предметно-пространственной структурой <...> которая создается в соответствии с единым идейным замыслом, определяющим тип отбора, группировку и интерпретацию экспонатов» (Российская музейная энциклопедия // Электронный ресурс / [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?38> (время обращения: 06.12.2011)).

Исходя из этого определения, попытаемся выявить соответствие идейного замысла и его реализации в выставке, проходящей в музее Вс.Э. Мейерхольда. Основой идейного замысла в таком случае мы будем считать название экспозиции. Тема, заявленная в названии экспозиции «Мейерхольд — актер. Актер — в театре Мейерхольда», во-первых, ставит как минимум две проблемы: 1) творческий путь Вс.Э. Мейерхольда как актера и 2) место и роль актера в театре Вс.Э. Мейерхольда. Во-вторых, вторая часть названия экспозиции «актер — в театре Мейерхольда» неясна с точки зрения временных рамок. Хотя в экспликации выставки, размещенной на официальном сайте Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина, значит, что выставка посвящена «актерам мейерхольдовской школы дореволюционной и советской сцены» (Открытие экспозиции «Мейерхольд — актер. Актер в театре Мейерхольда» // Электронный ресурс. / [Электрон. дан.] Режим доступа: http://www.gctm.ru/branches/mkm/events/akter_open/ (время обращения: 06.12.2011)). Употребление словосочетания «театр Мейерхольда» нам кажется неуместным; сам Мастер называл свои дореволюционные организации студиями, а не театрами (Студия на Бородинской, Студия на Поварской). О «Театре Мейерхольда» уместно говорить только применительно к советскому времени, когда под этим словосочетанием понимается Театр им. Вс.Э. Мейерхольда или Государственный театр им. Вс. Э. Мейерхольда.

Обратимся непосредственно к экспонатам, на которых основана сама экспозиция, чтобы прояснить некоторые моменты. Экспозиция представлена в четырех комнатах, каждой комна-

те дано условное название, исходя из предметов, которые в ней находятся. Первая комната имеет название «Вс.Э Мейерхольд и МХТ», вторая — «Вс.Э. Мейерхольд — режиссер императорских театров», третья — «Вс.Э. и его работа в ТИМе», четвертая — «Личный кабинет Вс.Э. Мейерхольда».

Следовательно, решению первой проблемы, «Мейерхольд — актер», отвечает первая часть экспозиции, представленная в первой комнате. Среди музейных экспонатов, использованных в этой части выставки, необходимо отметить большое количество фотографий Вс.Э. Мейерхольда «в ролях», фотографии коллектива и спектаклей, поставленных Товариществом Новой Драмы, организованного Мастером после его разрыва с МХТ.

В данной части выставки объединены вместе образы Вс.Э. Мейерхольда как актера и режиссера. Следующая часть экспозиции в большей степени акцентирует свое внимание на деятельности Вс.Э. Мейерхольда именно как режиссера, организатора спектаклей. Вторая часть выставки также построена преимущественно на фотографиях. В данном случае использованы фотографии самих постановок Мастера и фотографии актеров, участвовавших в этих постановках. Также большое значение имеют фотографии эскизов декораций и костюмов. Образ Вс.Э. Мейерхольда как актера и образ актера в театре Вс.Э. Мейерхольда в этой части выставки выявить также достаточно сложно.

Третья часть выставки посвящена послереволюционному творчеству Мастера. В экспозиции представлены фотографии спектаклей, эскизы оформления и костюмов, макеты декораций спектаклей, поставленных преимущественно в театре им. Вс. Э. Мейерхольда и Государственном театре им. Вс.Э. Мейерхольда. В этой части выставки по-прежнему создается образ Вс.Э. Мейерхольда как режиссера. Актеры театра здесь представлены в контексте ролей, которые они исполняли на сцене, а сам процесс создания роли остается за скобками. Так же как и в предыдущих двух частях выставки ярче всех показан образ режиссера, образы актеров остаются в тени.

В заключительной, четвертой части экспозиции «Личный кабинет Вс.Э. Мейерхольда» делается попытка воссоздать интерьер кабинета Мастера, используя некоторые из его сохранившихся вещей (шкаф, ваза и т.д.). Также предпринимаются попытки на основе рисунков и фотографий приблизить облик современной комнаты к комнате Вс.Э. Мейерхольда. Личный кабинет — это творческая мастерская режиссера. После революции Вс.Э. Мейерхольд не позиционирует себя как актер, он становится безоговорочным теоретиком и практиком режиссуры.

Таким образом, Вс.Э. Мейерхольду как актеру, посвящена наименьшая часть выставки. Наибольшая же часть экспозиции конструирует образ Вс.Э. Мейерхольда именно как режиссера. При этом в системе мейерхольдовской режиссуры, показанной на выставке, выпадает актер. Экспонаты, на которых основана экспозиция, не способны создать образ актера в театре Вс.Э. Мейерхольда.

Следовательно, экспозиция, представленная в музее, не решает тех проблем, которые заявлены в ее заглавии. Идейный замысел выставки не соответствует его реализации. Экспозиция «Мейерхольд — актер. Актер в театре Мейерхольда» не соответствует своему названию, и соответственно идейному замыслу.

Е.В. Галищева (Сочи)

Формирование источниковедческой базы памятников археологии города Сочи

Повышенный интерес мирового научного сообщества к археологическим памятникам Сочи вызван научно-исследовательской деятельностью, которая ведётся в зоне олимпийского строительства в рамках подготовки к XXII Зимним Олимпийским и XI Зимним Паралимпийским играм. С 2007 г. по 2011 г. здесь работали археологические экспедиции научных учреждений России. Таких масштабных исследований на территории современного Сочи ранее не проводилось. К 2007 г. в Сочи было зафиксировано 105 памятников археологии, из

них в зоне олимпийского строительства в Адлерском районе — 46 памятников. К 2011 г. выявлено 25 новых археологических объектов.

Памятники, изученные в период 2007–2011 гг., относятся к следующим эпохам: палеолит-неолит, поздняя бронза, раннее железо, средневековье, новое время. Изучением памятников занимались более 300 археологов, не считая специалистов, задействованных в реставрационных работах. Были выявлены тысячи артефактов. Некоторые из них уже пополнили археологическую коллекцию Музея истории города-курорта Сочи.

Интерес общественности и специалистов к данным открытиям поставил перед сотрудниками Музея истории города-курорта Сочи задачу подготовить выставку «Тайны древней Сочинской земли. Археологическое наследие в контексте культурной Олимпиады». Концепция данной выставки заключается в воссоздании процесса археологических исследований на территории Сочи, в результате которых были открыты известнейшие в России памятники археологии, отразившие историко-культурные, этнические и социальные процессы, происходившие на Северо-Западном Кавказе, начиная от эпохи камня и заканчивая эпохой средневековья. На выставке посетитель не только познакомится с памятниками археологии Сочи, но и сам соприкоснется с процессом исследования.

Одновременно с построением выставки ведется работа по формированию источниковедческой базы, в рамках которой систематизируется научно-исследовательская и краеведческая литература, посвященная недвижимым и движимым памятникам археологии Сочи.

Цель этой работы — составить библиографический справочник по истории изучения первобытной, древней и средневековой истории Сочи. На данном этапе проводится систематизация памятников археологии, введенных в научный оборот, начиная от эпохи палеолита (самая ранняя стоянка — Богос, 100 тыс. лет) и вплоть до эпохи нового времени (XVII в. — датировка нижней части культового комплекса «Роза-1»).

Среди наиболее известных археологических памятников города можно выделить: памятники палеолита и мезолита (открытые и пещерные стоянки, Ахштырская, Ацинская и другие пещеры), памятники неолита-энеолита (стоянка Большой Воронцовской пещеры, Нижнешиловское поселение и др.), памятники эпохи бронзы (дольмены, менгиры и поселения), памятники эпохи раннего железа (поселения и могильники: «Веселое-2», «Аибга» и др.), памятники средневековья (крепости и храмы: храм близ с. Веселое, Монастырь, Крион Нерон и др.). Необходимо отметить, что в фондах Музея истории города-курорта Сочи хранятся многочисленные археологические коллекции, которые составляют основной фонд музея.

Ведется работа по составлению указателя, в основу которого положены системный, тематический и хронологический принципы. На основе хронологического принципа анализируются источники за период с 1843 по 2011 гг. Среди них — научная, научно-популярная и краеведческая литература.

К научным источникам относятся: документы учета и описания экспонатов музеев, дневники полевых исследований и отчетная документация археологических экспедиций, научная переписка, статьи в академических периодических изданиях и сборниках конференций, монографии.

К научно-популярным источникам относятся исследования признанных ученых, музейных сотрудников. В них памятники археологии рассматриваются в контексте просветительной функции. Эти издания предназначены для широкого круга читателей и имеют целью популяризацию археологического наследия Сочи и инновационных проектов, а также часто они приурочены к юбилейным датам. Эти материалы отмечены в монографиях, статьях, периодической печати, презентациях на электронных носителях, хранящихся в музее.

Отдельно выделена краеведческая литература. В данных трудах имеется информация о разведках, описаниях, статистике памятников археологии. Отбор этой литературы осуществлялся при наличии в исследованиях доказательной базы, что позволило исключить работы, содержащие околону научные знания.

Структура библиографического исследования выглядит следующим образом: первая глава — пояснение к последующим двум главам; вторая глава — описания недвижимых памятников Сочи, третья — описания движимых памятников, вошедших в фонд Музея истории города-курорта Сочи других научных и музейных учреждений страны.

Во второй и третьей главах нами выделены разделы, в которых перечислены введенные в научный оборот несохранившиеся памятники и памятники, местонахождение которых на данный момент неизвестно.

Археологические памятники систематизированы по тематическому признаку. В их описании выделяются наименование, период, статус, местонахождение, обследование, коллекция, публикация.

Анализ источниковедческой базы памятников археологии выявил динамику и приоритеты их изучения в прошлом и перспективы будущих исследований. Данная исследовательская работа поможет в построении выставки «Тайны древней Сочинской земли. Археологическое наследие в контексте культурной Олимпиады».

Н.Н. Гончарова (Москва)

Северные расписные сундуки XVII–XVIII вв.

из собрания ГИМ:

проблемы изучения, атрибуции и публикации

Северные расписные сундуки — наиболее типичные, яркие и традиционные предметы русской культуры. Являясь основными элементами средневекового интерьера, они представляют собой особое явление в декоративно-прикладном искусстве. Бытовые предметы обладают качеством своеобразного социального и психологического индикатора.

Ценностные ориентации человека, его тяготение к определенным формам и вещам позволяют отводить предметной среде важное место в изучении и понимании человека прошлого: вещь

становится как бы отражением мироощущения и эмоционально-психологического склада человека, его имущественной принадлежности, вкуса, общественного положения, идеологической ориентации. Повседневные предметы быта, и сундуки, в частности, являются важным историческим источником для познания общественно-исторических процессов.

Атрибуция северных расписных сундуков XVII–XVIII вв. достаточно сложна. Напомним, что датировать и определять место происхождения этих памятников удастся лишь по стилистическому анализу и косвенным признакам. До настоящего времени не удалось установить ни одного автора сундучных росписей. Вот почему большое значение приобретает смысловое содержание самого сюжета. Так, на наш взгляд, толкование живописного текста на внутренней поверхности крышки сундука является важным элементом атрибуции.

Мы знаем, что средневековое общество было обществом высокой знаковости, в культурном пространстве которого на изображение смотрели как на условный знак или как на символическую формулу. Существовала понятная современникам особая система приемов и правил, определяющих семантическое содержание произведения. Позднее эта очевидность была забыта. Прочтение символов-текстов, расшифровка «семантической тайнописи» становится задачей, решение которой приближает современного исследователя к основам той культуры, которая лишь частично реконструируется в таких направлениях, как, например, изучение иконописи. Светская же линия нуждается в уточнениях. Безусловно то, что росписи на внутренних поверхностях крышек сундуков не являются просто декоративным изображением, а несут в себе определенное сообщение, нравоучение или послание. Другими словами, «...элементарные по своему выражению символы обладают большой культурно-смысловой емкостью...» и играют огромную роль в общей истории художественного опыта человечества. Прочтение невербального рассказа-изображения помогает не только определить вкус живописца или владельца и их эстетические предпочтения. Это позволит установить мировоззренческие и философские пред-

ставления об устройстве мира, тесную взаимосвязь природы и личности, свойственные человеку XVII в., нравственные категории на которые опиралось средневековое общество. Подобные изображения являются редким источником по истории русского костюма, музыкальной культуры, политических противоречий и исторических событий указанного периода.

Источниками изучения происхождения, истории бытования и использования в повседневной жизни сундучных изделий послужили летописи, грамоты, лицевые рукописи, частная переписка, житийная литература, приходо-расходные книги монастырей, описи имуществ и другие документы XVII–XVIII вв.

Большую сложность представляет определение смыслового содержания живописного изображения. Непосредственными источниками в данном случае являются памятники древнерусской литературы, гравюры, иконопись, лубок и фольклор.

Важное значение для атрибутирования памятников в настоящий момент приобретает химико-технологическая экспертиза, которая лишь в последнее время начала использоваться для исследования предметов декоративно-прикладного искусства. Чисто технические сложности, громоздкость предметов и многие другие причины не позволяют со всей полнотой использовать весь спектр возможностей при таком исследовании.

Существенную роль в популяризации и публикации коллекции играет выставочная и издательская деятельность. На современном этапе нам кажется важным включать в информационные данные о памятниках весь спектр сведений, которые необходимо получить от исследуемого предмета. Говоря о материале, необходимо определить породу дерева (дуб, липа, кипарис и т.д.), дать более развернутую характеристику металла (в сундучных оковках часто использовали так называемое дешевое «болотное железо»). Современные химико-технологические исследования позволяют более точно датировать анонимные сундучные росписи. Зачастую химический состав красок играет определяющую роль в датировке памятника. И самое главное — передача той социально-культурной информации, которую несут в себе расписные композиции на северных сундуках XVII–XVIII вв.

Исследования и публикации музейных коллекций и предметов в Ярославском музее-заповеднике

Так сложилось, что внимание профессиональных исследователей из академических институтов и вузов сосредоточено прежде всего на массивах документов, хранящиеся в центральных архивах и библиотеках страны. Сложный по составу и доступности фонд источников музеев, особенно региональных остается вне магистральных путей развития науки. Вместе с тем, этот фонд имеет памятники, требующие исследования специалистами высокой квалификации, которые отсутствуют в провинциальных вузах и музеях. В связи с этим становится весьма актуальной задача введения памятников, хранящихся в музейных собраниях, в исторический и культурный контекст. Публикации источников позволяют привлечь внимание специалистов разных отраслей гуманитарного знания, в том числе и столичных, как на стадии подготовки издания, так и после опубликования. Это дает возможность углубленного исследования музейных предметов, что приводит к получению новых, порой неожиданных, данных даже об известных памятниках. Такие научные открытия на порядок повышают культурную значимость музейных предметов, позволяющую значительно усилить степень их презентации, а также страховую оценку.

За последнее десятилетие в Ярославском музее-заповеднике было найдено и использовано много интеллектуальных и финансовых ресурсов для успешной реализации вышеупомянутой задачи. Далее приводим перечень изданий, в которых, наряду со специалистами музея-заповедника, участвовали ведущие столичные исследователи. Многолетняя практика сотрудничества музея с учеными из ИРЛИ (Пушкинский Дом), Института истории РАН, Института славяноведения РАН, Института археологии РАН, исследователями из МГУ, РГБ, столичных музеев в организации научных конференций и издании их сборников была успешно использована и при публикации каталогов музейных коллекций.

1. Гулина Т.И. Книги гражданской печати 1708–1800 гг. из собрания Ярославского музея-заповедника: Каталог. Рыбинск. 2003. 671 с. Автор — специалист Ярославского музея-заповедника (далее ЯГИАХМЗ), научный редактор — И.Ю. Фоменко, канд. филол. наук (РГБ).

2. Иконы Ярославля XIII — середины XVII века: в 2 т. М., 2009. Т. I. 578 с. Т. II. 528 с. Авторы — специалисты ЯГИАХМЗ и Ярославского художественного музея, И.Л. Бусева-Давыдова, д-р иск. (Российский институт искусствознания). Главный редактор — Л.В. Нерсесян (ГТГ).

3. Панфилова Н., Чикирева А. Леонид Собинов: Сцена и вся жизнь: Фотографии и фотооткрытки Л.В.Собинова в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. 1885–1991 гг. Каталог. Ярославль: 2008. 335 с. Авторы и руководитель проекта А. Аносовская — сотрудники ЯГИАХМЗ. Книга издана при поддержке Гранта Президента РФ.

4. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли. 1493–1652 гг.: Каталог. Ярославль, Рыбинск. 2004. Т. I. 629 с.; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли. 1652–1700 гг.: Каталог. Ярославль, Ростов, Рыбинск. 2009. Т. II. 843 с. Издания являются результатом 10-летней работы Программы создания Сводного каталога кириллической книги на территории Ярославской области. Научный руководитель программы — И.В. Поздеева, д. ист. наук, (МГУ им. М.В. Ломоносова). Участники: специалисты музеев, архива и библиотек области, Межкафедральной археографической лаборатории МГУ, студенты МГУ. Ведущий куратор — Т.И. Гулина (ЯГИАХМЗ).

5. Горбачева Н., Харламова И. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII веков из собрания Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: Каталог. Ярославль, 2010. 296 с. Авторы — специалисты ЯГИАХМЗ. Научный редактор — С.В. Гнутова, к. иск. (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева). Книга издана при поддержке Гранта Президента РФ.

6. «Вруцелето, эмблемат, апофегмат...»: Цельногравированные кириллические книги и гравюры в русских рукописях XVI–XIX веков из собрания Ярославского музея-заповедника. М., 2011. Ведущий автор и автор каталога — О.Р. Хромов, д-р иск., член-корр. РАН (РГБ). Автор и куратор проекта от ЯГИАХМЗ — Т.И. Гулина. Книга издана по Программе «Первая публикация» Благотворительного фонда В. Потанина.

7. Сокровища Ярославля: Русское декоративно-прикладное искусство XIII–XVII веков в собрании Ярославского музея-заповедника. М., 2009. 408 с. Научно-популярный альбом, с кратким каталожным описанием произведений. Автор — Н.А. Грязнова (ЯГИАХМЗ), научный редактор — Л.В. Нерсисян (ГТГ).

8. Ярославский список «Правды Русской»: Законодательство Ярослава Мудрого. Ярославль, Рыбинск. 2010. 271 с. Авторы — ведущие исследователи темы из Москвы и Санкт-Петербурга. Составители — Н.А. Грязнова (ЯГИАХМЗ), Д.К. Морозов (ЦНИТ, руководитель проекта). Издание представляет собой результат образовательного проекта Ярославского музея-заповедника и Центра новых информационных технологий (ЦНИТ) Ярославского государственного университета. Суть проекта состояла в том, чтобы дать представление об истории появления и развития «Правды Русской», познакомить с ее содержанием, снабдив текст комментариями специалистов, представить воспроизведение нескольких списков «Правды Русской» (из собраний РГБ, ЯГИАХМЗ) средствами современных информационных технологий, в том числе — с постатейной разбивкой для лучшего понимания и усвоения древнерусского текста. Специально для этого издания программистами университета был разработан шрифт «Кормчая». В книге помещены Методические рекомендации по определению бумаги в кириллических книгах, подготовленные специалистами МГУ.

Методы, а также проблемы подготовки и публикации каждого издания имеют много общего, но есть и отличительные особенности. Их анализ будет представлен в докладе.

Современные проблемы археографии как вспомогательной исторической дисциплины

В отечественной литературе под археографией понимается дисциплина, изучающая историю, методику и практику публикации исторических источников. Этот термин был заимствован из западноевропейской исследовательской литературы, в которой, однако, понимался в более узком смысле — как систематическое описание рукописей (археографии в нашем понимании соответствуют понятия *édition, publication, Editionskunde*). С 1950-х гг. археография структурируется по виду (группе видов письменных источников), являющихся объектом публикации: «актовая археография», «летописная археография», «археография древнерусской литературы». Структурирование дисциплины по принципу разновидности изданий, в которых публикуются источники («журнальная археография»), развития не получило. В последнее время в объект археографии включаются публикации не только письменных, но также вещественных и изобразительных источников.

Археография является одной из старейших исторических дисциплин. Если считать результатом археографической деятельности подготовку именно печатного (т.е. размноженного механически) издания, то археография немногим младше печатного дела как такового, если же технологию изготовления издания во внимание не принимать, то археографической по сути можно будет признать уже деятельность ученых Александрийской библиотеки (III в. до н.э.) и позднейших скрипториев. Археография, изучающая исторический источник в одной из его ипостасей — публикации, — тесно связана со всем комплексом источниковедческих и вспомогательных исторических дисциплин. К числу решаемых археографией вопросов принадлежат, во-первых, проблема поиска и систематизации источников («свидетельств текста», «рукописей», «манускриптов», «списков», «экземпляров» изучаемого произведения), а во-вторых — проблема передачи текстовых явлений в издании, включающая в

себя как составную часть вопрос об установлении границ «текстового» и отсечении явлений случайного характера, не имеющих значения для понимания замысла. Это диктует археографам необходимость совершенствования методики воспроизведения источника, подчиненной главной задаче — сбалансированному соотношению в публикации археографической интерпретации источника с одной стороны, и передачей его особенностей — с другой (С.М. Каштанов). Последние десятилетия обогатили предметное поле археографии несколькими новыми аспектами, в частности — вопросом о социальной сущности археографической деятельности (В.П. Козлов) и проблемой так называемого авантекста художественной литературы (французская школа генетической критики), однако, по большому счету, эти вопросы ставились и раньше — ср., например, рассуждения о замысле, подготовке материала и планировке у Б.В. Томашевского (Писатель и книга : очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. С. 89–105) и его же весьма пронизательную критику академических и учебных изданий русских классиков, выпущенных в 1940-е гг. (Там же. С. 224–247). Так что существенного воздействия на археографическую проблематику изменения последних десятилетий не оказали. Перспективным представляется возникшее на рубеже XIX–XX вв. (Н.П. Лихачев) и заметно развивающееся ныне (С.М. Каштанов, А.А. Турилов, Л.В. Мошкова, С.Н. Кистерев) изучение археографических практик.

В последние годы технологическая база археографической работы изменилась радикально. Эти изменения связаны с колоссальным прогрессом компьютерной техники, проникшей сегодня во все сферы научно-исследовательской практики.

Существуют три основных направления компьютеризации археографической деятельности — компьютеризация учета, компьютеризация набора публикуемых текстов и компьютерное построение стемм. Подробное рассмотрение каждого из этих направлений в ограниченном объеме конференционного доклада, очевидным образом, невозможно. Кроме того, автоматизация построения стемм имеет смысл при изучении письменных источников, характеризующихся большим объемом и раз-

ветвленной традицией, надписи же на вещественных источниках относительно лаконичны и редко когда копируются напрямую, что делает избыточным использование компьютерной техники для анализа взаимосвязей между подобными текстами. Как следствие, данный аспект компьютеризации археографии имеет лишь косвенное отношение к центральной для этой конференции проблематике и затрагиваться не будет. Основное внимание предлагается сосредоточить на проблемах учета и набора, а если говорить еще точнее — то на некоторых дискуссионных аспектах этих проблем.

Первый из аспектов касается компьютерного описания музейных собраний. Кажется довольно очевидным, что такое описание должно решать не только задачу каталогизации собрания для внутреннего пользования сотрудников музея, но и задачу обмена информацией в рамках сообщества профессионалов, а это, в свою очередь, требует единообразия как на уровне технологий представления, так и на уровне используемой терминологии. Важность унификации используемых терминов осознается специалистами (ср.: Васильева Л.Н. Проблемы представления музейных собраний в Интернете: вопросы классификации // Научный сервис в сети Интернет: тр. всерос. науч. конф. Новосибирск, 23–28 сент. 2002 г. М., 2002. С. 170–172), что же касается технологической стороны дела, то наиболее перспективным форматом представления данных является формат XML. Данный формат теоретически и практически небезупречен (см. напр.: Carson C.J. The Case Against XML // Document archive. Режим доступа <http://doc.cat-v.org/xml/the-case-against-xml>, свободный), однако он универсален и отличается исключительной расширяемостью (стандарты языка налагают ограничения на взаимное расположение отдельных элементов XML-документа, но не на их состав), что позволяет использовать его, в том числе, в представлении данных, структура которых заранее неизвестна (а относительно музейной коллекции это скорее так). Дополнительным фактором в пользу формата XML может служить его полная открытость, а значит и лицензионная «чистота».

Второй существенный дискуссионный аспект компьютерной археографии связан со много более частной проблемой набора текстов. Естественно, что соответствующие вопросы возникают перед специалистами музейного профиля только тогда, когда описываемый предмет несет на себе надписи и надписи эти необходимо включить в описание. Однако, если с точки зрения искусствоведа надписи суть элемент второстепенный, то, например, с точки зрения лингвиста надпись — это важнейший источник по истории языка. Необходимо, как следствие, обеспечить максимально широкий доступ к информации о надписях, имеющихся на каталогизируемых предметах музейного фонда, а саму эту информацию представлять в максимально доступной форме. Образцом не самого удачного подхода к решению указанных задач может служить сайт «Древнерусские берестяные грамоты» (Режим доступа <http://gramoty.ru/>, свободный), где представлены фотографии, прориси и транскрипции всей тысячи с лишним известных на сегодня древнерусских берестяных грамот. Стремясь максимально полно представить палеографические и орфографические особенности письма на бересте, авторы использовали специфический шрифт с нестандартным расположением букв славянской азбуки. Это вынуждает исследователей делать двойную работу, перенабирая уже представленные на сайте тексты вручную. Кроме того, поиск по такой базе данных также крайне затруднен и исследователям берестяной письменности приходится полагаться на словоуказатели, приведенные в работе А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (М., 1995; 2-е изд. М., 2004), при этом языковые факты, обнаруженные уже после выхода в свет второго издания книги, не проиндексированы никак. Другой сайт Некоммерческого партнерства «Рукописные памятники Древней Руси», представляющий грамматически аннотированные тексты русских летописей (Режим доступа <http://www.lrc-lib.ru/index.php?id=5>, свободный), сделан не в пример удобнее: использованный на нем шрифт отступает от стандарта лишь в расположении некоторых знаков. Принятый на сегодняшний момент универсальный стандарт представления всех символов всех языков мира, известный как стандарт Юникод, не

идеален. Так, применительно к допетровской кириллице приходится отметить крайне неудачное представление графических вариантов буквы «ук», которые не просто имеют разные коды, но и приписаны к разным так называемым блокам, причем первым в стандарте появилось наиболее раннее начертание данной буквы в виде диграфа ОУ, с легкостью заменяемое сочетанием соответствующих современных букв; очевидно, специалисты в области других языков и систем письменности могут привести другие примеры столь же нелогичных решений. В то же время, следование пусть не самому удачному, но устоявшемуся стандарту может дать гарантию хотя бы относительной совместимости разных проектов, а соответственно и открыть возможности к информационному обмену между параллельно работающими группами исследователей.

Освоение компьютерных технологий гуманитариями — задача сложная как из-за разности научного языка у «нас» и у IT-специалистов, так и из-за несходства гуманитарного стиля мышления со стилем мышления, свойственным специалистам в области информационных технологий. Однако еще девяносто лет тому назад В.Н. Щепкин советовал будущему археографу «самому входить в технику печатного дела и знакомить печатников с особенностями рукописной графики; нередко, — продолжал ученый, — опытный печатник лучше филолога находит простейший выход из затруднения» (Щепкин В.Н. Русская палеография. 3-е изд., доп. М., 1999. С. 199). Этот совет не утратил своей актуальности и сейчас.

Л.В. Дояр (Кривой Рог, Украина)

Исследовательский ресурс музея истории Криворожского национального университета

Источниковедческие исследования в музеях являются традиционным направлением мировой и отечественной исторической науки. Многие музеи (например, Эрмитаж, Московский

Кремль) стали крупнейшими центрами научной мысли и современного исторического знания.

На этом мощном фоне музеи истории учебных заведений, конечно же, выглядят неброско. Между тем, исследовательский потенциал многих из них весьма внушителен. Именно такой оценки заслуживает музей истории Криворожского горнорудного института, впоследствии Криворожского технического университета (современное название — Криворожский национальный университет). Открытый 4 октября 1972 г. в честь 50-летия основания учебного заведения, музей стал хранилищем славных традиций университета, истории профессорско-преподавательского и студенческого коллективов.

В ходе подготовке к юбилею — в 2012 году университету исполняется 90 лет — музей истории, его архивные фонды привлечены к выполнению нескольких научно-поисковых проектов: написанию истории профессуры КГРИ-КТУ-КНУ, истории ректората вуза, составлению летописи кафедр. Важным направлением исследовательской работы музея является увековечивание памяти участников Великой Отечественной войны, ушедших на поля сражений из вузовских аудиторий: преподавателей, сотрудников, студентов.

Музейно-архивный ресурс университета активно используется для организации научно-исследовательской работы студентов. В частности, кафедра истории и украиноведения в течение нескольких последних лет реализует в студенческой среде проект «Собери и сохрани семейные реликвии времен Великой Отечественной войны». В ходе осуществления этого проекта было проведено несколько научно-практических конференций, на которых были озвучены собранные студентами воспоминания своих близких и дальних родственников — участников боевых действий, партизанского движения и подполья, тружеников тыла, людей, угнанных на каторжные работы в Германию и переживших тяготы нацистской оккупации. Помимо записи и изучения семейных воспоминаний, — безусловно, доминирующей формы работы, студенты исследовали историю Криворожского горнорудного института времен Великой Отечественной

войны, рассказали о студентах КГРИ — Героях Советского Союза, орденоносцах-преподавателях, о деятельности вуза в г. Нижний Тагил, куда был эвакуирован Криворожский горнорудный институт в августе 1941 г.

Материалы этих конференций изданы (2004; 2006; 2010; 2011) и были высоко оценены руководителем отдела Второй мировой войны Национальной Академии Наук Украины профессором А.Е. Лисенко, который назвал изучение семейных воспоминаний перспективным направлением в исследовании повседневной истории.

Широкой трибуной для изучения экспозиционного и архивного фондов музея истории КГРИ-КТУ-КНУ стала университетская газета «Горный инженер», в которой истории славного прошлого отводятся первые полосы. Газета положила начало историографии ключевых персоналий вуза: первого директора Криворожского вечернего рабочего техникума Всеволода Иннокентиевича Жигаловского, первого ректора КГРИ Николая Климентьевича Правицкого.

Используя материалы музея, коллектив вуза подготовил и издал несколько очерков истории университета: к 50-ти, 60-ти, 70-ти, 80-ти, 85-тилетнему юбилеям. С опорой на музейно-архивные материалы к 125-летию промышленной добычи железных руд на Криворожье была издана коллективная монография «Криворожский железорудный бассейн» (2006).

На современном этапе музей истории КГРИ-КТУ-КНУ заметно укрепил свои позиции как важнейшая составляющая научно-поисковой работы и как определяющее звено учебно-воспитательного процесса.

А.О. Дыртык-оол (Кызыл)

Музейные издания как одна из форм популяризации историко-культурного наследия народов Тувы

Музейные издания как «зеркало» музейных фондов свидетельствуют в первую очередь о научно-исследовательской дея-

тельности музеев. А результатом исследований в этих культурных учреждениях являются открытия новых фактов или явлений в той или иной науке: истории, археологии, этнографии и др. Постоянным объектом изучения является сначала предмет музейного значения, затем музейный предмет, пока он после полной атрибуции при демонстрации для публики не превратится в экспонат — основу музейной коммуникации.

Национальный музей Республики Тыва является одним из старейших культурных и научных центров. Основанный в 1929 г., он старше Тувинского института гуманитарных исследований и других научных учреждений края. Посетившие экспозиции и выставки музея отмечают своеобразие фондов, отражающие материальную и духовную культуру народов Тувы. Наиболее уникальные музейные предметы, а именно археологические и этнографические, изделия декоративно-прикладного искусства, особенно работы народных мастеров из агальматолита и серпентинита, известны не только в России, но и за рубежом. Так, в 1986 г. в числе экспонатов международной выставки Тувинского музея «Кочевые народы Евразии», экспонировавшейся в Японии, Финляндии, Швеции, особое внимание привлекали бронзовая бляха в виде свернувшейся пантеры из кургана Аржаан-1 Долины царей (VIII в. до н.э.), домашняя утварь гуннов и предметы культуры древнетюркской эпохи из памятника Кокэль (Басилов В.Н. Выставка «На шелковом пути» в Швеции // СЭ. 1987. №1. С. 145). Эти предметы — результаты археологических изысканий экспедиций А.Д. Грача, В.П. Дьяконовой и С.И. Вайнштейна.

За период своего существования Тувинским музеем изданы различные каталоги, путеводители, буклеты, афиши, плакаты и открытки, многие из которых в единичных экземплярах хранятся в фондах и библиотеке.

Музейные предметы и коллекции являются постоянными объектами изучения ученых, на основе которых они издадут свои монографии, защищают диссертации. Так, в этнографическом фонде хранятся уникальные предметы по тувинскому шаманизму, многие из которых собраны в 1960–1990-е гг. М.Б. Кенин-Лопсаном, ветераном музейного дела, народным писателем Ту-

вы, доктором исторических наук, исследователем данного феномена языческой религии, действительного члена Нью-Йоркской академии наук, единственного в России человека, получившего почетное звание «Живое сокровище шаманизма» Американского фонда шаманских исследований. На основе этой коллекции он защитил сначала кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Ярким итогом изучения этих раритетов стал выпуск в свет его книг «Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства», «Тувинские шаманы», «Магия тувинских шаманов», «Мифы тувинских шаманов» и др.

В начале XXI в. Национальный музей во многом преуспел в реализации исследовательской функции, о чем свидетельствуют научно-практические конференции, издания сборников научных трудов и ежегодный выпуск с 2007 г. историко-краеведческого альманаха «Летопись Тувы». Особенностью альманаха является то, что он издается на основе краеведческих материалов музея, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, и богат иллюстративными материалами. Здесь читатель находит материалы, рассказывающие о знаменательных событиях в истории Тувы, об известных людях, внесших значительный вклад в культурное развитие республики. В создании музейного альманаха принимают участие, кроме научных сотрудников музея, ученые Тувинского института гуманитарных исследований, преподаватели Тувинского государственного университета. На днях в свет выходит пятый выпуск «Летописи Тувы — 2012 года».

Изучение музейного собрания и памятников является основным направлением музейных исследований. Научные интересы сотрудников музея отражены в различных изданиях и Национального музея Республики Тыва, и других музеев и учреждений. Объектом изучения являются предметы материальной и духовной культуры народов Тувы: это коллекция буддийских икон, тувинского шаманизма, традиционной тувинской одежды, домашней утвари — кожаных сосудов для хранения жидкостей (когээржык), коллекция тувинских поду-

шек, памятники енисейской рунической письменности, хранящиеся в стеларии музея, детские охранители — амулеты (ээрени) и др. Многие из них стали основой серьезных исследований, даже темой кандидатских диссертаций молодых специалистов музея-аспирантов Тувинского государственного университета. Так, старший научный сотрудник Ш.Х. Монгуш изучает орнаменты на предметах утвари тувинцев, Ч.А.С. Монгуш — памятники рунической письменности в культурологическом аспекте, М.О. Дыртык-оол — материалы, связанные с ребенком и детством в традиционной культуре тувинцев.

Многие их серьезные работы опубликованы в изданиях Национального музея Республики Тыва: «Музей в XXI веке: проблемы и перспективы» (2005), «Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов» (2006), «Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование» (2009), «Традиции русского купечества Сибири» (2010), «История и современность Тувы: к 80-летию В.П. Дьяконовой» (2007). Все они, кроме последнего, являются материалами научно-практических конференций, проводимых Тувинским музеем.

Изучая музейные коллекции и музейные предметы, научные сотрудники стремятся презентировать свои научные изыскания и принимают участие в разработке грантов разного уровня: Так, А.С. Хертек, заведующий отделом культуры и искусства, разработал проект по составлению полного научного электронного каталога тувинского камнерезного искусства из фондов нашего и других музеев и получил поддержку в виде гранта Председателя Правительства Республики Тыва; М.О. Дыртык-оол также получила грант Председателя республиканского Правительства в поддержку молодых исследователей, разработав проект по теме «Мир детства у тувинцев в XX веке: историко-культурологический анализ»; У.П. Опей-оол разработала проект по теме «Взаимодействие буддизма с тенгрианским культом священных гор в Туве» и получила грант РФНФ.

Таким образом, наблюдается положительная тенденция в музейном деле Тувы: авторы исследований смело заявляют свои результаты в научных изданиях, тем самым открывая новые страницы историографии республики.

В.А. Есипова (Томск)

Книга как письменный источник и как музейный предмет

В сообщении предполагается рассмотреть ряд особенностей книги (в частности, рукописной) как предмета материальной культуры и проблему представления книги в музейной экспозиции.

Публикация музейного предмета, согласно действующему законодательству, является одной из основных форм деятельности музея, предполагающей все виды представления обществу музейных предметов и музейных коллекций путем публично-го показа, воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей (ФЗ от 26.05.96 N 54-ФЗ (ред. от 23.02.2011)). Ряд теоретических аспектов заявленной проблематики был рассмотрен в работах О.М. Медушевской. Так, предложенный ею концепт «эмпирической реальности исторического мира» предполагает введение понятия «вещь», под которым подразумевается «реализованный продукт целенаправленной человеческой деятельности» (Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избр. произведения. СПб., 2010. С. 419). В этой связи нередко возникает противопоставление письменных источников и предметов материальной культуры. Однако любой письменный источник имеет и материальную форму, поскольку его текст как минимум на чем-то зафиксирован.

Двойственная природа письменного источника и, в частности, книги является причиной разных представлений о ней в классическом источниковедении и историческом книговедении. Источник этих различий базируется на представлении о «книге-инструменте» в классическом источниковедении и понимании книги как источника в историческом книговедении (Мыльни-

ков А.С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса) // Книга. Исслед. и материалы. М., 1972. Сб. XXV. С. 8–21). Иначе говоря, для источниковеда письменный источник является в первую очередь носителем текста, для специалиста в области исторического книговедения это не только текст, но и целый ряд других параметров письменного источника (книги). Поэтому представляется логичным при обсуждении проблем археографии музейного предмета обратиться к опыту публикации не столько текстов письменных источников, сколько описания книги как материального объекта. Этот опыт имеет многолетнюю традицию и отражен, например, в каталогах рукописных собраний. При сопоставлении становится ясно, что в описании рукописи и музейного предмета есть много общего.

Так, любое описание рукописи содержит в себе в качестве обязательных элементов такие пункты, как формат и размер, листовая формула — что означает описание количественной характеристики книги как материального объекта и ее структуры; характеристику материала для письма — что эквивалентно описанию материала, из которого изготовлен предмет; особо оговариваются признаки, позволяющие установить историю бытования письменного источника и т. д. Очевидно, что эти пункты имеют параллели с описанием музейного предмета: его материала, структуры и т. п. Однако при этом также очевидно, что описание музейного предмета имеет и ярко выраженную специфику.

В отличие от письменного источника, при описании которого фиксация особенностей книги как материального объекта подчинена все равно цели раскрытия содержания и установления подлинности, музейный предмет, как правило, не несет в себе непосредственно текстового содержания. При этом, однако, любой предмет является частью текста культуры в определении Ю.М. Лотмана (Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3–11), что довольно близко перекликается с упомянутыми выше рассуждениями О.М. Медушевской.

Из сказанного вытекает и такая проблема, как представление книги или другого письменного источника в качестве музейно-

го предмета — например, в виде экспоната в составе экспозиций музеев, посвященных истории книги, а также других музеев, не являющихся для книги профильными.

В целом в публикации книги как музейного предмета и собственно музейного предмета существует много общих черт, что логично использовать в археографии музейного предмета.

А.В. Зубатенко (Ярославль)

Каталог «Церковная утварь с надписями XV — начала XX в. в собрании ЯГИАХМЗ»: принципы отбора, схема каталога, ожидаемые результаты

Коллекция предметов православного церковного обихода XIII–XX вв. Ярославского музея-заповедника — одна из крупнейших в России. Наиболее интересной и представительной частью собрания являются памятники из Ростово-Ярославского архиерейского дома, Ярославского Спасского и Толгского монастырей, Успенского собора, знаменитых приходских храмов города: Ильи Пророка, Николы Надеина, Рождества Христова, Иоанна Предтечи и других. Большая их часть относится к XVII–XVIII в. Предметы, веками собираемые в ризницах, сконцентрировали в себе историю и миропонимание русского человека в важнейшей для него области — религиозного сознания и повседневного православного быта.

Критериями отбора предметов для каталога являются:

– Вовлеченность предмета в православный церковный обиход. При этом не обязательно обрядовое использование вещи, она может иметь утилитарное назначение, как, например, светильник. В каталог не включены группы предметов, достойных отдельного рассмотрения: подписные иконы и книги, кроме случаев, когда надпись размещена на окладе, а также колокола и надпрестольные сени с надписями;

– Наличие на предмете надписей исторического содержания (о вкладе, даре или принадлежности церкви, монастырю, частному лицу, о заказе, времени и месте изготовления). При отборе не

учитываются литургические и богословские надписи, надписи о вложенных реликвиях (если они не дополнены историческими сведениями), о цене, весе и материалах, из которых изготовлен предмет, надписи, называющие сюжеты и персонажей на предмете.

На настоящее время выявлено более 180 предметов, отвечающих подобным критериям. Хронологически рамки каталога включают предметы с конца XV по начало XX в.

Анализ надписей и подписей в первую очередь предполагает получение фактических данных: о биографии и генеалогии вкладчиков, истории храмов и монастырей, топографии города, истории самих предметов. Даже предварительный просмотр дает богатейший материал. В надписях встречаются почти все храмы Ярославля, как существующие, так и разрушенные в XVIII–XX вв. Среди вкладчиков и заказчиков упоминаются: царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична, князь И.И. Шуйский, дворецкий М.М. Темкин-Ростовский, думный дьяк И.Т. Грамотин, Д.А. и Г.Д. Строгановы, ростовские митрополиты Варлаам, Иона III Сысоевич, крупные ярославские купцы — Скрипины, А. Назарьев, Е. Светешников. Всего в надписях перечислены более 200 имен.

Следующий этап работы — выяснение исторического контекста заказа предмета или появления на нем надписи. Сопоставляя известные по другим источникам данные, мы попытаемся выяснить мотивы заказа или вклада, их связь с событиями в жизни города, прихода, вкладчика, роль того или иного храма в жизни вкладчика и т.д. Основное содержание работы на данном этапе — составление биографических и топографических справок, подробное комментирование реалий, упоминаемых в надписях. Данные надписей предполагается сверить с большим комплексом письменных памятников: церковными описями, синодиками, сказаниями о построении церквей, церковными летописями, актовыми материалами, кормовыми книгами, надгробными надписями, записями в книгах, дореволюционными изданиями о ярославских церквях, учетной документацией музеев.

Важным этапом работы над каталогом должен стать анализ формуляров вкладных надписей: выделение составных частей (дата, название храма, имя вкладчика, мотив вклада, богословское обоснование вклада, запрет изымать предмет из церкви и т.д.), определение семантики этих частей (смысл их наличия/отсутствия, особенности содержания, место в надписи). Основными темами, рассматриваемыми на данном этапе, должны стать идеи и практика «благоукрашения» храмов, прижизненного и посмертного поминания вкладчиков. Для раскрытия этих тем предполагается привлечь различные литературные и богословские памятники, бытовавшие в рассматриваемую эпоху. Прежде всего, это произведения, связанные с темой поминовения и вкладов: литературные синодики и синодики-помянники, кормовые и вкладные книги. На этом этапе мы попытаемся решить также несколько частных вопросов, таких как роль даты вклада (нередко подчеркиваемой пространной датировкой, с названием поминаемых в этот день святых и праздников). Также требуют отдельного рассмотрения редчайшие авторские подписи, крайне редко встречающиеся на предметах прикладного церковного искусства, сделанных ярославскими ремесленниками (до времени введения клеймления — середины XVIII в. — известны два таких предмета).

Л.И. Илларионова (Москва)

Музейные книжные собрания как книжные памятники

С 2000 г. Российская государственная библиотека проводит широкомасштабную межведомственную работу по учету книжных памятников. В этом же году была утверждена «Национальная программа сохранения библиотечных фондов Российской Федерации», призванная на государственном уровне обеспечить сохранность и рациональное использование книжных фондов библиотек, музеев, архивов как части культурного наследия и информационного ресурса страны. Формирование фондов и сохранение памятников всех уровней (федерального, местного) —

задача всех фондодержателей этих собраний, будь то небольшая отраслевая библиотека, музей областного подчинения или крупнейшее книжное собрание федерального уровня.

В течение 10 лет проводился сбор информации о фондах книжных памятников и коллекциях, хранящихся в библиотеках, музеях и архивах России (см. сайт РГБ). Было проведено анкетирование; изучены печатные каталоги; установлены рабочие контакты с областными, краевыми, республиканскими библиотеками, библиотеками различных систем и ведомств, крупнейшими музеями и архивами; ежегодно проводились совещания в РГБ как Федеральном центре по работе с книжными памятниками.

В Федеральный закон «О библиотечном деле» (2009 г.) были внесены изменения: введен термин «книжные памятники» и дано его определение; библиотекам вменяется в обязанность «обеспечивать их сохранность» и «нести ответственность за своевременное предоставление сведений о них для регистрации в реестре книжных памятников»; устанавливаются «ограничения на копирование, экспонирование и выдачу книжных памятников»; книжные памятники входят в состав «Национального библиотечного фонда», который «охраняется государством как культурное достояние народов РФ», книжные памятники «подразделяются на единичные книжные памятники и книжные памятники — коллекции», они «подлежат регистрации в реестре книжных памятников».

Главная задача, поставленная правительством, — регистрация книжных памятников в Реестре книжных памятников (единичных и книжных памятников-коллекций) — требует организации и взаимодействия всех учреждений, осуществляющих эту работу. Ее предполагается возложить на крупнейшие книжные собрания субъектов Российской Федерации — Региональные центры по работе с книжными памятниками. Основная цель работы — сохранение особо ценной части книжного наследия страны. От того, насколько эффективно будут работать Региональные центры, будет зависеть сохранность и рациональное использование книжных фондов библиотек, музеев, архивов.

Проблема сохранения мирового культурного наследия встала особенно остро после обсуждения и утверждения на очередном заседании ЮНЕСКО в 1986 г. «Директив международных действий по сохранению библиотечных материалов» и, затем, разработанной программы ИФЛА «Preservation and conservation» (1986). Спустя несколько лет, в 1992 г., ЮНЕСКО, осознавая всю ответственность по защите мирового культурного богатства, предложила программу «Память мира», провозгласившую необходимость принятия неотложных действий по предотвращению разрушения документального наследия мира. Разработанное «Общее руководство по сохранению наследия» было принято Генеральной конференцией ЮНЕСКО уже в 1995 г. и в настоящее время реализуется на международном, национальном и региональном уровнях.

К сожалению, эту задачу трудно реализовать в общих фондах библиотек, где книга живет своей естественной жизнью, широко выдается для чтения. Она прежде всего востребована читателями как результат зафиксированных в ней научных знаний. Книги всех исторических периодов не теряют своей актуальности, а постоянное использование их читателями приводит к деформации экземпляров. Поэтому усилия держателей фондов направлены не только на сохранение текста, но и на сохранение всего книжного блока, т.е. на сохранение книги в полном объеме ее изначальных характеристик. Так, хранители, в первую очередь, стремятся обеспечить первоизданную целостность книги, ограничивая выдачу оригиналов читателям, по возможности, заменяя их копиями. Библиотеки в своей практике активно используют архивные и музейные формы существования книги. Применение музейных аспектов в библиотечном деле не закрывает книгу от читателя полностью, но он, заставляет читателя «надеть белые перчатки».

Книги в различных музеях (исторических, краеведческих, художественных, литературных) хранятся наряду с музейными предметами, где они служат раскрытию той или иной темы. Роль книги здесь важна, хотя и не является главной. Тем ни менее они практически закрыты для широкого использования читателями.

В целом же значение музейных фондов в реализации поставленных задач, чрезвычайно велико. Главным образом это связано с исторически сложившейся концентрацией книжных памятников в музеях. В настоящее время в России функционирует более 2 тыс. музеев, в т. ч. 1 500 — исторических, более 500 — мемориальных, более 300 — художественных, около 50 — музеев-заповедников. В них сосредоточено 56 млн. ед. хр. музейных экспонатов, треть из них составляют книги, альбомы, гравюры, лубок, открытки. На проведенное РГБ анкетирование откликнулось более 100 музеев России, где активно работают с книжным фондом, существуют выделенные структурные подразделения (сектора, отделы), хранящие книжный фонд, квалифицированные кадры, готовящие к печати каталоги своих собраний, проводящие работу по реставрации книжных памятников и т. д.

Фонды библиотек вместе с музейными ценностями и архивными материалами составляют важную часть культурного наследия России и являются невосполнимым информационным ресурсом страны. Они имеют научную, духовную, культурно-историческую и материальную ценность. Эти издания необходимо сохранять как культурное достояние нации, что является колоссальной проблемой, от решения которой зависит доступность всему мировому сообществу информации, накопленной человечеством.

Р.Б. Казаков (Москва)

Интернет-публикации портретов и изображений Н.М. Карамзина

Под археографией музейных предметов можно понимать систему приемов и способов публикации в различных информационных пространствах (чаще всего — в бумажном виде, но в настоящее время — и в электронных ресурсах) музейных экспонатов и предметов, находящихся не на музейном хранении (галереи, выставки, собрания предметов, выставляемых на аукционах, частные собрания). Исследовательскую основу такой системы состав-

ляют источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины, а также исследовательские практики музейного дела (галерейного, выставочного и аукционного дела). Публикация в изданиях на электронных носителях, в том числе и в интернет-пространстве, изначально предполагает не только размещение фотоизображения, рисунков и пр., но и видеоматериалы в сопровождении звука и различных компьютерных и визуальных эффектов.

Очевидно, публикация предметов, имея общие основания с археографией и текстологией как дисциплинами, занимающимися в первую очередь с письменными источниками, будет обладать собственной спецификой. Однако эмпирический материал, который бы позволил выйти на уровень осмысления метода и практик публикации музейных предметов, пока еще только накапливается.

Если пользоваться приемами книговедения при анализе структуры книжного издания, то структура издания, где публикуются письменные источники в традиционной бумажной форме, очень обобщенно может быть представлена так:

1. Основной текст (собственно текст источника, передаваемый по принятым издателями правилам);
2. Справочно-вспомогательный текст, куда войдут, в частности и независимо от места расположения в издании:
 - титульный лист (и его оборот) издания;
 - содержание (оглавление) издания;
 - примечания (подстрочные, затекстовые, в некоторых случаях — и внутритекстовые), включающие в себя библиографические ссылки;
 - вступительные/сопроводительные статьи (археографическое введение, статьи, посвященные бытованию источника в культуре, исследованию биографии автора и т. п.)
 - комментарии и примечания;
 - комплекс вспомогательных указателей.

Издание может содержать иллюстративный материал и разнообразные приложения.

Можно ли говорить, что примерная, типовая структура научно-популярного, научного или дипломатического издания того или иного письменного источника может служить ориентиром при анализе интернет-публикаций?

Я попытался проанализировать доступные в сети Интернет публикации портретов (живописных и гравированных) и изображений (чаще всего это разного уровня рисунки, выполненные на основе существующих портретов) Н.М. Карамзина. На простой запрос «Карамзин» разные поисковые системы выдали разное количество ссылок на сайты и документы с изображениями: Google — почти 80 000; Yandex — более 18 200, Rambler — чуть более 1000. Меньший процент от каждого количества ссылок — это ссылки на воспроизведение портретов или изображений Н.М. Карамзина. Все остальное — ссылки на сайты и интернет-страницы, косвенно имеющие отношения к Н.М. Карамзину и не воспроизводящие его портретов и изображений.

Подавляющее большинство из нескольких десятков воспроизведений портретов или изображений историографа — это иллюстрации, сопровождающие текст. Жанровое разнообразие таких текстов — чрезвычайно велико: статья, заметка в региональной газете, имеющей интернет-версию, заметка на сайте города (района, населенного пункта), запись в блоге и пр. Очевидно, что воспроизведение доступного в интернет-среде портрета или изображения Карамзина не преследует в данном случае каких-либо специальных научных целей и является обычной иллюстрацией, которой при желании можно сопроводить свой текст (аналог при издании письменного источника — «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, напечатанный в серии «Школьная библиотека» с портретом поэта на фронтисписе). Элементы сведений о воспроизводимом портрете, систематизированные по принятой авторами схеме предоставляют следующие сайты:

1. «Русская литература XVIII века»: информационно-поисковая система (П.Е. Бухаркин, А.В. Андреев, Е.М. Матвеев, М.В. Пономарева; СПбГУ. URL: <http://antology-xviii.spb.ru/krmz-portrait.html>);

2. Интернет-проект «Русский биографический словарь» (Калинников П. URL: <http://www.rulex.ru/rpg/persons/174/174954.htm>);

3. Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова (URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/), являющаяся зарегистрированным СМИ.

Первый ресурс носит учебный характер и предоставляет желающим антологию русской литературы XVIII в., рассчитанную на студентов вузов. Тексты произведений сопровождаются учебными материалами, а также портретными галереями писателей и поэтов XVIII в. На страничке сайта представлены воспроизведения 7 портретов Н.М. Карамзина и 1 портрета Е.А. Карамзиной. Они даны в разном разрешении и качестве воспроизведения и сопровождаются наиболее краткой легендой, например: «В. Тропинин. Н.М. Карамзин. 1818», «Н.М. Карамзин. Гравюра Уткина с оригинала А. Варнека», «В. Венецианов. Н.М. Карамзин. 1828». Здесь не всегда приводятся даты создания портретов, отсутствует еще какая-либо информация об оригиналах или источниках воспроизведения, содержатся опечатки («В. Венецианов»). Легенда при воспроизведении гравюры 1818 г. Н.И. Уткина, выполненной по оригиналу А.Г. Варнека, отличается от других легенд, а автор портрета Е.А. Карамзиной в легенде вовсе не указан. Видимо, авторы сайта считают, что для студентов-филологов, задача которых освоить навыки анализа литературного произведения, этого достаточно, и разницей в легендах, а также технических и программных характеристиках воспроизведений портретов вряд ли влияет на достижение учебных целей.

Второй ресурс предлагает портретную галерею лиц, которым посвящена статья словаря. Здесь воспроизведены 8 портретов Н.М. Карамзина, почерпнутых из различных источников. Приведены еще 6 вариантов воспроизведения трех из восьми портретов. На сайте публикуются фотографии оригинальных портретов или гравюр, 5 портретов воспроизводятся из ранее вышедших изданий (2 на CD-ROM, 3 бумажных издания, среди них одно — из каталога Третьяковской галереи), 3 портрета размещены на фронтисписах книг XVIII-XIX вв. (гиперссылка отсылает к сайту Университета печати и его музея, но найти там сведения об этих

книгах, представленных на выставке в 2003 г., не удастся). Среди 6 вариантов воспроизведенных портретов 3 взяты из изданий на CD-ROM, 3 — из изданий на бумажном носителе.

Составители Словаря сопроводили каждое изображение заголовком и легендой, постаравшись следовать выработанной структуре. Заголовок располагается над изображением и содержит имя изображенного (в неунифицированной форме: Карамзин Н.М., Карамзин Н., Карамзин Николай Михайлович) и почти всегда дополнительные сведения в круглых скобках, форма и объем которых также не унифицированы: (в рамке), (1805), (гравюра, фронтиспис антикварной книги). Само изображение занимает левую верхнюю четверть экрана монитора, легенда занимает правую верхнюю четверть. Две нижние четверти экрана монитора заняты сведениями о самом сайте, указанием на дополнительные коммуникативные возможности, баннерами и пр.

Структура легенды в наиболее полном виде дает следующие сведения:

- имя изображенного, в данном случае приводится унифицировано «Карамзин Николай Михайлович»;

- автор (очевидно, автор оригинального портрета), указывается почти всегда унифицировано, например: «Тропинин Василий Андреевич», но «Дамон-Ортолани Д.Б.»;

- источник, из которого заимствована иллюстрация. Если источником является печатное издание, то библиографическое описание его не соответствует никаким требованиям никаких ГОСТов, издания на CD-ROM не описываются, а просто называются;

- место иллюстрации. Этот элемент легенды присутствует для печатных изданий и указывает страницу или фронтиспис;

- цветность и техника отображения: цветное или черно-белое (растр, штрих), сепия.

- качество изображения, по 5-бальной шкале. В данном случае остается неясным, качество чего имеется в виду: изображения, помещенного в бумажном издании, или изображения, созданного авторами Словаря, которые были ограничены качеством источника иллюстрации;

- некоторые факультативные и наименее унифицированные сведения: источник и место хранения оригинала (дважды; имеется в виду место хранения живописного подлинника в Третьяковской галерее, воспроизведенного в бумажном издании, откуда его позаимствовали создатели Словаря. Очевидно, что эту информацию можно было взять из издания на бумажном носителе); дополнительные сведения об оригинале (имеются в виду оригинальные живописные полотна, но не источники заимствования изображений; могут указываться материалы, размеры оригинала, его форма), время создания оригинала и другие дополнительные сведения. Как можно судить, легенда, несмотря на относительно четкую структуру, смешивает и не разделяет сведения о живописном оригинале (портрет из собрания ГТГ), о его воспроизведении в печатных изданиях, изданиях на CD-ROM или интернет-сайте (ставших источником заимствования изображения для размещения его в Словаре) и самой публикации портрета Карамзина (изображения портрета? воспроизведения имеющейся фотографии портрета?) в Словаре.

Наконец, «Библиотека Максима Мошкова», разместившая статью А.С. Сытовой «Неизвестный портрет Н.М. Карамзина (Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л.: Наука, 1983), на отдельной страничке поместила публикации 4 упоминаемых в статье литографированных и гравированных портретов Н.М. Карамзина, а также публикацию живописного портрета Н.Д. Гурьева и литографированного портрета Д.А. Гурьева. Публикации портретов помещены одна под другой, для их просмотра необходимо прокручивать страничку на экране монитора. Под каждым портретом унифицированная легенда, аналогичная легенде в музейном каталоге живописи: «Е.И. Гейтман. Портрет Н.М. Карамзина. 1820-е годы. Литография. 32X23,5. ГРМ, Гр. 41645». Но кроме того, даются еще и сведения о публикации портрета на сайте: «k01.jpg:682x907, 174к». В эти сведения входят номер публикации, ее электронный формат, размер и объем. Качество изображения визуально — одинаковое. В данной публикации легенда наиболее унифицированная и выполнена профессионально, но она и предельная краткая, однако важным свойством ее является

наличие сведений о характере публикации в электронной форме. Здесь отсутствует информация об этапе, предваряющем собственно публикацию на сайте Библиотеки: что размещено в качестве иллюстративного ряда к статье? Что было сделано с гравированными портретами (оригиналами) для того, чтобы их можно было поместить в качестве иллюстраций в электронной библиотеке? Как соотносится иллюстративный ряд в издании «Памятники культуры. Новые открытия» и на сайте электронной библиотеки? Это интернет-публикация фотографии гравированных портретов или иллюстраций из издания в бумажной форме? Наконец, можно предположить и такую ситуацию: одно и то же фотоизображение воспроизводится и в бумажном издании, и на сайте Библиотеки. Очевидно, что ответов на эти вопросы нет и вряд ли в этом можно упрекнуть автора статьи и создателей самой электронной Библиотеки.

Например, авторы одной из статей, сопровождавшейся иллюстративным рядом, вовсе не претендуя на нормативный характер сказанного в статье, попытались охарактеризовать параметры сделанной фотосъемки: «Съемка производилась в июле 2005 г. цифровым фотоаппаратом Nikon Coolpix 5500 (четырёхкратный цифровой зум, матрица 5 млн мегапикселей), использовалась насадка светлого рассеивателя. Некоторые кадры прошли затем дальнейшую обработку: проводились увеличение контрастности изображения, вытяжка выдержки, снимались цифровые “шумы”, проводилась обработка в программе “Фотошоп” методом наложения и выравнивания цифровых диапазонов» (Казakov Р.Б., Савина С.Л. Лев и единорог на здании Историко-архивного института // Гербоведъ, изд. Русской Геральдической Коллегией. М., 2005). Возможно, такие детали должны найти место в научно-справочном аппарате публикаций музейных предметов.

Пока сложно говорить о том, что публикации музейных предметов в интернет-среде стремятся соответствовать приемам публикации, выработанным применительно к письменным источникам для изданий на бумажном носителе. Возможно проблематизация такой ситуации в археографии позволит более

полно и системно продумать принципы публикации музейных предметов. Не вызывает сомнений тот факт, что публикация в интернет-пространстве (что само по себе — пока недостаточно осмысленный археографический феномен) музейных предметов будет бурно развиваться: это связано с развитием и совершенствованием форм работы музеев, в том числе выстраиванием виртуальных прогулок по музею, виртуальных экскурсий и пр. Очевидна и необходимость археографии, разработки ее приемов и принципов, в том числе и в интернет-пространстве, для тех, кто занимается галерейным, выставочным и аукционным делом. Интернет-пространство — это пространство, где изображение, видеоролик, иллюстративный ряд, специфически сочетаясь с текстом, может сопровождаться текстом в минимальной степени. Учитывая то, что исследовательский интерес к предмету, изображению и их функционированию в культуре, возрастает (см. напр.: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011), а интернет-пространство скорее «музейно», нежели «текстово», проблематика археографии музейного предмета становится одной из наиболее острых и насущных.

М.М. Картюев (Магас)

Карты Кавказа XVIII–XIX вв. в крупнейших картографических коллекциях России (РГВИА, РГБ, ГИМ): проблемы эвристики и использования источников

В ходе работы над диссертационным исследованием, связанным с источниковедческим анализом российских картографических документов по Кавказу (Северному Кавказу), мною был изучен научно-справочный аппарат РГВИА, ГИМ и РГБ и выявлено более пятисот источников в хронологических рамках исследования — 1760–1860-е гг. Это рукописные и печатные карты и планы, материалы съемок и другие графические документы, реконструирующие процесс пространственного изучения и картографиро-

вания региона, осуществлявшийся, в рассматриваемый период, в основном в рамках военного ведомства Российской империи.

1) РГВИА. Картографические документы сосредоточены в нескольких фондах — коллекциях Военно-ученого архива (Ф. 846. Военно-ученый архив; Ф. 416. Генеральные карты России; Ф. 417. Топографические и семитопографические работы; Ф. 418. Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов бывшей Российской империи; Ф. 419. Гидрографические материалы о бывшей Российской империи; Ф. 422. Описания и карты путей сообщения Российской империи), в других фондах — коллекциях, таких как Ф. 386. Военно-исторические карты, планы и альбомы XVII–XX вв. и Ф. 15261. Военно-исторические карты, планы и схемы, а также в фондах учреждений, например, в Ф. 330. Главное управление казачьих войск. Оп. 64. Карты и планы территорий казачьих войск и Ф. 349. Главное военно-техническое управление. Текстовые документы о географическом изучении территории региона, съемочных работах и составлении карт имеются в фондах-коллекциях: Ф. 414. Статистические, экономические, этнографические военно-топографические сведения о Российской империи, Ф. 846. Военно-ученый архив и Ф. 482. Кавказские войны, но в основном, они сосредоточены в ряде фондов учреждений, таких как Ф. 38. Департамент Генерального штаба, Ф. 14719. Главный штаб Кавказской армии, Ф. 13454. Штаб войск Кавказской линии и Черномории, Ф. 40. Военно-топографическое депо и Ф. 404. Военно-топографический отдел Главного штаба и военно-топографические съемки. Если справочник по фондам архива и указатели позволяют достаточно быстро сориентироваться исследователю и найти интересующие его описи фондов, то сама работа с описями сопряжена с известными трудностями, заключающимися в информативности содержания описательных статей. Так, например, большая коллекция картографических документов хранится среди дел ВУА в фонде № 846, основным НСА по которому являются описи, составленные вначале XX в. (печатный «Каталог Бендера»). К достоинствам «Каталога Бендера» относится систематизация документов по географическому признаку и выделение внутри «отделов» каталога отдельного

раздела — «Кавказ», но сами описательные статьи содержат минимум информации: заголовок (наименование карты или плана) с указанием масштаба и даты. Дата и масштаб указываются не всегда, как правило, в том случае, если они присутствует на самом картографическом документе. Между тем, составленные в советское время описи фондов-коллекций № 386 и № 15261 не более информативны, чем «Каталог Бендера». В них дается та же предельно сжатая информация. При этом в описательных статьях «устаревшие» заголовки механически перенесены в описи, а целый ряд картографических документов неверно идентифицированы, в первую очередь, это относится к отдельным листам многолистовых карт, оказавшимся в ходе систематизации в разных единицах хранения. При этом необходимо отметить, что в указанных фондах содержатся уникальные картографические документы. Если в фонде-коллекции № 386 — это материалы съемочных работ в регионе, крупномасштабные рукописные карты и планы, то фонд-коллекция № 15261, содержащий редкие и малоизвестные картографические документы, сам по себе имеет довольно интересную историю. Он был сформирован из документов, поступивших в советское время из ЦГИА Грузии, куда они, в свою очередь, были доставлены ранее в виде графической россыпи из библиотеки МВД Грузинской ССР и, в ходе научно-технической обработки документов, выяснилось, что эти карты и планы — часть экспонатов бывшего Военно-исторического музея «Храм Славы» в Тифлисе (Ф. 15261. Оп. 1. Историческая справка). Таким образом, бывшие музейные экспонаты стали частью архивной коллекции. Однако, наименее информативной, из вышеуказанных описей фондов, содержащих картографические документы по Кавказу, является Оп. 45 фонда № 349, также составленная в советское время. Описательная статья в ней, очень часто, исчерпывается заголовком такого содержания: «Карта Северного Кавказа» или «Карта Кавказского края».

2) РГБ. и ГИМ. Если формирование картографических фондов и коллекций в РГВИА было связано с самой историей архива, возникшего на основе бывшего Депо карт и ВУА Главного штаба, т.е. с историей военного ведомства и его учреждений — фондообра-

зователей, то формирование фондов картографических изданий РГБ и ГИМ носило сугубо коллекционный характер. В библиотеке и музее, в отличие от архива, картографические документы более подробно и научно описаны и внесены в каталоги, в особенности, эта работа поставлена на высоком уровне в РГБ. Более того в РГБ и ГИМ фонды картографических изданий выделены в отдельные отделы, а для исследователей в РГБ созданы более чем комфортные условия для работы с картографическими изданиями в специализированном читальном зале. Исследователю гораздо проще ориентироваться в картотеке и находить нужные ему источники, чем работать с «малоинформативными» описями архива. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, в рамках источниковедческого исследования библиотечные и музейные коллекции картографических документов могут быть использованы лишь в качестве «вспомогательных», поскольку историю составления той или иной карты и плана, как и всего процесса картографирования региона в целом, можно реконструировать лишь на основе документов, сохранившихся в архивных фондах учреждений и тесно связанных с ними архивных коллекциях РГВИА.

Таким образом, личный опыт эвристической работы в РГВИА, РГБ и ГИМ по выявлению карт и планов Кавказа XVIII–XI вв., позволяет сделать следующие выводы:

1) Информативность НСА и его «доступность» потенциальным пользователям информации, как и «доступность» самих источников, напрямую влияет на эффективность использования документов, в том числе, в научных целях (подробнее об этом, см: С.И. Сотникова К вопросу о совершенствовании системы НСА к картографическим документам //Советские архивы. 1986. № 3. С. 22–29). Так, например, беглый анализ библиографии ряда работ, в которых активно использовались картографические документы по Кавказу, позволяет сделать вывод, что карты из фондов РГБ чаще используются исследователями, чем аналогичные источники из фондов РГВИА, а последние, в свою очередь, используются намного эффективнее картографических фондов ГИМ. Определенное значение имеет и большая доступность источников в РГБ для оперативного копирования, в отличие от архива и музея, где су-

ществуют определенные ограничения и сроки на исполнение заказов.

2) Использование исследователями более доступных («удобных») источников из фондов библиотеки может приводить к ошибочной интерпретации, реконструируемой на их основе информации. Так, например, при использовании не датированного картографического документа из библиотечного фонда, без соответствующего источниковедческого анализа, в том числе, с выяснением истории его создания и авторства, что не представляется возможным без привлечения соответствующих архивных документов, но основываясь лишь на внешних признаках источника, исследователем делается ошибочный вывод о его датировке и возможности достоверной интерпретации информации, извлекаемой из источника.

3) Соответственно с доступностью источников, в том числе, и возможностью их более эффективного поиска, связаны и вопросы археографии — публикация картографических документов и введение картографической информации в научный оборот.

М.Е. Каулен (Москва)

Объекты нематериального культурного наследия как часть музейного собрания

Предложенная для обсуждения проблема может показаться противоречащей важнейшим постулатам традиционного музееведения. Напомним, что музейное собрание рассматривается как «совокупность музейных предметов и их коллекций, научно-вспомогательных материалов (фонды) и средств научно-информационного обеспечения музея (библиотека и архив)» (Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 61), а с юридической точки зрения оно организуется в соответствии с государственными и внутримузейными нормативными документами. И определение, и упомянутые «нормативные документы» ориентированы на материальные движимые объекты. Даже столь традиционные для музеев объекты наследия, как ар-

хитектурные сооружения, не считаются частью музейного собрания, и лишь постепенно признаются «памятниковой базой» деятельности музея. Нематериальные объекты тем более оказываются за границами этой дефиниции, и никаких документов, регламентирующих их сохранение и актуализацию в условиях музея, в РФ не существует. Однако, с нашей точки зрения, это означает не невозможность рассматривать нематериальные объекты как часть музейного собрания, сохраняемую, изучаемую и интерпретируемую наряду с коллекциями музейных предметов, а, напротив, свидетельствует об устаревании ряда позиций музееведения и о необходимости скорректировать как эти позиции, так и соответствующие нормативные документы. Обратившись к музейной практике, прежде всего зарубежной, мы обнаружим альтернативные взгляды на музейное собрание. Так, в рамках экомузеологии потенциальной частью музейного собрания становятся все движимые и недвижимые, материальные и нематериальные объекты, бытующие на территории экомuzeя и обладающие музейной ценностью.

В музейном мире России недвижимые объекты начали воспринимать как часть музейного собрания со времени стремительного развития музеев под открытым небом типа «скансен», то есть созданных на основе свезенных на музейную территорию памятников деревянной архитектуры. Эти музеи занимают промежуточное положение между коллекционными и средовыми музеями. Архитектурные объекты именно этих музеев начинают описывать и публиковать в виде каталогов, в которые включаются как привезенные, так и музеефицированные *in situ* объекты.

Нематериальные объекты культурного наследия также стали рассматриваться как неотъемлемая составляющая прежде всего музеев под открытым небом этнографического профиля. Эволюция российских музеев-заповедников от ансамблевых к средовым музеям сопровождалась первоначально почти стихийным процессом сохранения нематериальных объектов как неотъемлемой части среды. Однако, исследуя и фиксируя нематериальные объекты, каждый музей по-прежнему идет своим путем проб и

ошибок, единая методика включения в музейное собрание, фиксации, описания этих объектов до сих пор отсутствует.

В 2009 г. ЮНЕСКО было положено начало публикации объектов, включенных в Список нематериального культурного наследия человечества (*Capturing the Intangible Perspectives on the Living Heritage*. Paris, 2009). Несмотря на то, что к моменту выхода книги наша страна не ратифицировала Конвенцию об охране нематериального наследия, принятую на 32 Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2003 г., в это издание были включены две номинации, предложенные РФ: древний якутский героический эпос «Олонхо» и традиционная культура семейских старообрядцев Забайкалья. Ознакомление с изданием позволяет сделать вывод, что описание нематериальных объектов производилось в достаточно произвольной форме, унификация отсутствует. Столь же произвольны и разнообразны описания объектов нематериального наследия в становящихся все более многочисленными изданиях российских музеев.

Необходимость признать нематериальное наследие важной и неотъемлемой составляющей культурного наследия и культурных ресурсов России и осознать актуальность принятия мер по его сохранению и освоению в качестве неотъемлемой части культурной политики государства неоднократно подчеркивались нашими ведущими специалистами в течение 1990 — начала 2000-х гг. В декабре 2006 г. по итогам заседания Государственного совета РФ президентом РФ В.В. Путиным было дано Поручение Правительству РФ рассмотреть совместно с Российской Академией Наук вопрос о разработке концепции и программы сохранения нематериального культурного наследия народов России, а также представить предложения по совершенствованию законодательства РФ в целях создания условий для сохранения и развития традиционной культуры. В 2007 г. была создана рабочая группа из ведущих специалистов — представителей научно-исследовательских институтов, вузов, музеев, — которая начала работу по указанным направлениям. В настоящее время в нашей стране инвентаризация и составление перечня объектов нематериального наследия РФ ведется на базе Дома народного творче-

ства. Для современного мира характерно разнообразие форм актуализации нематериального наследия, среди которых важнейшее место занимает музеефикация.

С конца XX в. музей стремительно расширяет сферу своего влияния и своих интересов. Круг объектов наследия, охватываемый деятельностью современного музея, становится все более многообразным. В этой связи музееведение вынуждено пересматривать и корректировать свои базовые понятия, такие как музейный предмет и музейное собрание. Наряду с понятием «музейный предмет» сегодня в музейной теории и практике широко используется понятие «музейный объект», применяемое в том числе к музеефицированному нематериальному наследию. Музеи РФ все более активно включаются в работу по выявлению, сохранению и актуализации наиболее ценных объектов нематериального наследия, что настоятельно требует разработки методики их описания, атрибуции, учета, каталогизации, а также внесения соответствующих изменений в музейное законодательство и нормативные документы.

О.Р. Князева (Казань)

Музейный предмет в контексте историко-культурного дискурса: проблема интерпретации и описания

Проблема описания, типологизации и интерпретации исторических источников, в особенности вещественных и изобразительных, составляющих музейные коллекции, на сегодняшний день является одной из самых актуальных исследовательских задач в гуманитарной сфере научного познания, рассматривающей вопросы бытия человека в мире. Актуализация данной проблематики, по нашему мнению, непосредственно связана с наметившимся в первое десятилетие XXI в. ростом числа политехнических и научно-технических музеев, обусловленным насущным интересом общества к сферам деятельности, обеспечивающим его стабильное развитие и экономическую безопасность.

Среди городов России с развивающейся сетью научно-технических музеев особое место занимает столица Республики Татарстан — город Казань, являющийся родиной одного из старейших в России университетов, открытого в 1804 г.

Казанский государственный университет, прославившийся именами математика Н.И. Лобачевского, астронома И.М. Симонова, а также формированием в середине XIX в. всемирно знаменитой Казанской школы химиков, представленной такими известными учеными, как К.К. Клаус, Н.Н. Зинин, А.М. Бутлеров, стал впоследствии основателем всех татарстанских вузов.

Так, например, преемником «славных дел» данного высшего учебного заведения, направленных на развитие российской химической отрасли, является основанный в 1930 г. Казанский химико-технологический институт им. А.М. Бутлерова, получивший в 1992 г. статус университета, а в 2010-м — научно-исследовательского учреждения высшего профессионального образования. Первый музей данного учебного заведения был открыт в 1970 г., а в 2011 г. появилась необходимость в открытии музея одного из подразделений университета — Инженерного химико-технологического института (ИХТИ) — в связи со значительными заслугами его коллектива в подготовке инженерных кадров и выполнении большого количества важных работ для оборонной промышленности страны.

«Школа Анналов» в лице Марка Блока утверждала, что «все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения» (Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 39). Поэтому неслучайно, что история одной из экспозиций музея ИХТИ Казанского научно-исследовательского технологического университета (КНИТУ) началась с самшитовой трости, переданной туда на хранение дочерью профессора-химика Николая Александровича Холево — казанской журналисткой и писательницей Нонной Николаевной Орешиной.

По свидетельству Нонны Николаевны, данная трость первоначально принадлежала профессору, члену-корреспонденту Академии артиллерийских наук СССР Борису Леонтьевичу Кон-

драцкому (1887–1947) — специалисту по химии и технологии взрывчатых веществ. После смерти Кондрацкого его жена передала трость ученику и последователю профессора — специалисту в области высокомолекулярных соединений Николаю Александровичу Холево (1897–1959), подарившему данную вещь, ставшую уже своеобразной реликвией, своему ученику — доценту, будущему заслуженному химику Республики Татарстан (2005) Владимиру Степановичу Орешину (1924–2008).

По воспоминаниям профессора Холево, самшитовая трость была непременно повседневным атрибутом облика профессора Кондрацкого, но использовалась обычно не как опора при ходьбе, а как «имиджевая» вещь (известно, что трости показывали высокий социальный статус владельца, т.к. их использовали еще египетские фараоны) и как своеобразный «инструмент» ученого. Последняя функция трости воплощалась во время совместных прогулок Бориса Леонтьевича и Николая Александровича, чертивших на песчаных дорожках университетского «Фуковского садика» химические формулы. Трость выдающегося ученого-химика Кондрацкого, дополненная его портретом, изданиями научных трудов и фотографиями всех трех ее владельцев, стала основной смысловой, ценностной и символической доминантой всей экспозиции, рассказывающей о формировании одного из научных направлений института, связанных с технологией производства взрывчатых веществ.

История данного артефакта, в соотнесении его с личностями владельцев, позволила также выстроить ряд смысловых и ценностных параллелей, преподносящих его как «культурно-исторический источник». С одной стороны, самшитовая трость, сделанная из твердой сучковатой древесины, отсылает исследователя к модным статусным аксессуарам европейской аристократии XVIII–XIX вв. и, становясь при этом источником историческим, указывает на произошедшее в результате петровских реформ сближение России с Западом. Как предмет источниковедения культуры, данный артефакт рассказывает о формировании особого слоя российского общества — отечественной интеллигенции, чьим преемником в профессиональном,

социальном и ментальном плане является профессор Кондрацкий и его последователи.

Воспроизведение истории самшитовой трости позволяет сделать вывод, что вещь как предмет музейного коллекционирования приобретает новые возможности для интерпретации и последующего описания, т.е. свою актуальную значимость, в ходе процедуры привлечения дополнительных культурно-исторических источников, выполняющих функцию соотнесения данного артефакта с контекстом личности либо ее автора, либо ее обладателя.

Таким образом, именно в данном — историко-культурном контексте — вещь являет собой, по определению О.М. Медушевой, «эмпирическую реальность исторического мира».

И.И. Колесник (Киев, Украина)

Коллекционирование между вещностью и личностью

В настоящий момент историческая наука переживает т.н. онтологический или материальный поворот. Смысл «поворота к материальному» означает новые формы концептуализации вещей, когда стирается грань между духовным и материальным, предметом и человеком все они становятся элементами единой сети коммуникаций в современном обществе. Согласно акторно-сетевой теории Б. Латура вещь/предмет выступает как актант сети социального взаимодействия. Неживые объекты он рассматривает в качестве социальных сил (Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М. 2006). Коллекционирование как деятельность раскрывает сущность «поворота к материальному», т.е. социальный характер интеракции предмета и человека.

У Ж. Бодрийера находим анализ причин коллекционирования. Во-первых, это стремление к осознанию своих корней, старинные вещи — знак и свидетельство прошлой жизни, тяга к ним и означает интерес к своему прошлому, к истокам. Во-вторых, феномен коллекционирования связан с неродовитым, простым

происхождением. Собираание же антикварных вещей придает культурную и социальную респектабельность человеку скромного происхождения. Собираательством, как правило, занимаются представители высшей прослойки среднего класса.

Коллекционирование имеет психофизическую природу, выступает средством самопрезентации личности. Человек, по Ж. Бодрийяру, всегда коллекционирует сам себя. Коллекция — это нарциссическая самопрезентация личности на бесчисленное количество вещей. Так, машина, ручка, жена представляют собой нарциссические эквиваленты «Я» человека. Коллекционирование часто определяют как страсть, игру страстей, болезнь, наконец, зависимость. Первым коллекционером считается Дон-Кихот, способный менять целые поместья на книги. Природа собираательства зависит от возраста, профессии, социального статуса. Коллекционирование проходит ряд этапов, которые соотносятся с формами человеческой сексуальности и выступает как мощный компенсаторный фактор в критические фазы сексуальной эволюции (Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999).

Первая фаза коллекционирования — детство. Для ребенка собираательство представляет особый способ освоения мира. 7-летний возраст — наиболее активная фаза коллекционирования. Начало коллекционированию кладут зачастую сами родители, а наиболее типичными предметами «детского собираательства» становятся марки, конверты, фотографии артистов, монеты, календарики, фигурки из киндер-сюрпризов. Взрослые, как правило, поощряют такого рода увлечения. Это стадия безликих коллекций серийных и доступных предметов, в которых количество преобладает над качеством. Разумеется, индивидуальность не достаточно сформирована, чтобы приступить к собиранию уникального. Признаками детского коллекционирования являются всеядность, неумение и нежелание выбирать. Вместе с тем это период бескорыстия и активного обмена предметами собираательства, при этом отсутствует мораль собираательства (не можешь обменять — укради).

Подростковый период в эволюции коллекционирования характеризуется формированием индивидуальности, появлением

всевозможных комплексов, возникновением женских и мужских коллекций. Девочки собирают куколки, фантики, наклейки от жвачек, тексты песен, фарфоровые безделушки; мальчики — солдатики, постеры, трансформеры, вкладыши, наклейки Panini, диски, модельки автомобилей, пробки от вина, пивные банки. Коллекции подростков, как правило, окутаны тайной, собираются для себя, характеризуются поиском эксклюзивного, необычного (эхо, анкеты, эмоции).

Следующий этап в собирательстве (после 20-ти лет) определен соображениями престижа, личностной мотивацией. Происходит отказ от всеядности, коллекции становятся оригинальными, качественными. Сублимация коллекционера связана с его собственной фантазией. Возникают коллекции определенного жанра (например, диски с музыкой конкретного периода или композитора). На смену подростковому периоду «тайны», «укрывания» своих сокровищ приходит период демонстрации личных возможностей, статуса, достатка (смотрите что у меня есть! что я могу!). Источником коллекций выступают интернет-рынки, дилерские блоги и т.п. Обмена предметами не существует. Коллекции выставляются на полки, заказываются витрины, что служит выражением индивидуальности. Коллекции вещей призваны в этот период подчеркнуть, а не скрыть сексуальность ее владельца. Главным принципом коллекционирования этого периода служат самоутверждение личности, самопрезентация индивидуальности. Предметами коллекционирования становятся статусные вещи: живопись, украшения, скульптура, военная атрибутика и символика. Меняются и приоритеты, речь идет об умном, расчетливом, избирательном собирательстве, с элементами иронии и самоиронии (Майя Плисецкая собирала необычные фамилии).

Коллекционирование в пору зрелости (после 40 лет) представляет самый активный и стильный период в жизни коллекционера. Этот период не минует никто, именно в этот период вещь воспринимается как предмет любви. Коллекционирование на этапе зрелости дополняет или заменяет (компенсирует) сексуальную активность. Женщины «коллекционируют» мужчин,

мужчины — женщин. Коллекции зрелого коллекционера разнообразны, респектабельны, отмечены индивидуальностью. Он собирает то, что ему интересно, а не то, что другие, или как оценят его коллекцию. Основная черта зрелого коллекционера — это охота за вещью, он презирует сувениры и курортные трофеи. Качествами коллекционера-профи являются охота за вещью, манипулирование, игра обаяния. Цена вещи, предмета охоты для него не играет роли, важно эту вещь заполучить любым путем. Коллекции зрелого коллекционера строятся вокруг какой-либо идеи и часто служат компенсацией от скуки, одиночества, унылого существования или напряженной работы.

«Золотой век» коллекционера — период после 60-ти. Это время итогов и самооценки. Страсть к коллекционированию сопровождается утратой чувства нынешнего времени. Обладание вещью для старого коллекционера лишено сексуальности, оно скорее статусное. В «бытовой мифологии» гасится страх времени и смерти (Ж. Бодрийяр). Солидный коллекционер, в отличие от молодых, не демонстрирует свои коллекции, он их прячет, охраняет, наслаждается ими в одиночестве. Старый коллекционер — это знаток, аналитик, он обладает энциклопедическими знаниями по предмету, мало эмоционален, скрупулезен. С возрастом представители творческих профессий (писатели, режиссеры, актеры, писатели), политики, имеют солидные коллекции, являются участниками престижных аукционов (типична коллекция Ростроповича-Вишневецкой). Предметами коллекционирования на данном этапе являются антиквариат, живопись, скульптура, ювелирные украшения (Галины Улановой), драгоценные камни, предметы декоративно-прикладного искусства, мебель (коллекция Святослава Рихтера), рукописи, старинные книги, журналы и др. (Антиквариат. 2007. №7). В целом, как заметил Ж. Бодрийяр, коллекция это череда элементов плюс личность коллекционера, словом, любая коллекция имеет психофизическую и историческую природу.

Музейная публикация как результат сотрудничества музея и коллекционера: из опыта работы Музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Музей Нижегородского государственного университета — это неотъемлемая часть современного научного учреждения, место пересечения научных и культурных традиций. Следует отметить работу сотрудников музея по отражению тем, связанных с актуальными событиями в жизни как высшей школы, так и истории, культуры современного общества. Каждая такая работа — это результат серьезных исследований музейных специалистов с использованием обширного фонда самого музея, а также с привлечением фондов коллекционеров, знатоков истории.

Исходя из позиции, что «музей — это научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение» (Скрипкина Л.И. Значение теоретического наследия А.М. Разгона для решения современных проблем развития музейного дела России // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. М., 2001), сотрудники музея ННГУ большое внимание уделяют научному осмыслению музейного предмета, с ответственностью подходят к созданию музейных продуктов: презентаций, выставок, изданий. Именно публикация музейных коллекций позволяет расширить тесные рамки экспозиции и дает возможность познакомиться со всей группой предметов, хранящихся в музейном фонде. Изученность предмета, богатый справочный материал делают такую работу ценной и востребованной. Здесь первое слово должно быть отдано исследователям, погруженным в тему, имеющим авторитет не только среди музейных специалистов, но и в мире знатоков, профессионалов, научных сотрудников.

Обратимся к опыту сотрудничества музея ННГУ и коллекционеров, осуществляемого как в рамках выставочного пространства, так и в издании каталогов коллекционных предметов. Сегодня не только музейные собрания — предмет исследования и интерпретации, частные коллекции с достоинством соперничают с ними в изученности и зрелищности.

В Музее ННГУ с 2009 по 2011 гг. прошла серия выставок «Из истории страхования в России XIX–XX вв.», основой которых стала коллекция М.В. Моисеенко. Марина Валерьевна Моисеенко — преподаватель дисциплины «страховое дело» на экономическом факультете ННГУ, собиратель уникальной коллекции по истории страхования в России (начало XIX — конец XX в.)

Сотрудничество музея с коллекционером предусматривало проведение выставок, издание специальных каталогов. Работа над публикацией привела коллекционера к лучшему осознанию своего предмета исследования: коллекция приобретала четкую структуру, приходило понимание необходимости доукомплектования недостающими элементами, поднимались новые неизученные вопросы.

Проблема публикации исторических источников стоит перед научным сообществом достаточно остро. Если методология публикации документальных источников, хотя и дискуссионная, но вполне осознана и решается в системе вспомогательных исторических наук (археография, палеография), то методы публикации предметов материального мира изучены недостаточно. Главное отличие музейного предмета от архивного документа не в том, что в одном случае — это вещь, а в другом — текст, а в том, что большая часть архивных материалов изначально создавалась с целью фиксации определенной информации, а затем с этой целью хранилась в архиве. Музейные же предметы не создавались для передачи информации. Поэтому выявление предметов музейного значения, раскрытие их информационного потенциала — сложный и творческий процесс.

Обширные фонды музеев хранят огромное количество музейных предметов, которые рассматриваются как источники разных наук. Различные объекты несут в себе и различную смысловую нагрузку. Методы их изучения невозможно подвергнуть унификации, а поэтому и требования к публикации музейных предметов (источников) невозможно загнать в «прокрустово ложе» единой технологии.

Понимать под археографией музейного предмета лишь только методологию «правильности» подготовки музейных ис-

точных к публикации было бы не совсем верно. Обратимся к общественному значению археографии (разработка проблемы В.П. Козловым: Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008). По его мнению, существуют три «уровня познания», которые дает обществу археография, и три ее формы: «оперативная», «просветительская» и «научная». От публикаций музейных предметов и коллекций, современное общество ждет того же.

Исходя из особенностей коллекции М.В. Моисеенко, продуманы методы публикации, путем выделения тех характеристик, которые помогли осознать коллекцию как достоверный исторический источник по истории страхового дела в России.

Публикация коллекции составлена по тематико-хронологическому принципу и состоит из трех каталогов. Первые два посвящены истории страхового дела с 1827 по 1917 г., третий, обращает нас к государственному страхованию в СССР и посвящен одной страховой компании.

Исследователем была проделана серьезная работа для введения в публикацию научно-справочной информации. Информационное сопровождение неразрывно связывает объект и текст, помогает усилить коммуникативность и достоверность публикации. Качественное информационное сопровождение придает ценность данной работе. Несмотря на то, что музейные продукты рассчитаны на широкий круг посетителей, проработанность темы как с исторической, так и с фактической стороны придает публикации научную ценность.

Таким образом, сотрудничество Музея ННГУ и коллекционера принесло свои плоды. В стенах музея с успехом прошли выставки. Собрание коллекционера пополнилось новыми экземплярами, приобрело более четкую структуру, обогатилось научно-справочным материалом. Был издан каталог коллекции. Тем самым вклад коллекционера в изучение истории и популяризацию страхового дела в России был оценен многими специалистами, так как недостаток информации по истории страхования делает невостребованным богатейший опыт российского и советского страхования.

**Музейный предмет как объект исследования
и экспонирования (на примере атрибуции
владельца печати «Ивана Карови»)**

В экспозиции Музея Москвы, расположенном в комплексе Провиантские магазины на Зубовском бульваре, экспонируется маленькая (1,5×1,0 см) костяная печать «Ивана Карови». Редкий посетитель задержит на ней свое внимание. Ведь эта печать хранит много загадок. Обнаружили ее в 1950 г. в ходе раскопок на территории Зарядья. По эпиграфическим признакам ее датировали XV в. (Рабинович М.Г. Материалы по истории Великого посада Москвы // Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1954. Вып. 9. С. 74).

Рабинович связал печать с событиями в Москве в 1468 г., а ее владельцем сначала видел родственника упоминаемого в акте 1474 г. наместника Соли Галичской Федора Коровы, а позднее — большого московского наместника, боярина и воеводу князя И.Ю. Патрикеева († после 1499 г.). Последнюю версию без каких-либо дополнительных аргументов поддержали Г.П. Латышева и А.Г. Векслер. Таким образом, эта печать без каких-либо достаточных оснований оказалась приписана князю Патрикееву. Обращение к изучению этого памятника древнерусской сфрагистики остается актуальным.

Прежде всего, стоит отметить, что князь И.Ю. Патрикеев не носил прозвища, в источниках он никогда не упоминается как «Карова». Приписываемая ему печать не имеет и признаков княжеской печати. Более того, атрибуция печати «Ивана Карови» основывается на убеждении, что найденная усадьба принадлежала именно Патрикееву. Однако связь печати с пожаром 1468 г. не представляется очевидной. Часть бани (где нашли печать) нарушена ямой перекопа, что естественно могло привести к попаданию в более ранние слои вещей поздних. Более того, печать не имеет следов воздействия на нее огня.

В ходе поиска вероятного владельца печати был проведен ряд специальных исследований. Изучение дворовладения Патрикее-

вых в Москве показало, что их основные владения находились на территории Кремля и Белого города (районы Знаменки и Волхонки), когда как владение в Зарядье единичное. Причем, исходя из вещевого материала, выявленного на этой территории в ходе раскопок, можно предположить, что это владение носило хозяйственный характер, а жилым был двор в Кремле. Следовательно, находки, сделанные в раскопе, нельзя строго атрибутировать лишь князю И.Ю. Патрикееву.

Данные наблюдения подтверждаются печатью «Ивана Карови». Она относится к прикладным печатям, т.е. печатям-матрицам, которые прикладывали к воску или специальной мастике, удостоверяя, таким образом, соответствующие документы. Этот вид печатей стал популярным на Руси в период перехода от пергамента к бумаге. Таких печатей известно не менее 20 экземпляров. Находки таких печатей редки. Как правило, они датируются XIV–XV вв., хотя возможно и более раннее время их бытования.

Датировка костяных печатей ведется на основе палеографических признаков и аналогий. Стратиграфического определения, за одним единственным исключением (печать «Ивана Карови»), они не имеют. Это обстоятельство делает ее главным источником при построении аналогических связей в этом виде печатей. Однако и в этом случае стратиграфическое определение более чем условно. Золистый слой, в котором ее нашли, датирован 1468 г., исходя из информации о пожаре. Однако печать была найдена выше этой прослойки и не имела следов воздействия на нее огня. Ее первоначальная привязка ко 2-й пол. XV в. дана лишь по палеографическим признакам. Однако этого недостаточно, так как палеография дает довольно условные данные для датировки. Поэтому единственно надежным способом датировки печатей, в данном случае, является определение ее владельца.

Наблюдение за внешними признаками печати «Ивана Карови» подтверждают сомнения в ее принадлежности Патрикееву. Ее легенда не имеет титула, что не характерно для княжеских печатей. Это подтверждает статистика их легенд за XV–XVI вв.

Некоторые данные о происхождении печати дают наблюдения за ее иконографией. По центру печати изображена фигура воина со щитом в левой руке и копьём в правой. Ее внешний вид скорее свидетельствует о примитивном копировании с неизвестного образца. Ближайших аналогий выявить не удастся. Однако по сюжету печати «Ивана Карови» довольно близки печати XV в. писцов И.С. Головы Лыкова, М. Дмитриева, Василия Башины и А. Вокшерина, а 1-й пол. XVI в. – З.А. Постника Сатина, А.Ф. Воронова, братьев Ф.Ф. и И.Ф. Хидырщиковых-Левашовых.

Анализ родословных источников позволяет отождествить владельца печати «Ивана Карови» с Иваном Коровой, 2-м сыном И.К. Яхонта Левашова. В Дворовой тетради начала 1550-х гг. дети И.И. Коровы Яхонтова фигурируют как Коровины-Яхонтовы. Наряду с Хидырщиковыми, они — потомки боярина Александра Микулича Леваша, служившего в Твери — одном из главных центров косторезного ремесла в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Неудивительно, что его потомки на печатях использовали одного святого патрона. Тверские корни печати «Ивана Карови» подтверждает и полностью совпадающая с ней по сюжету печать «попа Кузьмы», найденная в Затьмацком посаде города Твери.

Очевидно, что после конфискации в 1499 г. имущество князей Патрикеевых поступило в раздачу. В начале XVI в. двор за ц. Николы Мокрого в районе Мокринского переулкa мог достаться во владение И.И. Яхонтову, дворовому сыну боярскому из Твери, находившейся во владении великого князя Василия III, ставшему после опалы на Дмитрия Внука наследником Ивана III.

Проведенная работа по атрибуции печати «Ивана Карови» поставила новые проблемы, связанные не только с исследовательской деятельностью музеев, но и практикой экспонирования археологических находок. Во-первых, очевидно назрела необходимость создания межмузейной базы различных предметов, экспонируемых или хранящихся в фондах с подробным описанием, что облегчило бы исследования. Во-вторых, необходимы новые экспозиционные решения, которые давали бы более подробную информацию об экспонатах, особенно таких «говорящих»,

как печать «Ивана Карови», причем эта информация должна отражать современные научные достижения.

И.П. Кулакова (Москва)

**Пространственно-предметная среда мемориальных усадеб
как объект изучения российской интеллектуальной
традиции XVIII — начала XIX в.**

Музейное пространство с определенной структурой и наполнением (мебель, аксессуары, изображения), как известно, можно рассматривать как культурный текст, содержащий невербальную информацию, расширяющую наши представления о культурных установках и ценностных ориентирах XVIII — начала XIX в. Рецепция европейской культуры вылилась для российского дворянства в сложный процесс ускоренного овладения новыми культурными практиками, который растянулся почти на век. В пространстве дворянских усадеб происходило переплетение и столкновение различных культурных традиций, выливавшееся в формировании новой предметно-пространственной среды (устройство и оборудование новых зон парадных и непарадных помещений, новая их специализация помещений и пр.). Анфиладные пространства дворянских усадеб, как правило, реконструируются в современных музеях в первую очередь — как самые репрезентативные и наилучшим образом обеспеченные источниками для реконструкции — в отличие от пространств «вседневного» времяпрепровождения (устройству непарадных комнат, удобствам жизни уделялось в рядовом особняке мало внимания, одни и те же пространства приспособлялись для разных функций). Между тем, европейская элитарная жилая среда XVIII в. демонстрирует сложившуюся специализацию помещений (жилая комната, кабинет, галерея, столовая, детская и пр.), и это говорит об «архитектурном» выражении растущей потребности отделиться, отражая связанный с цивилизационным развитием процесс индивидуализации (Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). М.,

1997. С. 137; Кулакова И.П. История Московского жилья. М., 2006. С. 45–61). Нового типа помещения (кабинеты, библиотеки, музеумы и пр.) связаны и с развитием новых видов культурных практик (письмо и чтение в рамках практик хозяйствования, собирание книг и экстенсивное чтение, коллекционирование, «составление» архитектурных проектов, литературное сочинительство, «философствование» и пр.). К сожалению, следует согласиться со знатоком русской усадебной архитектуры Е.В.Николаевым: «За очень редким исключением у нас не осталось ни одного цельного, сохранившегося во всей полноте интерьера, а исключения относятся только к дворцам». — Но он же пишет: «Рядовой интерьер — одна из величайших побед русского, а может быть и всего мирового искусства» (Николаев Е.В. Классическая Москва. М., 1975. С. 211–212). Уже это заставляет стремиться реконструировать интерьеры, используя не только сохранившиеся комплексы, но прибегая к архивным и любым другим источникам.

В российских мемориальных музеях–усадебках нас в данном случае привлекает возможность выявить процесс появления потребности людей XVIII в. в пространствах, приспособленных для уединения и интеллектуальной деятельности, требующей известной долей автономии. Заметим, что именно «“письменный человек” отдает предпочтение *отдельности* и поделенным на ячейки пространствам» (Маклюен М. Понимание Media: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 140). Известно, что в русской усадьбе XVIII в. присутствует эта тенденция, свидетельствуя либо об обращении хозяев к одному из новых видов деятельности, либо об *имитации* тех же процессов (что также является ценной информацией об установках в окружении данного семейства). Именно в XVIII в. можно обнаружить так ярко выраженную «публичность приватного» (и тщательное оформление напоказ «приватного» пространства усадеб). «Просвещенность» и владение новыми культурными практиками овеществлялись главным образом в аксессуарах, мебели и предметах интерьера. Однако, процесс складывания нового быта был постепенным. Не в каждом дворянском особняке середины XVIII в. имелись соответствующая интеллектуальным занятиям обстановка и мебель (напри-

мер, А.Т. Болотов рассказывает об учебе в петербургском генеральском доме так: «поставляли обыкновенно ломберный столик посреди предспальни, и тут мы должны были сидеть и учиться» (Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Т. 1. Тула, 1988. С. 72–73)).

Экспозиция дворца–музея в Кускове графа П.Б. Шереметева (вельможи эпох от Анны Иоанновны до Екатерины II) является пример «рабочей» комнаты графа, его деловой приемной (кабинет–конторка), открывавшей череду внеанфиладных, непарадных помещений дома. Среди них (наряду с туалетной, гардеробной, «вседневной опочивальней») имеется одна из любимых – маленькая проходная «диванная», где, по сведениям сотрудников музея, богач и аристократ проводил за чтением свои дни. Эти ценные известия следовало бы по-возможности уточнить, поскольку необыкновенно важно, как и когда складывался при неоднократных перестройках дворца данный интерьер. Описи дворца–музея содержат описание вещей, наполнявших в 2-й половине XVIII в. именно эти приватные комнаты. Небольшая «библиотека» имела назначение кабинета редкостей, служащих украшению интерьера и выступавших символами «просвещенного досуга» (этот замысел восходит к европейской идее гуманистического «универсального музея» (Осминская Н. Под сенью храма Аполлона: коллекционирование как мировоззрение // Пинакотекa, 2001. № 12)). В стальных шкафах хранились излюбленные издания и предметы, связанные с «наукой» (например, «стекло прибыльное круглое в точеном деревянном футляре»; на верхней полке шкафа – «2 глобуса в деревянных станках з градусами. Труба медная в которую падают издали голос»; «на окошке ...сфера небесная со всем принадлежащим прибором»; «солнечные часы медные вызолочены универсальные с компасом»). В нишах между шкафов – разнообразные редкости, мелкая пластика, скульптурные изображения – явно знаковые, отсылающие к ключевым фигурам Просвещения (Вольтер, Руссо, Франклин) (ЦГАЛИ. Ф. 1088 (Шереметевых). Опись дому. Л. 147). Один из портретов запечатлел образ читающего П.Б. Шереметева. Эти символически нагруженные ве-

щи и изображения, собранные именно в частной части дома, можно считать манифестацией «просвещенного» дворянина (См.: Кулакова И.П. О халате как атрибуте интеллектуального быта россиян XVIII — первой половины XX в. // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. Международный журнал. 2011. № 19 (весна)).

Итак, мы можем говорить о «текстах», которые демонстрирует благоустроенная усадьба - акциональных, вещных, изобразительных и т. д. Между тем, с точки зрения складывания этих текстов - выделения в усадьбах частных помещений, их отграничения от сферы публичной — особенно важны переходные периоды, когда алгоритм жизни особняков объективировался в членении, зонировании бытового пространства; важны документы и чертежи архивов мемориальных музеев, свидетельствующие о перedelке помещений (разделении или соединении пространств комнат, переносе дверей и пр.) и изменении их вещного наполнения. Укажем на описи другого дворцового комплекса Шереметевых, Останкина, где в конце 1790-х гг. дворянин уже следующей генерации, граф Н.П. Шереметев, предпринимал перedelки, перепланируя помещения в доме (построенном отцом), и усиливая, на наш взгляд, степень их «интимности» (неслучайно там же присутствуют аксессуары письма).

Итак, на наш взгляд, важно не только фиксировать в экспозиции мемориальный усадебный интерьер в его наиболее репрезентативном виде, но выявлять динамику складывания этих интерьеров (насколько это позволяют архивные данные). Сведения о пространственно-вещном наполнении особняков могут стать вкладом в дело выяснения степени «индивидуализации» представителей российского дворянства XVIII — начала XIX в., выявить особенности латентных процессов развития нового интеллектуального быта в недрах традиционного быта русской усадьбы.

**Сабля с Куликова поля в деле А.П. Волынского:
к истории изучения и мемориализации
места сражения 1380 г. в первой половине XVIII в.**

27 июня 1740 г. в Петербурге был казнен кабинет-министр правительства Анны Иоанновны А.П. Волынский, обвиненный в покушении на верховную власть. Среди разнообразных доказательств «преступного умысла» опального вельможи, изъятых следствием в петербургском доме Волынского, кроме всего прочего, были материалы, связанные с интересом кабинет-министра к генеалогии и истории собственного рода.

Род дворян Волынских вел свое происхождение сразу от двух героев Куликовской битвы — воеводы великого князя московского Дмитрия Михайловича Боброка Волынца и семьи Дмитрия Ивановича Донского, на родной сестре которого был женат Боброк. «Высокое родство» Волынских было зафиксировано в Государевом родословце XVI в., Бархатной книге конца XVII в. и в делах созданной Петром I Герольдмейстерской конторы, и родовые предания семьи целиком совпадали с официальной генеалогией Волынских. Тем не менее, кабинет-министру были предъявлены обвинения в безосновательном присвоении себе «высокого родства», что, по мнению следствия, могло стать причиной предъявления А.П. Волынским и его потомками претензий на российский трон (императрица, как помним, была бездетна и не замужем).

Волынский, и очевидно его ближайшие предки, на самом деле живо интересовались историей своей «фамилии». В домашней библиотеке кабинет-министра хранились труды по истории, русские летописи и родословные книги. В конфискационных документах фигурируют рисованное «родословное древо» семьи конца XVII в., старинное оружие, вышедшая из моды одежда и пр. «Живописцу» Г. Теплову Волынским была заказана картина с изображением родословия Волынских, а также фигур Д.М. Боброка Волынца и его жены.

Следствие обнаружило и конфисковало в доме кабинет-министра саблю, найденную на Куликовом поле. Одна сторона сабельной полосы была отшлифована для нанесения на нее надписи (эскиз последней также хранится среди конфискованных документов), гласящей, что она найдена на месте сражения, в котором отличился предок А.П. Волынского, женатый на сестре великого князя.

Выяснилось, что кабинет-министр живо интересовался предметами вооружения, которые выпахивали из земли в районе Куликовской битвы местные крестьяне, причем такого рода находки тогда совсем не были редкостью. А.П. Волынский в 1739 г. даже установил немалое денежное вознаграждение за обнаружение реликвий Куликовской битвы. Не исключено, что сабля была в доме Волынского далеко не единственным предметом, найденным на месте сражения 1380 г.

В историографии принято считать, что интерес к полю ратной славы XIV в. возник только в начале XIX в., после появления на свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, и тогда же местный помещик С.Д. Нечаев занялся сбором находок. На протяжении всего XIX в. предметы вооружения, крестики, перстни и т.п. постоянно обнаруживались на берегах Дона и Непрядвы, пополняя собрания редкостей здешних землевладельцев и лишь изредка отправляясь в столицы. Абсолютное большинство этих реликвий прошлого пропало во время революции. Современные изыскательские работы, тем не менее, до сих пор приносят свои плоды, явно те такие обильные, как в прошлом. Однако, как видим, интерес Волынского к Куликовской битве и Куликову полю имел место не только в «докарамзинский», но даже в «дотатищевский» период русской историографии (первое печатное издание «Истории Российской» появится только в 1768 г.) и с развитием профессионального исторического знания никак связан не был. С другой стороны, и местные крестьяне, никак не подверженные влиянию исторической науки, тем не менее не сомневались в том, что Куликовская битва имела место, более того, постоянно обнаруживали зримые признаки сражения, отдавая себе отчет в том, что эти находки — не случайные вещи.

**Освоение пространства Западной Сибири
путем комплектования музейных коллекций
Омского краеведческого музея
во второй половине XIX — первой половине XX в.**

Категория «пространство» — одна из важнейших в культуре. Стратегии его освоения и отношение к нему во многом отражают картину мира человека. Это можно проследить на основе практически всех сторон жизнедеятельности. Особое место среди них занимает исследовательская деятельность, как стремление к объективному пониманию мира, в том числе и пространства. Такое его освоение представляет особый исследовательский интерес, так как является наиболее осознанным.

Одна из форм этого освоения — формирование музейных коллекций посредством включения в них предметов, характеризующих специфику осваиваемого пространства. Наиболее ярко такую специфику отражают археологические и этнографические предметы. Они относятся к культурам, наполняющим исследуемое пространство, но, внешним для исследователя, что характерно для западносибирского региона, где большинство исследователей являются людьми, живущими в Западной Сибири в первом поколении. Поэтому вопрос освоения пространства, стремление его сделать «своим» становится наиболее актуальным.

Одним из первых музеев в Западной Сибири был Омский краеведческий музей, открытый в 1878 г. как музей Западно-Сибирского отделения Русского географического общества (ЗСОРО). Само отделение основано в 1877 г. К этому времени относится начало формирования коллекций музея.

На начальном этапе, продолжающемся до 20-х гг. XX в., процесс образования археологических и этнографических коллекций был достаточно хаотичным. К этому периоду относятся археологические предметы из Минусинского округа (ныне территория Красноярского края), с Алтая, с озера Чербакты, с территории современной Омской области, остяцкие предметы (археологические и этнографические), собранные на севе-

ре Западной Сибири. Показательным для понимания того, насколько разнонаправленным был процесс комплектования музейных фондов, является список народов, представленных в коллекциях музея ЗСОРГО — это русские Алтай и Прииртышья, алтайцы, шорцы, ненцы, ханты, эвенки, казахи, киргизы, уйгуры, сарты (узбеки), персы, афганцы, дунганы, тибетцы, монголы, китайцы, японцы. (Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Этнографические коллекции Омского государственного объединенного исторического и литературного музея// Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, — Томск, 1990. С. 10) Таким образом, археологическая и этнографическая коллекции к 1920-м годам включают предметы, отражающие культурную специфику достаточно широкой части сибирского региона. Однако эти предметы не были собраны системно, давали поверхностное представление об этом пространстве.

В 1920-е — начале 1930-х гг. резко сокращается география поступлений в фонды музея. Это связано с социально-политической ситуацией в первой половине десятилетия. Сотрудники музея заняты не пополнением фондов, а спасением имеющихся предметов. Со второй половины 1920-х гг. Археологическая коллекция пополняется в основном за счет раскопок и сборов с памятников Омского района Омской области, проводимых археологом музея — В.П. Левашевой. (Фонд археологии Омского государственного историко - краеведческого музея / под ред. Б.А. Коникова. — Омск, 2003. С. 7) В это время впервые проводились раскопки на Омской стоянке — археологическом памятнике на территории г. Омска, были раскопаны курганы у с. Саргатка, давшие материалы на основании которых была выявлена Саргатская археологическая культура; исследованы многие памятники на территории Омского района и Барабинского округа (ныне территория Новосибирской области). Этнографические предметы также начинают собирать планомерно, что сужает географию исследований из-за невозможности глубокого исследования и систематического

сбора предметов на все том же обширном пространстве. В основном собираются предметы казахов, русских, проживающих на территории современной Омской области, коми-зырян Тарского округа, барабинских татар, южных ханты. Таким образом, в этот период появляется возможность более системного изучения окружающего пространства, но за счет сокращения территории.

С 1934 по 1944 гг. присоединение к Омской области современной Тюменской области вновь расширило границы комплектования коллекций. В 1938 и 1939 гг. музеем было организовано две экспедиции в Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа. Благодаря этим поездкам археологическая коллекция пополнилась предметами с остяцких и ненецких могильников, с городища Искер — столицы Сибирского ханства и находками с других памятников, всего 27 коллекций. Этнографическая — предметами ханты, ненцев и манси.

После сокращения территории Омской области экспедиции на север Западной Сибири больше не проводятся. Участник экспедиций 1938 и 1939 гг., производивший сбор археологических и этнографических предметов А.Ф. Палашенков, со второй половины 40-х гг. занимается выявлением, паспортизацией и исследованием археологических памятников на территории современной Омской области.

Таким образом, во второй половине XIX — начала XX вв. освоение пространства Западной Сибири осуществлялось путем включения в музейные коллекции археологических и этнографических предметов с обширной территории, охватывающей почти всю Западную и часть Восточной Сибири, а также север Средней Азии. Это было обусловлено исследовательскими интересами собирателей этих коллекций, стремящихся к первичному освоению малоизвестного для них пространства. Сужение территориальных рамок исследований к 1920-м гг. обусловлено новым этапом в освоении этого пространства, на котором исследователи стремились к более систематизированным и конкретным знаниям о регионе. Дальнейшее же изменение границ деятельности по формированию музейных коллекций объясняется уже в большей

степени не изменениями в стратегиях освоения пространства, а административно-территориальным делением, а также изменением статуса музея (от музея ЗСОРГО к Омскому краеведческому музею).

А.С. Майорова (Саратов)

**Публикация описи экспонатов
музея Саратовской духовной семинарии 1907 г.**

Первый музей появился в Саратове в тот период истории музейного дела в России, когда происходило формирование музейного мира как особой сферы культурной жизни. Он возник в результате деятельности саратовского епископа Иакова (Вечеркова), возглавлявшего епархию в 1832–1847 гг. По словам его биографа члена Саратовской ученой архивной комиссии А.А. Лебедева, епископ был прекрасным знатоком древних и нескольких новых языков, страстным археологом и любителем нумизматики (Лебедев А.А. Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 2, вып. 1. С. 30).

Первые упоминания о музее Саратовской семинарии относятся к 1842 г. Сюда поступали, по словам Лебедева, в массовом порядке «вещи из раскопок, проводившихся духовенством Саратовской епархии во времена Иакова». Некоторые из находок были переданы епископом в музей при Казанской духовной академии, другие продолжали храниться в Саратовской семинарии, о чем есть сведения, относящиеся к 1869 г., а также к концу 1880-х гг. (Лебедев А.А. Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский и его рукописное собрание // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 30. С. 5). В 1907 г. Лебедевым была опубликована «Опись предметов, находящихся в музее саратовской духовной семинарии» (Лебедев А.А. Материалы для истории Саратовской епархии. С. 33–37).

Относительно заглавия данной описи можно предположить, что оно было дано при составлении документа, а не при его публикации, потому что в нем говорится о музее како существую-

щем. Однако ко времени издания описи он уже не существовал. В очень небольшом предисловии к публикации сказано о времени составления описи, о подходе к передаче текста. Здесь публикатор обращается к читателям с просьбой сообщить, «не известно ли кому чего-либо о предметах музея и их судьбе» (Там же. С. 33). Именно на основании этого видно, что музей к тому времени не существовал, а следы предметов, которые хранились в нем, затерялись. Еще один важный факт, указанный в данном предисловии, — опись музейных предметов была составлена «во времена преосвященного Иакова, бывшего инициатором самого музея». О местонахождении описи публикатор не говорит. Вероятно, она хранилась в библиотеке семинарии. Принцип публикации, избранный Лебедевым, — дословное воспроизведение текста без комментариев. Правда к заключительной описательной статье Лебедев сделал небольшую сноску, указав, что эта статья была позднейшей припиской (Там же. С. 37). По содержанию статьи видно, что она была внесена в опись не ранее 1856 г.

Тест, опубликованный Лебедевым, позволяет судить как о принципах систематизации музейных предметов, так и принципах их учета и описания. Кроме того, содержание описи дает дополнительную информацию. На ее основании можно сделать вывод о том, что после составления этого учетного документа в него вносились новые поступления, причем, систематизация по разделам при этом нарушалась. Содержание одной из статей подтверждает факт существования музейной экспозиции: в ней описаны «бронзовые кружки» (имелись в виду круглые пластинки), «расставленные под названиями зеркал» (Там же. С. 36). Следовательно, предметы экспонировались с этикетками. Разделы описи указывают на принципы систематизации: «Царство ископаемых», «Царство животных», «Минц-кабинет», «Кабинет древностей» (Там же. С. 33).

Учет музейных предметов не был унифицирован — в описи имеются и групповые описания, и поединичные. Нумерация учетных единиц по каждому разделу была самостоятельной, в общей сложности в опись внесена 61 учетная единица. Систематизация по разделам была несовершенной: однородные предметы

помещены в разные разделы. Описания, как правило, очень лаконичны. В них, за исключением трех случаев, отсутствуют указания на места находок. Время их поступления отмечено только в двух описаниях, в одном из них названо имя дарителя. Датировка предметов имеется в описаниях монет и «медальонов» (по современной терминологии — медалей), но далеко не всегда. В других описаниях датировка отсутствует. Материал изготовления для предметов минц-кабинета указан, но в разделе «Кабинет древностей», где учтены археологические находки, подобные сведения имеются не во всех описаниях.

Особой лаконичностью отличаются описания в разделах «Царство ископаемых» и «Царство животных», что отражает отсутствие опыта в этой области у саратовских любителей естественной истории. В описании экспоната «Зуб мамонта» указан его вес, для других подобных экспонатов указания веса нет. В разделе «Царство животных» имеются описания отдельных костей и фрагментов черепов, главным образом, неизвестных животных. Место находок указано только в одном из описаний, которое относится к группе «мелких вещей в виде зубов и улиток, найденных на Соколовой горе» (Там же. С. 33).

Содержание рассматриваемой описи очень интересно. В ней зафиксирован состав предметов, находившихся на хранении в музее при Саратовской семинарии. Музей имел комплексный характер. Помимо предметов «местного» происхождения, в нем хранились «копия Рафаэлевой картины с изображением 12-летнего Христа в храме со жрецами», «надпись с антиминыса, хранившегося в Новгородском Софийском соборе» и «еврейский талисман», привезенный ректором семинарии (откуда — неизвестно). Большинство предметов являлись либо археологическими, либо случайными находками — об этом свидетельствует сам характер предметов. Наиболее многочисленную их группу составляют экспонаты минц-кабинета. Опись музея Саратовской семинарии является примером учетных документов, которые составлялись в провинциальных музеях в период, когда они только начинали создаваться. Для того чтобы выяснить, насколько квалифицированным был подход составителей описи, необходимо

сопоставить ее с учетными документами других музеев, созданный в то же время в провинциальных городах.

С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева (Москва)

Вещественные источники

в структуре современного исторического знания

Со времен Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньбоса хорошо известно, что история пишется по источникам. И хотя этот историцистский постулат в течение XX в. подвергался критике, но все методологические революции и трансформации, произошедшие с 1898 г. — года публикации их «Введения в изучение истории» — не смогли его опровергнуть. Более того, практически до конца XX в. история писалась преимущественно по письменным источникам в связи с тем, что присущему европейской культуре историческому типу социальной памяти свойственен письменный механизм фиксации. Актуальные социокультурная и теоретико-познавательная ситуации требуют расширения эмпирического пространства исторического познания, грамотного введения в научный оборот не только письменных источников, но и исторических источников иных типов, в частности, вещественных и изобразительных, хранящихся, как известно, по преимуществу в музеях.

Выделим здесь лишь четыре принципиально важных взаимосвязанных фактора, заставляющих актуализировать источники иных типов, помимо письменных, обратиться к разработке адекватных методов их изучения и способов корректной публикации. При этом, на наш взгляд, принципиально важно осмыслить проблему с точки зрения соотношения социально ориентированной и научно ориентированной истории.

Первый фактор — рефлексия историков об «объективности» исторического исследования и критика его нарративности, поставившая под сомнение наиболее сущностную сторону европейской модели историописания — антропоцентричность, т.к. процесс институционализации самой историографии с эпохи Про-

свещения был связан с интересом именно к «коллективному исключительному» — человеку, который рассматривался как объект истории (Seth S. *Historiography and Nonwestern Pasts* // *Historein*. 2010. Vol. 10. P. 71). В русле этой тенденции западные исследователи с конца 1990-х гг. обратили внимание на вещественные источники, что, по мнению Э. Доманской, знаменовало «поворот к нечеловеческой» или «постчеловеческой» истории и «возвращение к вещам» (Domanska E. *The Material Presence of the Past* // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 3. P. 338).

Второй фактор — кризис социальной памяти исторического типа и обусловленный им мощнейший кризис идентичности в ситуации постмодерна (последняя треть XX в.) привел к атомизации социума, индивидуализации идентичностей и, соответственно, к диверсификации / дезинтеграции исторического знания, знаком чего в историческом познании явилась мода на микроисторию. Выход из ситуации постмодерна, переход к постпостмодерну сопровождался новыми трансформациями: происходит разрыв социально ориентированной и научно ориентированной истории, что нашло свое наиболее четкое выражение в концепции мест памяти. Социально ориентированная история превращается в самостоятельную сферу исторического знания и в качестве таковой требует нормального профессионализма (впрочем, не всегда присутствующего / чаще всего отсутствующего), а значит и профессионального отношения к историческим источникам.

В структуре источниковой базы социально ориентированной истории, и целенаправленно — при формировании мест памяти, неминуемо, существенное место должны занимать вещи и изображения как в большей степени, нежели письменные исторические источники, обращающиеся непосредственно к универсалиям человеческого опыта и в меньшей степени, — на первый взгляд, — требующие перевода с одного языка на другой.

Третий фактор — модификация типа коммуникации, переход от «цивилизации Гутенберга» к Internet-цивилизации, а также новая визуализация культуры и, соответственно, визуальный поворот в гуманитаристике. Продолжающаяся демократи-

зация социальной, политической и культурной сторон жизни обществ позволила ученым в конце XX — начале XXI в. отметить происходящую демократизацию научного знания и свободу, которая мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека (см.: Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница [Электронный ресурс] – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000043>; Domanska E. Op. cit. P. 341). Здесь мы не имеем возможности подробно рассмотреть эти взаимосвязанные проблемы, поэтому ограничимся лишь констатацией их значимости при рассмотрении вопросов теории и метода исторического познания.

Четвертый фактор, непосредственно воздействующий на научно ориентированную историю и связанный с поиском универсальных оснований истории как строгой науки, — формирование понятия «эмпирическая реальность исторического мира» как фактически онтологической, а не гносеологической категории (Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008), что заставляет, с онтологической точки зрения, обращаться к объективациям человеческого опыта, выходящим за пределы письменных исторических источников, а с гносеологической — выработать принципы, методы и инструментарий их ввода в научный оборот, что и составляет базовую проблему археографии музейного предмета как научной дисциплины. Конечно, внимание к вещественным источникам подталкивает историков к поиску, в первую очередь (учитывая специфику вещей), приемлемых интерпретационных инструментов из естественнонаучной сферы знания (см.: Domanska E. Op. cit. P. 341; Massey D. Landscape as a Provocation: Reflections on Moving Mountains // *Journal of Material Culture*. 2006. Vol. 11. № 1–2. P. 33–48). Однако, как признают исследователи, работающие в проблемном поле «новой материальной культуры», нельзя забывать об уже испытанном антропологическом подходе, который, по их мнению, вполне приемлем для и–470). Отметим, что базовые принципы этого подхода вполне когерентны основаниям источниковедческой концепции исторического познания, восхо-

дящей к русской версии неокантианства, в частности к эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского, и получившей на настоящий момент концептуальное оформление в вышеупомянутой работе О.М. Медушевской.

Таким образом, расширение источниковой базы исторической науки за счет вещественных источников — настоятельная потребность современного познания. Вовлечение в исследование источников этого типа актуализирует полидисциплинарный подход, включающий методы не только гуманитарных и социальных, но и естественных, а также точных наук.

Г.В. Малясова (Москва)

**Доклад О.В. Розановой в Коллегию отдела ИЗО Наркомпроса
«О музее Строгановского училища»**

Единая музейная сеть начинает формироваться в России в период первых послереволюционных лет, когда происходит слом ранее существовавшей системы организации музеев. В ее формировании, равно как и в разработке новой системы художественного образования в 1918 г. участвовали многие выдающиеся деятели искусства этого периода. В этом процессе огромная роль принадлежит выдающейся художнице русского авангарда Ольге Владимировне Розановой (1886–1918).

О.В. Розанова — одна из ключевых фигур русского авангарда. Ее роль в художественной жизни начала XX в. широко известна, но ее огромный вклад в формирование художественно-промышленных школ, постановку и разработку вопроса о реорганизации художественного образования в 1917–1918 г. до сих пор недооценен.

После революции О.В. Розанова вела активную деятельность в сфере художественного образования. Она становится членом отдела ИЗО Наркомпроса с первых дней его существования. Уже в мае 1918 г. Розанова возглавила его художественно-промышленный подотдел, созданный во многом благодаря ее усилиям. Основным ее делом становится организа-

ция художественно-промышленных и ремесленных мастерских, преимущественно, во Владимирской губернии, откуда она была родом.

В настоящее время открывается целый пласт новых документов, позволяющих более полно раскрыть эту страницу ее деятельности. В фонде Наркомпроса в ГАРФ сохранился ряд ее сообщений в Коллегию отдела ИЗО о ходе реорганизации художественно-промышленных мастерских, опыте их деятельности и их текущем состоянии. Среди них чрезвычайно важным для нас является доклад О.В. Розановой об осмотре музея Строгановского училища, занимавшего в то время центральное место в системе художественного образования. Этот доклад проливает свет на историю музея на самом раннем этапе его реорганизации в 1918 г. и попытки найти ему достойное место как в системе художественного образования, так и в формирующейся музейной сети.

Публикуем его текст:

«Доклад в Коллегию по вопросу о Музее Строгановского училища.

6 августа 1918 г.

Я хочу в данном случае информировать Коллегию о состоянии Музея Строгановского училища, основываясь на тех данных, которые были слишком очевидны для меня и товарища Родченко при нашем последнем осмотре Строгановского /училища/ музея.

Музей этот очень ценный и цельный в художественном отношении, имеет большое количество художественных предметов и было бы желательно, чтобы все эти художественные предметы были доступны обзору. Формально это так и есть, музей открыт 6 дней в неделю, но фактически хорошо осмотреть все, что там есть, мешают чрезвычайно важные причины. Самые главные из них — это теснота и темнота помещения. Назвать и музей музеем не приходится — это кладовка, склад, все, что угодно, только не музей. Предметы так тесно расположены друг от друга, что не только нельзя увидеть каждую вещь в целом, но некоторые вещи загромождаются массой других, совершенно не доступны для обозрения. Совершенно нет возможности рассмотреть массу

деревянных, резных изделий, нет возможности рассмотреть посуду в шкапах, изразцы и пр. Шкафы старого образца, тоже не отвечают своему назначению, некоторые шкафы с посудой стоят где-то в проходах у стен, загороженные корпусами впереди стоящих шкафов, в этих шкафах посуду рассмотреть совсем нет возможности, когда мы попытались рассмотреть посуду, сторож предложил нам любезно зажечь спичку и осветить. Такой способ в музее рекомендован конечно быть не может, не говоря уже о том, что подобный способ рассматривания вещей в музее характеризует плачевность состояния, в каком находятся вещи и состояние это невозможно допустить в хорошем музее.

Особенно в плохом состоянии находится восточный отдел. Там помещение темнее, и даже сырое для тех вещей, которые там хранятся. Подлинным египетским мумиям грозит сильная порча от влажного воздуха.

Товарищ Янович, заведующий музеем, дал нам некоторые сведения. Он сообщил, что они подавали на утверждение смету уже в течение нескольких лет, еще во время пребывания в училище Глобы, на новое помещение, инвентарь (шкафы и пр.) для музея, но смета не рассматривалась или вообще делу не давали ход.

Художественно-промышленная секция со своей стороны просит Коллегию обратить серьезное внимание на Строгановский музей и устроить его насколько возможно лучше ввиду его художественной ценности. Розанова» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 23. Д. 24. Л. 25).

Этот документ, ранее не публиковавшийся, дает подробное описание той сложной ситуации, в которой музей находился летом 1918 г. Музей, широко известный до революции, к этому моменту оказался фактически заброшен. Формально его заведующим продолжал оставаться С.В. Ноаковский, однако из текста доклада О.В. Розановой следует, что уже в августе 191 г. обязанности заведующего музеем выполнял Д.Т. Янович (Д.Т. Янович был назначен на пост заведующего Музеем Строгановского училища только в октябре 1918 г.; из текста документа можно сделать вывод, что это решение закрепило уже существующее положение вещей). Розанова подробно рассказывает о состоянии музея,

отмечая как его высокую художественную ценность, так и крайнюю стесненность в помещениях, делающую невозможным полноценный осмотр его богатых коллекций.

Кроме того, документ свидетельствует о неравнодушии О.В. Розановой как к судьбе художественно-промышленного музея Строгановского училища, так и к организации музейного дела в стране в целом. Своим докладом ей удастся привлечь внимание Наркомпроса к тяжелому положению музея и добиться дальнейших действий по его реорганизации. Есть все основания предполагать, что, если бы не ранняя смерть Розановой в ноябре 1918 г., развитие художественно-промышленных музеев в советской России могло бы пойти по более благоприятному сценарию.

Однако, действия Наркомпроса по улучшению состояния музея Строгановского училища были фактически прекращены к лету 1919 г. Музей, так официально и не вошедший в структуру мастерских, просуществовал до 1924 года, продолжая выполнять функции учебного музея. В 1924 г. его сменил размещившийся в этих же стенах Музей живописной культуры.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 11-04-00221а.

Т. Мареш (Быдгощ, Польша)

Музейные экспонаты в деле исторического образования

Среди интересов истории как науки — феномен человека творящего, индивидуально и коллективно. Постигая судьбу отдельной личности, мы обнаруживаем связи с историей всего общества, и наоборот — судьба общества объясняет особенности жизни и творчества индивида. Целью исторических исследований является познание, причем не столько фактов, сколько процессов и явлений прошлого (J. Topolski, «Metodologia historii», Warszawa 1973, s. 217). Мы приходим к историческому познанию при посредничестве «остатков» прошлого. Восстановление интересующих нас проявлений человека и его среды происходит при помощи исторического источника, то есть закрепленного и сохра-

ненного следа мыслей и действий. Наше историческое познание (особенно если речь идет об историке-исследователе) опирается главным образом на результаты интеллектуальной деятельности человека. Основным материалом в мастерской историка являются письменные источники. Однако тему этой статьи составят не письменные источники (хроники, анналы, законодательные памятники, договоры и т.п.). Чтобы понять прошлое, недостаточно установить факты. Полную картину происходящего можно получить только если взглянуть на участников событий и через призму обстоятельств, и через призму вещей (предметов, декораций), которые эти события сопровождали (О.М. Медушевская, «Теория и методология когнитивной истории», М.: РГГУ, 2008, с. 29, 65 и другие). Для современного историка историческими источниками являются не только сведения, закрепленные в письменном виде, но и материальные остатки человеческой деятельности. Этими вторыми являются, в частности, «вещественные источники», то есть материальное наследие прошедших эпох. Вещественные источники образуют звено, соединяющие поколения. Этот общедоступный фонд ценностей составляет культуру, материальной составляющей которой мы и займемся в этой статье.

С самых древних времен материальная культура была неразрывно связана с жизнью и бытом человека. Информационная сфера сохранившихся вещей аккумулирует много сведений. Это верно и для предметов искусства, и для предметов быта. Материальную культуру составляют археологические открытия (глиняные кувшины, драгоценности, оружие и т.п.), архитектурные объекты (хаты, дома, костелы, оборонительные стены и т.п.), предметы повседневной жизни (наряды, горшки, рабочие инструменты, военное снаряжение и т.п.). Одни памятники материальной культуры остались в своей естественной среде, другие были перемещены в музеи, выступающие учреждениями «всеобщего исторического просвещения».

В этой статье нас интересует главным образом «историческое просвещение» подрастающего поколения. Посещение музеев не должно ограничиваться посещением выставок и осмотром экспонатов, в них собранных. В Польше уже практически

не осталось музеев, работники которых не понимали бы, что занятия в музеях обладают значительным воспитательным потенциалом. С точки зрения посетителя, сохраняемые в музеях памятники материальной культуры являются познавательным материалом, позволяющим вступить в контакт с прошлым. Очень часто эти экспонаты являются «земляками» посетителей. Историческое познание все чаще происходит путем эмпирического наблюдения, осуществляемого с опорой на источниковую традицию. Непосредственный контакт с объектами материальной культуры позволяет установить диалог между наблюдателем и вещь-продуктом прошлого. У посетителя есть возможность эмпирического исследования наблюдаемого явления. Можно осмотреть, дотронуться, а иногда и использовать предмет, подражая действиям наших предков. Таким образом (через прикосновение, постижение принципов действия устройства) можно понять назначение, смысл и эффективность изделий и инструментов, кажущихся сейчас странными и необыкновенными.

Ничто не заменит непосредственного контакта с архитектурным объектом в его естественной среде. Вместо использования фотографий (например — фотографий объектов в готическом или барочном стиле) лучше дать ученикам возможность непосредственного осмотра архитектурного памятника. Контакт с оригинальными памятниками делает возможным соотнесение имеющегося знания с действительностью. Таким образом мы если не элиминируем полностью, то, во всяком случае, ограничиваем роль вербального обучения. Активное обучение позволяет осязаемо (а не только теоретически) усвоить архитектурные термины (портал, «роза», неф, фасад, крыльцо и т.п.), а также познакомиться с фактурой материала, из которого создавались эти объекты. Взаимодействуя с оригинальным объектом (скажем, руинами тевтонского замка), ученик сам осознает его размеры, пропорции, цветовую гамму и расположение на местности. Осмотр оригинальных памятников материальной культуры формирует эмоциональное отношение к прошлому. Если в процессе обучения истории мы обратимся к объектам, расположенным в непосредственной близости, то у подрастающего поколения укрепит-

ся чувство гордости, разовьется идентичность и местный патриотизм. Известная в Польше фраза о «готике под рукой» имеет самое прямое приложение к городу Торунь, ведь памятники в готическом стиле находятся буквально на каждой улице Старого Города.

Но только ли «на готике Торунь держится»? Ища ответа на этот вопрос, я направилась в местные музеи, в частности — в Окружной музей в городской Ратуше. Музей содействует историческому образованию в школе. Собранные в нем экспонаты («реликты прошлого») позволяют объединить познавательную составляющую обучения со сферой эмоциональных переживаний. Работники музея руководят кружками и секциями. Занятия адресованы всем возрастным группам, по принципу «от дошкольника до пенитенциарца». Занятия в музее тематически связаны с конкретными экспозициями, но зачастую касаются только небольшой группы экспонатов. Богатство собранных предметов обеспечивает разнообразие тематики и формы этих занятий. Их проблематика охватывает историю г. Торунь, историю Польши и всеобщую историю, а также вопросы связанные с искусством и музейным делом. Участники занятий осваивают культурное наследие региона и его историю, а вместе с тем историю польского и мирового искусства (романское, готическое, ренессансное искусство и т.д.). Специфика музейных занятий заключается в том, что знание транслируется с опорой на памятник-экспонат, чего нет на обычных уроках, замкнутых на речи или письменном слове. Собрания музея дают возможность непосредственного контакта с экспонатом. Во времени музейных занятий ученики интерпретируют многослойное содержание картин, скульптур и изделий ремесленных мастерских. Участники занятий получают составленные сотрудниками планы работы, а также конкурсные задания (например, кроссворды).

Дошедшие до нас предметы повседневного обихода — это неоценимые исторические источники. В ходе занятий слушатели не только осматривают утварь и одежду, украшения и оружие эпохи палеолита, неолита, бронзы, железа и раннего средневековья (представлен период с XI тыс. до н.э. по середину XIII в.),

но и получают возможность подержать объекты в руках, получая таким образом наглядное представление об их форме, фактуре и практическом применении. В результате ученики легче постигают условия жизни людей прошлого. Участники занятий знакомятся со внешним видом и способом производства, скажем, мебели. Затем, во время осмотра экспозиции, они отыскивают и узнают объекты, выполненные при помощи рассмотренных техник, — сундуки, дверцы настенных шкафов и сами шкафы, часы, двери. Имея непосредственный доступ к материальному источнику, ученики производят анализ избранных объектов.

Поскольку объектом занятий являются изделия прошлого, эта деятельность привлекает будущих историков. Посетитель музея получает возможность ознакомиться с устройством жилых помещений и их функционированием. Например, в доме-амбаре можно осмотреть жилые помещения, кухню, погреб, склады, флигеля. Музей дает возможность ознакомиться со средневековой торговлей, в том числе — рассмотреть вблизи и даже потрогать оборудование хлебных лавок, ларьков, торговых палаток, суконных рядов, муниципальной весовой, складов. В зале суда демонстрируются судебные скамьи. Работая с планами Ратуши, участники кружков находят основные помещения — большой и королевский залы, тюрьму, архив и оружейный склад.

В декорациях средневекового скриптория ученики знакомятся с организацией книжного дела, получают навыки изготовления красителей, работы с позолотой, переписывания документов и книг. Программа занятия включает знакомство с готическими почерками, возможность самостоятельно пописать гусиным или стальным пером, нарисовать инициал, изготовить печать и прикрепить ее к документу; в качестве писчего материала используется бумага, изготовленная по средневековой технологии. В качестве введения демонстрируются оригинальные материалы и орудия письма, а также мультимедиа-презентация, иллюстрирующая основные этапы изготовления средневековой книги. Эти занятия сопровождаются демонстрацией оригинальных документов, входящих в состав экспозиции.

Во время образовательных занятий в музее ученики могут облачиться в костюмы разных эпох, от Средневековья до XVII в.

Образовательный отдел Музея в Ратуши не забывает и о взрослых людях, а также целых семьях. Для них четыре раза в год (апрель, май, июнь, сентябрь) организуются «Ночи в музее». Каждую субботу проводятся семейные художественные кружки и специальные программы, приспособленные к актуальной экспозиции. В Доме Коперника проходят занятия, названные «Мир торуньского пряника». Кружок ведут средневековые горожанки. Отличительная черта программы состоит в том, что участники знакомятся не только с историей пряников, но и с технологией их изготовления. Мастер Бартоломей и его подмастерья рассказывают секреты выпечки, а посетители собственноручно выпекают пряники в оригинальных исторических формах. Занятия заканчиваются угощением и театральной инсценировкой. Жители Торуня с самых давних времен заботились о безопасности границ города. В ходе и после Второй мировой войны часть оборонительных сооружений (в т.ч. форты) была взорвана или демонтирована, часть перестроена под военные или промышленные склады, однако часть выполняет образовательную функцию. Форт VII является памятником жертв оккупации, а форт IV приспособлен для нужд исторического образования.

Военная история Торуня изучается подрастающим поколением в специально оборудованном зале, где имеются макет форта и снимки оборонительных сооружений. Участники занятий на конкретном материале узнают о том, как изменилась жизнь города после разделов Речи Посполитой, когда он оказался на границе прусской и российской оккупационных зон и превратился из торгового города в пограничную крепость. Ученики пытаются выяснить достоинства и недостатки нового положения города, связанные с его военными функциями, рассматривают взаимосвязь миграционных процессов и этнокультурных изменений.

Однако определяющим элементом посещения является осмотр форта IV в свете факелов. Интерактивные занятия позволяют ознакомиться с тайнами устройства весьма современной по тогдашним меркам прусской крепости XIX в. Для посе-

щения открыто правое крыло форта: экскурсант входит через въездную площадку с караульной и конюшней, проходит по мосту в ворота, посещает казармы, пороховой склад, главный оборонительный каземат с бронированными наблюдательными пунктами артиллерии и пехоты, центральную площадь, внутренний вал с укрытиями для личного состава и артиллерийскими депо, участок оборонительного вала и фланговый капонир со стрелковыми казематами. Двигаясь словно бы против хода времени, экскурсант повторяет путь солдата, захватывающего крепость. Отдельный элемент программы составляют занятия в лабиринтах подземных коридоров.

Не покидая пределов города Торунь, можно прикоснуться и к деревенской жизни. Недалеко от центра находится Этнографический музей им. М. Знамеровской-Прюффер, располагающий этнографическими и этнологическими собраниями. Собранные предметы иллюстрируют народную культуру разных регионов Польши. Кроме того, в музее представлены предметы быта, характеризующие культуру этнических меньшинств страны. Отдельную коллекцию, наконец, составляют объекты, представляющие культуру польской диаспоры.

Этнографический музей также ведет просветительскую работу. Основным адресатом выступает подрастающее поколение. В рамках занятий в Этнографическом парке молодые люди погружаются в сельскую повседневность Куяв и Поморья. Сохранившиеся памятники материальной культуры позволяют продемонстрировать взаимосвязь различных областей экономической и социальной жизни в деревне. Молодежь активно участвует в занятиях, проводимых в экспонируемых деревенских домах и подворьях (куявской, тухольской).

Чувства, возникающие в непосредственном взаимодействии с предметами повседневного деревенского обихода прошлого, создают условия для межпоколенческого и межкультурного диалога. Уже для нескольких поколений традиционный инвентарь сельских полевых работ является столь же экзотичным, сколь и, скажем, охотничье снаряжение индейцев Северной Америки. Однако в музее не только дети, но и их родители, бабушки и де-

душки знакомятся с условиями жизни на селе и получают редкую возможность увидеть и прикоснуться ко множеству предметов утвари, составлявших инвентарь традиционной крестьянской хаты. Как и в предыдущих случаях, познание прошлого происходит при посредстве аутентичных вещей, неизвестных из собственных воспоминаний. Непосредственный контакт с таким предметом становится главным элементом познания.

Занятия в Этнографическом музее проходят на свежем воздухе рядом с кашубской отдельстоящей хлебной печью конца XIX в. Здесь можно, как говорит молодежь, «в реале» (а не на фотографии или по фильму) познакомиться с принципом хлебопечения. Интересно с образовательной точки зрения то, что в музее недалеко друг от друга представлены две мельницы — ветряная и водяная. Такое их расположение позволяет не просто узнать о работе обеих мельниц, но и выявить элементы, отличающее эти два типа друг от друга. Особым развлечением для детей становится еще одна историческая постройка — депо добровольной пожарной команды из Пльывачева (историко-культурный регион Хелминьская земля) начала XIX в. Постройка служила пожарным на протяжении многих лет и была перевезена в музей-заповедник в 1990 г.

Памятники материальной культуры (как сохранившиеся в естественной среде, так и собранный в музее или в этнографическом заповеднике) играют далеко не последнюю роль в просвещении всего общества, и особенно — подрастающего поколения. Благодаря оригинальности (подлинности) они являются историческим источником, а как исторический источник — имеют несомненную познавательную ценность в школьном образовании. Эти объекты несут с собой огромную информацию о прошлом. Они сохраняют аутентичный внешний вид, а иногда и целевое предназначение. Посещение музея должно учить восприятию экспонатов как источников знания о прошлом. Во время занятий в музее посетитель знакомится с изменениями условий жизни на протяжении столетий.

Будучи конкретными и доступными для непосредственного наблюдения объектами, памятники материальной культуры поз-

воляют каждому получить удовольствие исторических открытий. Каждое материальное свидетельство прошлого позволяет взять это прошлое в руки и осязаемо констатировать его существование. Таким образом, памятники материальной культуры способствуют формированию эмоционального отношения к прошлому, в том числе — к прошлому своего региона.

Включение в учебные программы элементов региональной истории, соединенное с наглядностью, способствует пробуждению в молодых людях научно-исследовательского интереса. Обучение должно быть уподоблено процессу научного исследования. Непосредственный контакт с памятником материальной культуры приносит учащимся много наблюдений, на основании которых могут быть сформулированы первые исследовательские гипотезы. Непосредственная работа с материальным источником способствует углублению и корректировке полученных знаний. Контакт с культурным наследием прошлого облегчает понимание исторических закономерностей и связей, существующих между прошлыми и настоящим. Такой взаимодействие способствует развитию исторического мышления. Кроме того музеи и памятники материальной культуры перестанут быть «святыней искусства» и станут живым, неотъемлемым звеном исторического образования.

С.Ф. Махрачев (Тамбов)

Использование Интернета музеями Тамбовской области

Современное общество живет в эпоху информационных технологий. Выход музеев в Интернет — необходимое условие их популярности и посещаемости в XXI в. Каждый музей сегодня стремится создать собственный веб-сайт. В настоящее время число музеев увеличивается, соответственно, усиливается и конкуренция. Следует добавить, что музеям приходится конкурировать, и с бурно развивающимися информационными технологиями, и со средствами массовой информации, и учреждениями досуга. В борьбе за посетителя сайты играют не последнюю роль. Грамот-

но раскрученный сайт способен привлечь в музейные залы большие потоки экскурсантов.

Типовая структура российского музейного сайта включает разделы с информацией о возможностях посещения музея, с описанием истории музея и с презентацией основных коллекций и отдельных известных экспонатов, хранящихся в музее, а также разделы с презентациями экспозиций и выставок. Сайты музеев также содержат разделы образовательных программ, обычно состоящие из текстовых описаний экскурсий по музею, а также разделы с научной информацией.

В настоящее время продолжается освоение виртуального пространства музеями Тамбовской области. В глобальной сети лучше представлены государственные учреждения. В мае 2010 г. в Интернете открылся новый сайт Тамбовского областного краеведческого музея, который является порталом государственных и муниципальных музеев области, где каждый музей может иметь собственную страницу. Здесь представлены сведения по истории музея, его отделы, научная информация. В разделе Научная библиотека Тамбовского областного краеведческого музея указано, что ее фонд составляет более 33 тыс. книг, в том числе имеются редкие экземпляры, например, прижизненные издания искусствоведа А.В. Вышеславцева.

Наиболее представительный раздел на сайте посвящен экспозициям и выставкам в музее и музейно-выставочном комплексе, в том числе уже проведенным. В числе экспозиций представлены «Столетие Тамбовского футбола», «Мир женщины», «Любимцы вдохновенья», «Мир фарфора», «Тамбовская Вандея», «Музейный арсенал», «По следам древней жизни», «Фауна Тамбовской области», «Образы войны». Например, в разделе об экспозиции «Тезаурус» упоминается о музейных каталогах П.А. Дьяконова (1889) и А.И. Самоцветова (1916), фотографиях первых экспозиций музея.

Сотрудники музея регулярно размещают данные о проводимых выставках: «Городская дворянская усадьба», «Послания Сергея Архипова. Из творческого наследия художника», «Тамбовские древности», «Возрождение» и других. Например, в разделе, по-

священном выставке «Послания Сергея Архипова», рассказывается о творческом наследии художника. Наряду с работами Архипова-художника были представлены и его воспоминания, дневники, литературные эссе, которые позволяют услышать живой голос автора, глубже понять его творческие устремления и переживания.

На сайте Тамбовского областного краеведческого музея представлена информация о Музейно-выставочном центре Тамбовской области, открытом 8 мая 2010 г. Дополняет информацию о письменных источниках государственных музеев Тамбовской области сайт «Архивохранилища музеев и библиотек».

Пожалуй, один из самых оригинальных и современных сайтов представлен Музеем-усадьбой С.В. Рахманинова «Ивановка». Здесь имеется история музея, его создатели, меценаты. Фотографии отражают музей и усадьбу, дореволюционную Ивановку, ее окрестности. Оригинальным является раздел с произведениями Рахманинова. Например, можно послушать и скачать симфонические произведения и сонаты. Здесь же приведена их история и дан музыковедческий анализ. Информацию о музее гармонично дополняет сайт о С.В. Рахманинове, на котором имеются публикации, воспоминания, статьи, письма композитора.

Два сайта представлены Моршанским историко-художественным музеем. Первый ориентирован на информацию о фондах. Второй посвящен научно-просветительной работе: выставкам, мероприятиям, экскурсиям, деятельности клуба «Олимп». Информативен сайт Дома-музея Г.В. Чичерина. Здесь есть сведения по истории музея, биография Г.В. Чичерина, сведения о родовом имении Караул, описание отдельных залов, сведения о научно-просветительной работе – о музыкальных вечерах и экскурсиях. Полнотой и доступностью отличается сайт Дома-музея А.М. Герасимова. Здесь есть информация об истории музея, жизненном пути известного художника, показаны его картины, дано описание экспозиций. На сайте Тамбовской областной картинной галереи представлены разделы «Русское искусство», «Советское искусство», «Западноевропейское искусство». В них показаны картины с кратким описанием. В

их числе Д.Г. Левицкий «Портрет А.С. Строганова», Ф.С. Рокотов «Портрет А.А. Остерман, в замужестве Толстой» и другие. Информативный сайт Музея истории медицины Тамбовской области. Здесь представлены экспозиционные залы, коллекции, научная информация.

Муниципальные музеи в меньшей степени оснащены сайтами. Собственное представительство в Интернете имеет Литературно-музыкальный музей г. Мичуринска. Историко-краеведческий музей Бондарского района представлен на сайте администрации района. Фонды Мичуринского и Кирсановского краеведческих музеев — на Интернет-ресурсе «Архивохранилища музеев и библиотек».

Из ведомственных музеев свое представительство в Интернете имеет Музей А.Н. Лодыгина завода «Комсомолец». Здесь представлена экскурсия, род Лодыгиных и биография А.Н. Лодыгина. Из других ведомственных музеев можно получить информацию в Интернете о Музее истории тамбовской почты, Музее греха, Музее наркотиков, но это либо с сайта профильного ведомства, либо с других Интернет-ресурсов.

В Тамбовской области есть частный музей С.Н. Денисова. Своего сайта он не имеет. Но в Интернете о нем можно найти информации на других ресурсах. Например, на сайте Тамбовской областной универсальной библиотеке им. А.С. Пушкина размещена презентация «Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова».

Один из самых креативных сайтов принадлежит Музею волка, хотя сам музей ликвидирован. Помимо информации о музее и о волке, здесь есть раздел «художественный салон», в нем содержится каталог художников, у которых есть авторские работы о волке. В разделе «литературные страницы» представлены произведения писателей и поэтов, посвященные зверю. Особенно подчеркнуто, что в музее не предполагается иметь ни одного предмета из шкуры или кости волка.

Отдельно следует сказать про школьные музеи. Они создают Интернет-портал на сайте своих образовательных учреждений. По данным мониторинга деятельности школьных музеев (залов,

комнат, уголков) в образовательных учреждениях Тамбовской области в 2010 г. подобную работу провели 35% музеев и музейных образований школьной сети из двухсот опрошенных учреждений. Образцовым является сайт Тамбовского областного музея народного образования. Здесь представлена история музея и подробно раскрыта экспозиция, которая в хронологическом порядке показывает развитие образования в Тамбовской губернии и Тамбовской области.

В последнее время музеи принимают участие в популярной, особенно в школьной и студенческой среде, сети «ВКонтакте». На сегодня 121 личная страница и 16628 сообществ (групп) имеет в своем названии слово музей. Сочетание слов музей и Тамбов не зафиксировано.

В целом в глобальной сети можно составить впечатление о музеях Тамбовской области. Но впереди еще большие перспективы, особенно в плане пропаганды музейных коллекций.

В.В. Микитина (Москва)

Немецкое стекло XVII–XIX вв. из собрания Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»: к вопросу атрибуции эмалевых и гравированных надписей

В научно-исследовательской работе музеев важное место занимает экспозиционно-выставочная деятельность. Расширить тематику экспозиций и выставок позволяет разнообразная трактовка музейных предметов (и самих по себе, и как части музейной коллекции), которая основана на атрибуционных сведениях. Эти сведения в интересной, порой неожиданной форме раскрывают перед нами назначение, сюжет произведения, связи с мировоззрением людей, живших в ту эпоху, когда был создан предмет, и многое другое. Такая атрибуция обусловлена необходимостью достраивания полного образа предмета и важностью показа его ценности в разных плоскостях.

Примером подобных атрибуционных изысканий служат исследования произведений немецкого стекла XVII–XIX вв., содер-

жащих различные надписи, из коллекции Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века».

Чтение и перевод надписей — зачастую процесс сложный, и это обусловлено несколькими проблемами. Во-первых, мы имеем дело со старой орфографией. Все-таки немецкий язык за столетия претерпел изменения, многие слова сейчас пишутся совсем по-другому, нежели в XVII–XVIII вв., кроме того на большинстве изделий надпись сделана готическим шрифтом. Во-вторых, техника гравировки надписи давала возможность для появления ошибок в написании, т.к. чаще всего гравер пользовался способом зеркального отражения надписи. В¹-третьих, стараясь придать надписи декоративный вид, мастер использовал в написании букв завитки, виньетки и другие элементы украшения, что иногда приводит к заблуждениям в распознавании буквы, слова, предложения. И, наконец, в-четвертых, на некоторых стеклянных произведениях с эмалевой росписью стерты буквы и даже целые слова, что не позволяет понять полный смысл надписи, содержащейся на таком предмете.

Надпись, выполненная эмалью или способом гравировки, имеет такую же ценность для декоративного оформления стекла, как и изображенная на нем фигурная сцена. И очень часто соответствующее надписи изображение на бокалах и кубках помогает понять смысл самого изречения.

Мастера-стекольщики ориентировались на пожелания заказчиков, а также использовали традиционные старинные выказывания. Необходимо отметить и то, что использование надписей в декорировании стекла явилось поводом для создания оригинальных, присущих только для этого материала высказываний, которые могут составить самостоятельный раздел.

В отдельных случаях на стекле можно встретить изречение, сочиненное заказчиком или взятое им из литературного источника. Наряду с книгами пользовались альбомами со стихами, которые были популярны в XVI и особенно в XVII вв. среди студентов и молодых дворян, совершавших путешествия с образовательной целью.

Содержание надписей охватывает все сферы жизни. Чаще всего это признания в дружбе и уважении, мысли о верности, признания в любви. Стекло с росписью эмалевыми красками, предназначенное для простых людей, украшалось высказываниями о еде, питье, соображениями о повседневной жизни. В отличие от этих простых предметов, бокалы с дорогой гравировкой имеют надписи общего содержания, а иногда указания на место исторического события.

Надписи менялись на протяжении столетий так же, как и мировоззрение, и мироощущение людей. По содержанию и форме надписи, по ее орфографии иногда даже можно определить время и место изготовления предмета.

Изучая надписи на стекле, можно заглянуть и в историю развития языка. На стекле раннего периода еще используется латинский язык, т.к. он являлся языком ученых и школы, и почти все служащие свободно им владели.

Условно, надписи, встречающиеся на произведениях из стекла, можно разделить на такие разделы, как «дружба», «любовь», «политика», «профессии» и другие. В связи с этим произведения из собрания ГМК и «Усадьба Кусково XVIII века» рассмотрены непосредственно по данным категориям.

Большой интерес для изучения культуры и истории имеют произведения с посвящениями людям определенных профессий, примеры: студент, проигравшийся в карты; пастор; охотники; горняки, профессия которых полна опасностей и которые уповают на Бога; крестьяне, торговцы, каменщики, трубочисты, кораблестроители.

В изречениях на историческую тему нет политики, здесь скорее интерес к общественным событиям, любовь к родине. На дорогих изделиях встречаются изречения, прославляющие великие военные события, заключение мира и другие события мировой истории. В большинстве случаев на таких изделиях больше внимания уделяется росписи, изображению.

В надписях на стекле (как простом, так и дорогом) встречаются общие высказывания о жизни (хорошей и плохой), о надеждах, а также девизы и изречения на разные случаи жизни. Они

представляют особый интерес как в отношении формы, так и в отношении способа их выражения.

Тематика и особенности рассмотренных предметов позволяют провести параллели с произведениями других школ стеклоделия: русской, богемской, французской, а также с произведениями из фарфора и фаянса. Это дает возможность выявить общие черты и найти то особенное, что было присуще для разных школ и материалов. Актуализация именно этой стороны произведений вполне может выразиться в создании тематической выставки как способа публикации и средства введения в научный оборот комплекса музейных предметов.

В.В. Митрофанов (Нижневартовск)

Роль С.Ф. Платонова в создании нормативной базы провинциальных музеев

Личность, творчество и организаторская деятельность С.Ф. Платонова находятся в центре внимания современных историков. Однако роль ученого в музейном строительстве, его многолетние связи с музейными работниками России — пока еще не попало в поле внимания исследователей.

Использованные нами материалы личного фонда ученого позволяют в достаточной степени определить вклад историка в создание нормативной базы музеев, что неразрывно связано с его широкой научно- краеведческой деятельностью.

Начало сотрудничества С.Ф. Платонова с музеями относится еще ко времени его работы над магистерской диссертацией. Молодой ученый побывал во многих монастырских древлехранилищах, в том числе в музейных собраниях, где разбирал рукописи, извлекал другие исторические источники.

Главным направлением деятельности ученого в музейном строительстве следует считать его работу по редактированию уставов ряда музеев, выступления в Ученом комитете (далее-УК) Министерства народного просвещения (С.Ф. Платонов состоял его членом с 19 декабря 1890 г.), подготовку докладных записок,

отчетов для решения вопросов, связанных с организацией музеев.

Одним из первых серьезных начинаний, предпринятых С.Ф. Платоновым в деле организации музейного дела, следует считать обстоятельную докладную записку, направленную им 19 октября 1892 г. в УК «Об учреждении в Угличе музея отечественных древностей». В документе было отмечено, что не представляется даже «малейших препятствий к учреждению в г. Угличе археологического музея...». Поддержана и цель создаваемого культурного и исторического учреждения: «оживить» в крае «археологические занятия».

27 сентября 1899 г. С.Ф. Платонов докладывал в УК о проекте устава Нижегородского художественного и исторического музея (текст в приложении). В выступлении отмечалось, что инициатива создания этого музея принадлежала бывшему губернатору Н.М. Баранову. Он в 1888 г. на собрании архивной комиссии предложил принять в ее собственность купленный на частные средства дом («Петровский»), в котором останавливался в 1695 г. царь Петр, и устроить в нем исторический музей, при этом губернатор внес 2000 руб. собственных средств на его обустройство. В выступлении С.Ф. Платонов остановился на разборе содержания проекта устава музея. Он был оценен как «вполне удовлетворительный и строго обдуманый». При этом было высказано предложение внести корректировки в § 15 (речь шла об увольнении должностных лиц музея) и отмечено, что для утверждения устава УК «не может встретиться препятствий».

17 сентября 1901 г. активный член УК выступил в прениях по докладу В.М. Шимкевича об утверждении устава Красноуфимского уездного музея. С.Ф. Платонов не согласился с докладчиком по ряду принципиальных вопросов. По мнению видного историка, «широта и разнообразие задач (они заключались в следующем: "обирать и хранить предметы, имеющие отношение, между прочим, к археологии, палеонтологии, этнографии, энтомологии, нумизматике и разным отраслям естествознания") является не недостатком, а скорее преимуществом провинциального учреждения, так как дает ему возможность сохранить для потомков

такие нередко весьма ценные памятники старины, которые при более узких рамках деятельности учреждений и при отсутствии в провинции специальных учреждений могли бы, безусловно, погибнуть. Доказательством этого мнения может служить Тверской музей, который благодаря своей широкой и разнообразной деятельности приобрел в короткое время весьма важное значение». Исходя из изложенного, С.Ф. Платонов высказался против «сужения круга деятельности Красноуфимского музея» (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Д. 94. Л. 594–595), отмеченного в § 1 проекта устава.

Самым масштабным предприятием С.Ф. Платонова в развитии музейного дела до 1917 г. было его участие в судьбе Тверского музея, открытого еще в 1866 г. по инициативе кн. П.Р. Багратиона и стараниями видного тверского краеведа А.К. Жизневского.

29 сентября 1897 г. член УК МНП С.Ф. Платонов высказал свое мнение «по делу о принятии Тверского музея в ведение МНП и об утверждении устава сего музея». Он заметил: «Музей этот — один из лучших провинциальных музеев и заслуживает поощрения» (Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-исторические общества, архивные комиссии России. Челябинск, 2011. С. 306–310).

Вопрос о музее стал предметом, по которому С.Ф. Платонов вступил в деловые отношения с чиновниками различного уровня: директором департамента МНП Н.М. Аничковым (он контролировал вопрос о передаче музея — В.М.), вице-директором МНП Н.М. Дебольским и др.

29 декабря 1897 г. по поручению УК С.Ф. Платонов выехал в Тверь для знакомства на месте с ситуацией, сложившейся вокруг известного музея. По итогам командировки С.Ф. Платонов написал служебную записку Н.М. Дебольскому и составил многостраничный обстоятельный отчет (Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-исторические общества... С. 310–320), содержание которого показывает огромный интерес С.Ф. Платонова к крупнейшему губернскому музею, характеризует ученого как организатора музейного дела.

Среди тверских музейных работников и краеведов, с кем С.Ф. Платонов вел регулярную переписку по делам музея были

И.А. Иванов - председатель архивной комиссии, В.И. Колосов — музейный работник. Согласованная позиция нашла отражение в упомянутом отчете, где были «указаны все существенные черты проекта управления Тверским музеем». Ряд принципиальных поправок в §§ 11, 15, 16, 21 проекта устава с целью согласования проекта устава музея с требованиями МНП, предложил сам С.Ф. Платонов. У него серьезную озабоченность вызывал вопрос «чрезвычайно сложной подчиненности совета музея». Совет и сам музей по проекту устава состоял в ведении МНП, в заведовании архивной комиссии под руководством ИМАО и под попечением губернатора. Выявленные разночтения в положениях проекта устранялись и редактировались в ходе обсуждения в заседании УК. В заключение С.Ф. Платонов выступил за назначение музею государственной субсидии. А 25 сентября 1899 г. его информировали из Твери, дело, к которому «сопричастны Вы», «вступил в новую стадию» — министр финансов согласился на 1000-рублевое финансирование, учитывая только «исключительно местное значение» музея. Тверская ГУАК же настаивала на признании за музеем статуса «общерусского» и, заручившись поддержкой, С.Ф. Платонова и МНП, направила новое ходатайство об увеличении финансирования. На что был вскоре получен ответ от министра финансов, статс-секретаря С.Ю. Витте: «Относясь с полным сочувствием к деятельности названного учреждения я тем не менее не нахожу возможным изъявить согласие на назначение этому музею пособия из казны в размере, превышающую 1000 руб., на которое мною уже изъявлено согласие» (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 53. Л. 83). Тверские подвижники музейного дела снова обращаются к С.Ф. Платонову: «Не окажите ли Вы и на этот раз своего содействия? Поддержите, насколько можно, наше ходатайство и дайте нам средства надежды...» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3174. Л. 1–5). Как свидетельствует отчет архивной комиссии, субсидия музею была выделена с 1901 г. 1000 руб., а с 1910 г. еще 1000 руб. ежегодно из государственного казначейства (Отчет о деятельности ТУАК с 1903 по 1912 год включительно: Составлен правителем дел И.А. Виноградовым. Тверь, 1915. С. 52).

Следовательно, приведенные сведения ярко иллюстрируют важную роль С.Ф. Платонова в создании нормативной базы для провинциальных музеев. При этом заметим, что музееведческая деятельность выдающегося ученого велась и через другие формы.

Приложение: Мнение члена УК МНП С.Ф. Платонова о проекте устава Нижегородского художественного и исторического музея

Начало Нижегородскому историческому, так называемому «Петровскому» музею было положено заботами бывшего Нижегородского губернатора Н.М. Баранова. В собрании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии 22 октября 1888 года он предложил принять в собственность комиссии приобретенный на частные средства дом на Пачайне (в котором останавливался в 1695 году Петр Великий) и устроить в этом доме исторический музей. Предложение г. Баранова было принято комиссией и могло осуществиться лишь благодаря трудам и материальным пожертвованиям того же генерала Баранова, внесшего на устройство музея более 2000 руб. из собственных средств. Скоро, однако, Петровский дом оказался тесным для собранных архивной комиссией коллекций, и тогда возникла мысль о переводе музея в Дмитровскую башню Нижегородского кремля, в которой предположено было основать городской общественный художественный музей. В 1896 году перевод музея в башню уже состоялся. Вместе с тем возник ряд вопросов об отношении коллекции Петровского музея с художественными коллекциями вновь организованного городского музея. Первая принадлежала архивной комиссии, вторая — городскому управлению. Явилась потребность определить порядок управления имуществом, принадлежащим разным владельцам, но составляющим одно целостное общественное учреждение. Об Проект устава музея представленный на утверждение высшей власти является плодом соглашения между архивной комиссией и общественным управлением Нижнего Новгорода по вопросу об устройстве и управлении музеем. По этому проекту цели музея определяется так:

«§ 1 цели музея — а) распространять художественное и историко-археологическое образование и наглядно знакомить с произведениями искусства и предметами древности и б) служить хранилищем коллекций принадлежащих учреждениям и частным лицам отдаваемых в музей на благо просвещения» В составе музея различаются два отдела: художественный и исторический «Петровский» (§§ 2–4). Управление музеем вверяется особому комитету в составе коего входят 4 члена: а) избираемые городской думой и архивной комиссией, б) Нижегородский городской голова и пред Нижегородской архивной комиссией и в) в неограниченном числе лица, обладающие специальными художественными и историко-археологическими познаниями по избранию городской Думой (§§ 11–13). Сверх того нижегородский губернатор состоит непременно попечителем музея (§ 9). Н.М. Баранов состоит «пожизненным почетным попечителем музея» (§ 10). Комитет ведет все вообще дела по управлению музеем, представляя свои отчеты, как городской Думе, так и архивной комиссии (§§ 15–17). Музей обеспечивается ежегодным ассигнованием городского общества, которое отводит музею и даровое помещение. А затем случайными пожертвователями и различными сборами в пользу музея от входной платы с посетителей, от продажи каталогов, от чтений, спектаклей, концертов и т. п. устраиваемых в пользу музея (§ 18).

В общем проект устава музея представляется вполне удовлетворительным и строго обдуманым. Он не вызывает и редакционных замечаний кроме разве пункта в § 15 (здесь следовало бы прибавить слова «и увольнение их»). Краткость проекта объясняется тем, что он заключает в себе лишь основные положения об управлении музеем и предусматривает возможность дополнений в виду частых инструкций составляемых с надлежащего утверждения в руководство Комитету (§ 11) и хранителю музея (§ 16). Я полагал бы что для утверждения проекта устава со стороны Ученого комитета не может встретиться препятствий (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Д. 91. Л. 339).

Виды и формы публикаций музейных коллекций

Постоянный рост популярности музеев в обществе отражает глубинные социально-экономические изменения, повышение культурного и общеобразовательного уровня народа, повышение интереса к истории, историческим памятникам. Вместе с тем это стремление широких масс к потреблению информации путем непосредственного контакта с источниками. Однако эти объективные процессы не освобождают от необходимости приложения специальных усилий по популяризации музеев. Отметим, что популяризации музея способствуют его научные публикации. Выпущенные в свет научно-исследовательские, методические или научно-популярные труды музея привлекают к нему внимание общественности. В частности, каталоги вводят в научный оборот скрытые от глаз фонды музея; определители дают ключ к пониманию музейных предметов и специалисту и любителю. Здесь же пойдет речь о разных видах специальной, целенаправленной информации о музее, привлекающей к нему внимание, призывающей прийти в музей и помогающей понять и усвоить содержание его экспозиций и выставок, принять участие в культурной программе музея. Значение разных форм информации о музее возрастает вместе с ростом его посещаемости с повышением роли музеев в идейном воспитании народа (Вопросы массовой научно-просветительской работы. М., 1972. С. 72).

Широкие возможности для научной популяризации и рекламы музеев, как и других научных и просветительных учреждений, открывают средства массовой коммуникации (телевидение, радио, пресса), которые в своих программах освещают работу музея, показывают его экспозиции, хранящиеся в нем предметы и коллекции, рассказывают о них, дают рекламно-справочные материалы.

В путеводителе в соответствии с рекомендуемым маршрутом по залам музея раскрывается научная концепция экспозиции и выраженное через экспозиционные материалы ее историческое содержание; в нем сообщаются также сведения о задачах му-

зая, его истории, коллекциях (Научно-просветительская работа музеев. М., 1975. С. 38). Для путеводителя характера универсальность, т.е. доступность самым широким слоям посетителей. Этому способствует методическое и техническое оформление текста: четкое членение, соответствующее экспозиционным залам и комплексам, схемы маршрутов по залам, иллюстрации (общие виды залов, наиболее значительных комплексов? отдельных экспонатов), применение разных шрифтов. Путеводители не только «управляют» посещением музея, процессом ознакомления с экспозицией, но и помогают встрече с музеем как с неординарным событием. Вместе с тем путеводитель — средство, содействующее усвоению увиденного и услышанного и сохранению его в памяти. Поэтому путеводители нужны и при наличии хороших технических индивидуальных средств — механических экскурсоводов.

Музей дает сведения о своей работе в различные справочные издания, в том числе и краеведческого характера, в экскурсионно-туристские центры. Популяризации музея способствуют публикация и устные выступления, посвященные разным отраслям его деятельности. В помощь посетителю музей готовит издания информационного характера, среди которых основное место занимают путеводители по его экспозициям и выставкам (Основы экскурсионного дела в музеях. М., 1977. С. 21).

Возможно издание путеводителей-каталогов, в которых дается характеристика всех экспонатов в порядке их расположения или по типам материалов. Такие путеводители рекомендуются в первую очередь для музейных выставок, на которых демонстрируется подчас исчерпывающий и впервые публикуемый материал на актуальную тему.

Ориентация посетителей в музее служат также помещенные у входа планы расположения залов с указанием маршрута. Особо важное значение подобные информационные щиты имеют для музеев под открытым небом, музеев-заповедников (Пищулин Ю.П. Посетитель и музейная информация // Актуальные проблемы музейного строительства. Музей и посетитель. М., 1979. Вып. 4. С. 319).

Музей широко использует разные формы рекламы — как широковещательной, обращенной ко всему населению (например, рекламный щит у вокзала, у входа в музей), так и прямой, предназначенной для определенной категории посетителей музея (например, обращенной к школьникам, к рабочим данного предприятия). Реклама может сообщать о действующих и предстоящих мероприятиях музея.

Традиционной формой рекламы музея является его афиша. Это красочный или графический плакат, сочетающий изображение с текстом, дающий образ музея в целом, посвященный его достопримечательностям, экспозиции или выставке. Действенности афиши способствует ее художественное решение (размер, цветовая гамма, композиция, сочетание шрифтов и др.).

На память о музее издаются буклеты — иллюстрированные, складные брошюры, в которых в самой краткой форме даются сведения о музее, рекламируются наиболее интересные залы и экспонаты. Буклеты, посвященные коллекциям музея, пользуются большим спросом у посетителей. Этой же цели служат изготовляемые по эскизам музея значки и сувениры реалистического или символического содержания (Пронин В.А. Реклама краеведческого музея // Актуальные проблемы музейного строительства. С. 95–109).

Музей не отказывается и от других форм и видом широковещательной рекламы — изображения музея и его экспонатов на конвертах, открытках, почтовых марках, сведений о нем в календарях.

Построенная на научной основе, систематическая, разнообразная и постоянно творчески обновляемая информация о музее и рекламирование его деятельности — важная отрасль работы музея, в которой принимают участие все его отделы.

**Поклонный крест 1725 года —
памятник петровской эпохи в Петрозаводске**

В нескольких метрах от входа в ограду Крестовоздвиженского собора г. Петрозаводска стоит большой деревянный Поклонный восьмиконечный крест. В 1868 г. петрозаводский краевед К.М. Петров сделал его первое описание: «При входе на петрозаводское кладбище, что по Вытегорской дороге, под досчатым, устроенным на столбах узорчатым навесом стоит восьмиконечный крест высотой около полутора сажен. Кроме обычных написаний на кресте сверху изображен Нерукотворенный образ Спасителя, а внизу под ним вырезана молитва «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Далее: «1725 год, генваря 29 дня построил сей честный крест Господень по вере своей Петровских заводов житель Иулианъ Иоановъ Сараевъ на поклонение всемъ православнымъ христианомъ» (Петров К.М. Старинные кресты // Олонецкие губернские ведомости. 1868. № 32, от 10 августа).

Первоначально крест был установлен у часовни на Зареке. Считается, что крест был воздвигнут в память о пребывании на заводах императора Петра Великого и о его смерти одним из жителей слободы при Петровских заводах. Указанная на кресте дата только на один день отличается от 28 января (по старому стилю) 1725 года — даты смерти Петра I.

В 1770–е гг. вокруг креста и часовни возникло городское кладбище. При епископе Архангельском и Олонецком Вениамине (Румовском-Краснопевкове) (управлял епархией в 1787–1792 гг.) вместо часовни была построена Троицкая церковь. В 1800 г. она стала приходской церковью для мастеровых Александровского завода и туда был назначен причт. Еще через полвека началось строительство каменной церкви и в декабре 1852 г. на Зарецком кладбище была освящена каменная крестовоздвиженская церковь (Галкин А.К. У Троицы на Зареке // Петрозаводск. 1995. 24 марта).

По имеющимся сведениям, первоначальный крест разрушился от времени, а взамен его в середине XIX в. был поставлен новый.

В январе 1925 г. обновленческое духовенство отметило 200-летие поклонного креста 1725 г., отслужив литию в память о «пролетарии Юлиане Сараеве».

В марте 1969 г. художник и член возникшего в 1965 г. Общества охраны памятников истории и культуры В.М. Агапов написал письмо секретарю Карельского областного комитета КПСС М.Х. Киуру и секретарю Петрозаводского горкома КПСС Рыбаковой. Письмо было посвящено кресту 1725 года:

«За оградой Зарецкого кладбища с левой стороны от входа под обшитым с трех сторон тесовым навесом стоит большой деревянный крест. Вся его поверхность покрыта резной подписью церковно-славянским шрифтом, из которой явствует, что он сделан на военном петровском заводе и сооружен в день смерти Петра I — 29 января 1725 года. С наружной стороны до недавнего времени его закрывала плотная железная решетка.

В настоящее время чьи-то зловредные руки взломали и выбросили раму с решеткой. Над памятником петровского времени нависла угроза разрушения и даже полного уничтожения. Уже появились следы от выковыранных букв надписи.

По наведенным мною справкам, он почему-то даже не взят на учет Обществом охраны памятников истории и культуры.

Прошу вашего содействия сохранению исторического памятника петровской эпохи.

С моей стороны считал бы необходимым найти для него более надежное место хранения, как, например, бывшую церковь петровского времени при музее «Марциальные воды» (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3667. Оп. 1. Д. 8/104. Л. 1).

Такое же письмо В.М. Агапов направил и заместителю председателя Совета министров Карельской АССР В.П. Смирнову (Там же. Л. 2).

Реакция местных властей на обращение художника В.М. Агапова неизвестна. Но крест вплоть до наших дней продолжает стоять на старом месте — около Крестовоздвиженского собора.

В настоящее время этот крест можно считать единственным в Петрозаводске памятником первой четверти XVIII в. (Петровские памятники России / ред.-сост. А.В. Кобак и Н.Л. Корсакова, науч. ред. Е.В. Анисимов. СПб., 2010. Ч. 1. С. 271–272).

Итак, поклонный крест 1725 г. можно считать стихийным выражением скорби простых жителей Петровской слободы, возможно, мастеровых Петровских заводов, по поводу кончины Петра I, что, в традициях Русского севера, проявилось в сооружении поклонного креста. Косвенным подтверждением этому может служить крайне безразличное отношение местных властей Петрозаводска к кресту. Местное чиновничество также фиксировало особое отношение Петрозаводска и его жителей к Петру I. Но это проявлялось в других, более официальных формах: в 1823 г. в городском парке был установлен бронзовый бюст царя Петра, а в 1873 г. на главной площади города был открыт памятник Петру I работы скульптора И.Н. Шредера.

В краеведческой историографии имеется только одна статья, посвященная кресту 1725 года (опубликована в 1868 г. в местной газете «Олонецкие губернские ведомости»). Возможно, что другой причиной отсутствия интереса к этому кресту было широкое бытование поклонных крестов в обыденном, народном православии как памятников различным событиям и объектов религиозного поклонения.

После 1917 г. начались гонения на религию. Показательно, что в условиях гонений местные обновленцы пытались совместить крест 1725 года как православный символ и как творческий акт «пролетария Юлиана Сараева».

В первые 50 лет советской власти крест 1725 года уцелел чудом, хотя он не считался даже историческим памятником. Но в 1960-е годы произошел серьезный сдвиг в общественном сознании и памятники прошлого стали рассматривать как историко-культурное наследие, нуждающееся в охране. Показательно, что художник В.М. Агапов обратился со своим письмом, полным обеспокоенности судьбой креста 1725 года к высшим руководителям Карелии.

Таким образом, история поклонного креста 1725 года является показательным примером того, как причудливо менялось значение того или иного памятника старины в обыденном сознании и официальной идеологии.

И.В. Поздеева (Москва)

**Археографическое описание
экземпляра старопечатного издания
как исторического источника**

Книга – основа православной цивилизации, она наиболее полно отражает духовные и социально-бытовые стороны жизни русского средневекового общества. Но книга, письменные коммуникации – мощный катализатор развития и важнейшее средство национальной идентификации. Именно книга в традиционной культуре стимулирует, объясняет, помогает понять место и роль иных типов исторических памятников.

Появление в России печатного стана, изобретение которого В. Гюго приравнивал по значению в развитии человеческой цивилизации к изобретению колеса, уже на рубеже первой и второй трети XVII в. привело к тому, что книга стала общесоциальным явлением, проникла в самые отдаленные пределы государства, а к середине XVII в. обслуживала основные потребности Российского государства и церкви, духовную жизнь прихода, общины, семьи.

Старопечатная книга, как бог Янус, имеет два лица, которые и определяют ее информационное, а часто и уникальное историческое значение. Каждый сохранившийся экземпляр издания в своих основных характеристиках идентичен остальным, но каждый экземпляр и уникален, т.к. несет на себе следы своей неповторимой судьбы, определяемой судьбами его владельцев, читателей, исторической действительностью, в которой они жили.

Выявить богатейшую историческую информацию экземпляра печатного издания, несколько столетий выполнявшего свои основные функции, можно только при его тщательном изуче-

нии и описании, в которое должна входить и характеристика издания, без чего невозможно определить индивидуальные характеристики экземпляра. В настоящее время доступны описания 90–95% сохранившихся славяно-русских изданий, и сложность представляет только идентификация книги.

Описание экземпляра выполняется в сопоставлении с характеристиками издания и ставит задачу максимального выявления индивидуальных особенностей и исторической информации, сохраненной данной книгой.

Основным принципом, обеспечивающим точность и полноту описания экземпляра, является тщательное постраничное изучение книги как единого, сложного и многозначного памятника и всей выявленной информации как определенной системы. Изложение полученной информации требует точного соблюдения порядка, использования принятых терминов и выработанных формул, соблюдения постоянной структуры и необходимой глубины передачи информации каждого раздела описания.

Разработанная Археографической лабораторией истфака МГУ, многократно апробированная и систематически модифицируемая методика описания экземпляра состоит из пяти обязательных разделов и одного — по желанию автора. (1) *Идентификационные* сведения об экземпляре и индивидуальные размеры его блока — то есть название хранилища, шифр (при необходимости инвентарный номер); размеры блока в мм. (2) *Сохранность* экземпляра относительно состава издания (т.е. указание всех утрат и добавлений) и подробная характеристика физической сохранности (для музейного хранилища — с указанием листов, для публикации — суммарно). (3) Описание *переплета* включает его датировку, характеристику материалов, наличие украшений, датирующие сведения (датировка бумаги припереплетных листов, использованные для них тексты и др.). В описании переплета указываются характер, материалы и датировка переплета и его украшений. Эта информация излагается в определенной последовательности и с применением принятых терминов. (4) Наиболее важен раздел, который посвящен *записям* на книге. При этом все собственно записи, то есть

добавленные тексты, содержащие историческую информацию об экземпляре и его судьбе, передаются в орфографии подлинника с указанием даты, места расположения и почерка записей. Суммарно описываются так называемые «пометы» и «пробы пера». Особое значение имеет изучение и фиксация приписок, сделанных в связи с чтением текста книги, — маргиналий. Это оценка прочитанного, добавления, уточнения, эмоциональные характеристики, перевод непонятных слов и т.д. Маргиналии дают совершенно не известный, уникальный и обильный материал по психологии чтения, менталитету и целому ряду других неизученных, а часто и не поставленных в науке вопросов по истории культуры средневекового русского общества. (5) Пятый обязательный раздел описания — *источники поступления* — включает отсылку к документам, зафиксировавшим поступление книги в хранение, легенду о ее прежних владельцах и функциях. Важным принципом описания экземпляра является изложение информации, содержащейся на страницах экземпляра, — выводы, добавления, комментарии автора-составителя выносятся в последний раздел описания, который называется (6) *Примечания*. Здесь же сообщается установленная по справочникам информация об упомянутых в записях лицах, место нахождения церквей, населенных пунктов и тому подобное. При необходимости вводится раздел (7) *Приложения*, в котором публикуются прочитанные на припереплетных листах или в иных местах книги тексты, представляющие, по мнению автора, исторический интерес.

Трудно переоценить значение полученных при описании книг сведений (прежде всего — краеведческого характера) для музейной работы, построения экспозиции, написания истории края и его отдельных населенных пунктов. Например, на 843 экземплярах 230 кириллических изданий второй половины XVII в., выявленных в десяти хранилищах шести городов Ярославской области, прочитано и опубликовано более двух тысяч записей, 400 из которых датируются второй половиной XVII в. В именном указателе учтены около 1800 имен владельцев, вкладчиков, продавцов, читателей — преимущественно жителей региона; в

географическом указателе — более 200 церквей и монастырей, сотни населенных пунктов региона, где эти книги бытовали. В записях мы находим датированные и локализованные сведения об исторических событиях, пожарах, неурожаях, посещениях властей, личные сведения, эмоции и многое-многое иное, характеризующее отношение человека к книге и окружающей действительности, которая и определяла, как правило, судьбу самого экземпляра.

Е.А. Поправко (Санкт-Петербург)

Работы по каталогизации собраний в музеях Приморского края в 1990–2000-е гг.

Каталогизация музейных собраний относится к традиционным формам их актуализации. Состояние данного направления музейной деятельности также всегда служило индикатором состояния научно-исследовательской работы. Особенностью 1990-х гг. стало массовое внедрение в данное направление работы информационных технологий. Первая половина 1990-х гг. характеризовалась стихийной электронной каталогизацией в тех музеях, которые располагали компьютерной техникой и программным обеспечением для проведения этой работы.

Кризис в отечественном музейном деле начала 1990-х гг. отразился на всех направлениях музейной работы. В Приморском крае работу по каталогизации собраний во второй половине 1980-х — 2000-е гг. вели только Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева, Приморская государственная картинная галерея, Музей Института биологии моря, Зоологический музей Дальневосточного государственного университета.

При дороговизне полиграфических услуг ведение электронных каталогов в этот период представлялась альтернативой их изданию на бумажном носителе. Кроме того, становилось понятным, что материалы электронных каталогов можно будет использовать не только в научно-исследовательской и учетно-хранительской работе, но и в других видах деятельности. Препят-

ствием было то, что и персональные компьютеры с необходимым программным обеспечением в первой половине 1990-х гг. были дороги и малодоступны для музеев.

В официальной отчетности (форма 8-нк) графы о наличии в музее рабочих мест, оборудованных компьютерами, о наличии подключения к Internet, о ведении электронного каталога появились в 1999 г., что связано с введением в действие Положения о государственном Музейном фонде РФ.

В Приморском крае из восьми государственных и муниципальных музеев о наличии компьютеров в 1999 г. смогли отчитаться только Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (далее — ПГОМ): 13 компьютеров в головном музее, есть электронная почта и подключение к Internet; Краевая детская картинная галерея (КДКГ): 2 компьютера, есть электронная почта и подключение к Internet; Приморская государственная картинная галерея (ПГКГ): 1 компьютер, без подключения к Internet. О начале ведения электронного каталога отчитался только ПГОМ — в головном музее в него было внесено 462 предмета.

К 2000 г. ситуация мало изменилась. Увеличился парк персональных компьютеров только в ПГОМ (19 в головном музее), КДКГ (3 компьютера) и ПГКГ (2 компьютера, нет Internet). Появился 1 компьютер в Музейно-выставочном центре «Находка». Электронный каталог вел только музей им. В.К. Арсеньева, в него за год было внесено 20 предметов (всего 482 предмета или 0,14% основного фонда).

Ускорение процессов информатизации в приморских музеях приходится на начало XXI в. В 2001 г. в ПГОМ в электронный каталог было внесено 782 предмета (все — по головному музею); в 2002 г. — 1332. В 2003 г. в графе о числе предметов, внесенных в электронный каталог, в отчете ПГОМ неожиданно ставится прочерк. В этом году кроме КДКГ (внесено в электронный каталог 2500 предметов из 10602) ни один музей не отчитался о ведении электронного каталога. В 2004 г. ПГОМ им. В.К. Арсеньева указал, что в электронный каталог внесено 1613 предметов, в 2005 — 8460. Но опять же, его вел только головной музей во Владивостоке.

С 2006 г. о ведении электронного каталога стали отчитываться филиалы ПГОМ. В целом по объединению в электронный каталог было внесено в 2006 г. — 127695 предметов, в том числе 127095 — в головном музее и 600 — в Литературно-мемориальном музее им. А.А. Фадеева в с. Чугуевка; в 2007 г. — 168631, в том числе 167791 — в головном музее и 840 — в музее им. А.А. Фадеева. В 2008 г. в электронном каталоге объединения было 198266 предметов (44 % основного фонда), в том числе 197066 — в головном музее и 1200 (6,6%) — в Литературно-мемориальном музее им. А.А. Фадеева.

С 2004 г. отчитывалась о ведении электронного каталога и Приморская государственная картинная галерея (153 предмета); в 2005 г. в него было внесено 3815 предметов, в 2006–2007 гг. — 5000, в 2008 г. в ПГКГ в электронный каталог внесено 5541 предмет — 92,1% основного фонда. На сегодняшний день галерея — лидер данного вида работ: согласно официальной отчетности, работы по каталогизации собрания в ней завершены.

В 2006 г., после того как разгорелся скандал с хищением экспонатов из Эрмитажа, вопросы учета и хранения стали актуальны на всероссийском уровне. Министерство культуры и массовых коммуникаций объявило о намерении провести генеральную сверку фондов государственных, муниципальных и ведомственных музеев. Но без решения проблемы оснащения музеев компьютерной техникой, необходимым для такой работы программным обеспечением решить столь масштабную задачу вряд ли удастся.

Многие музеи, даже имея компьютеры, не могут позволить приобретение этих систем по причине их дороговизны. Для новых муниципальных музеев даже приобретение компьютера — проблема, которую предстоит решить. Как следствие: отсутствие электронной почты, доступа в Internet и работ по ведению электронного каталога. В то же время даже у музеев, имеющих компьютеры, уже встает проблема устаревания их парка и программного обеспечения. Например, ученый секретарь ПГОМ им. В.К. Арсеньева С.П. Москвитина на Гродековских чтениях в 2006 г. сообщила, что 6 компьютеров, приобретенных в

1996 г. уже не соответствуют требованиям, т.к. на них установлено старое программное обеспечение, а также из-за малых объемов памяти, не позволяющей установить на старые компьютеры новые программы.

Отставание отечественных музеев по такому показателю как внедрение достижений НТР особенно ярко проявляется в регионах. Само по себе включение в официальные отчеты граф о наличии персональных компьютеров, Internet и т.п. говорит об обеспеченности органов управления культурой создавшейся ситуацией, в то же время отсутствие федеральных (подобная программа принята, например, для оснащения средних школ, успешно реализуется программа по информатизации архивного дела Росархивом) и региональных программ, нацеленных на исправление имеющейся ситуации, свидетельствует о недостаточном внимании и понимании проблем музейного дела.

В то же время, отсутствие технических возможностей мешает как нормализации основных направлений музейной работы (особенно учетно-хранительской), так и оптимизации работы в целом: например, поиск предмета для предоставления его экспозиционеру или исследователю занимает время, которое могло бы быть использовано сотрудником с большей пользой для музея.

До сих пор в Приморском крае сохраняется диспропорция между государственными музеями, расположенными во Владивостоке, где внедряются новейшие системы электронного учета (КАМИС-1 и КАМИС-2), с одной стороны, и государственными, муниципальными музеями в крае, а также общественными и ведомственными музеями, как в краевом центре, так и за его пределами, для которых системы электронного учета остаются только мечтой. На сегодняшний день системы электронного учета фондов типа КАМИС установлены только в ПГОМ им. В.К. Арсеньева и в Приморской государственной картинной галерее, ни один муниципальный музей, согласно данным официальной отчетности, не ведет электронный каталог.

**Опыт Цесисского музея по комплектованию,
изучению и популяризации источников по истории
государственного флага Латвии**

Цесисский музей был основан в 1925 г. Создатели музея большое внимание уделили всестороннему отражению истории края. Как особую тему в музейной работе этого периода можно выделить историю государственного флага. Созданию экспозиции государственного флага определило то, что г. Цесис (раньше г. Венден) является родиной латышского красно-бело-красного флага. В «Ливонской летописи» есть сведения, что так выглядел флаг латышей, которые под руководством орденского брата в 1279 г. шли на Ригу. Упомянутый флаг в XX в. стал прототипом государственного флага Латвии. Начиная с конца 80-х гг. XX в. музей снова мог заняться этой темой.

В исследованиях по vexillологии особенно ценны источники, которые содержат сведения о тонах цветов, о пропорциях цветов и их расположению в флагах, о ткани флагов. Поэтому музейные специалисты комплектовали и изучали вещественные и иконографические материалы. Эту работу осложняет тот факт, что во время советской власти материалы по истории Латвийской государственной символики (1918 — 1940 гг.) были изъяты из музеев и уничтожены как идеологически вредные. Но музейные работники и индивидуальные владельцы, идя на риск попасть в конфликт с законом, спрятали и сохранили много, в том числе уникальных, материалов, которые ныне служат важным источником по истории флага Латвии. В 1997 г. музей получил первый известный вышитый национальный флаг Латвии, который создан в 1916 г. в г. Вольмар (ныне Валмиере). Автор эскиза этого флага — педагог и литератор Янис Лапиныш. Этот флаг служил образцом для дальнейшей популяризации национальных флагов.

Позже музей нашел следы еще одного исторического красно-бело-красного флага. Это флаг земледельческой школы г. Митава (ныне Елгава), который изготовлен в апреле 1917 г. в г. Режица

(ныне Резекне), когда там проходил так называемый «съезд Латгалии» на котором решался вопрос о объединении Латвии. Елгавская школа во время Первой мировой войны была эвакуирована в г. Резекне. Упомянутые флаги обладают богатейшими «биографиями», но коллекция музея пополнялась и другими историческими флагами.

Иконографический материал — вторая важнейшая группа источников, которые дают визуальное представление о флагах. Этот материал сохранялся в виде оригинального рисунка, в типографически или фотографически тиражированном виде. Источники этой группы также были во множестве изъяты из фондов музеев и библиотек, ибо предполагались к уничтожению. Сохранный материал свидетельствует об участии художников и литераторов в работе по созданию флага.

В процессе исследования были обнаружены многие пропавшие или до сих пор неизвестные вещественные и иконографические источники. На базе этих материалов возникла возможность не только во многом восстанавливать коллекцию (отдел) флага Латвии, но существенно ее дополнить уникальными, ранее неизвестными экспонатами. Результаты исследования автора этого доклада были опубликованы в монографии «Красно-бело-красные — цвета флага Латвии. Исследования, воспоминания и документы истории создания государственного флага Латвии», которую в 2000 г. издал Цесисский Исторический и художественный музей. В книге рассматривается история становления флаг с 70-х гг. XIX в. по 1923 г. Хронологические границы исследования определяются тем, что в конце XIX в. национальные цвета начинают использовать латышские студенты, а в 1923 г. на базе государственного флага законом создана система флагов для должностных лиц, учреждений и флота. Богато иллюстрированная монография на 303 листах вышла на латышском языке, но в издании помещен обширный перевод текста и всех аннотаций иллюстраций на английский язык.

На базе коллекции материалов по истории флага создано несколько крупных выставок в музее и в других местах в Латвии и за границей. Сейчас завершается работа по созданию постоян-

ной музейной экспозиции «Цесис — символ истории Латвии», где важное место отведено истории государственной символики.

Теперь в Цесисском музее крупнейшая коллекция по истории государственного флага Латвии. Комплектование и изучение источников по истории Латвийского флага продолжается. Также продолжается работа по усовершенствованию популяризации материалов истории флага музейными методами.

Л.Г. Рева (Киев, Украина)

Из опыта работы семьи Рева над библиографией

Т.Г. Шевченко

Мой отец Рева Григорий Семенович (19.01.1920, с. Подварки Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. — 02.04.1987, г. Киев) — педагог-методист, литературовед, поэт, ветеран Второй Мировой войны, участник обороны Ленинграда, отличник народного образования. С января 1940 г. находился в рядах Советской Армии, был красноармейцем; с июня 1943 по октябрь 1945 гг. — секретарь политотдела 90 стрелковой дивизии; с июня 1941 по июнь 1943 гг. — командир отделения 69 батальона связи 90 стрелковой дивизии Ленинградского фронта, уволен старшим лейтенантом запаса. С ноября 1945 по июнь 1950 гг. — студент Киевского государственного университета им. Тараса Шевченко (филологический факультет). Автор более 20 литературоведческих, педагогических и методических работ. Награжден орденом орденом Красной Звезды и медалями — «За оборону Ленинграда» (1942), «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 250-летия Ленинграда» (1957), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «50 лет Вооруженных сил СССР» (1967), «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975), «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985), а также знаком «Участник операции “Нева”» (Рева Л.Г. Рева Григорій Семе-

нович — педагог-літературознавець: До 90-ліття від дня народження // Український календар-щорічник. К., 2010. С. 215–218).

Моя мати Рева Ніна Максимівна (в дівочестві — Геращенко, род. 08.05.1929, с. Черемушное, Змієвського р-на Харківської обл.) — бібліограф, літературознавець, педагог, кандидат філологічних наук (1971), професор (1996), громадський діяч, заслужений працівник культури України (2004). С 1947 — студентка бібліографічного факультету Харківського бібліотечного інституту, в 1951–1965 гг. — старший бібліограф Державної Республіканської бібліотеки УРСР ім. КПСС (тепер — Національна Парламентська бібліотека України). Моя бабушка по маминій лінії, Меланія Павлівна Геращенко, закінчила Змієвську гімназію в Харківській області.

Робота в Державній Республіканській бібліотеці УРСР ім. КПСС на посаді старшого бібліографа по роботі з художньою літературою, Н.М. Рева безпосередньо була пов'язана з читачами і Книгою. Пізніше бібліотека почала публікувати в допомогу бібліотекарям «Календар знаменних і пам'ятних дат», де щорічно в першому кварталі розміщувалась біографічна справка про Т. Шевченка, список видань його творів і літератури про нього.

Традиції батьків продовжую і я, дочка Рева Лариса Григорівна (род. 07.08.1958, г. Київ) — бібліограф, джерелознавець, літературознавець, педагог; закінчила Національний університет ім. Тараса Шевченка (1982); працювала завідувачкою бібліотекою і вчителем української мови і літератури середньої школи № 129 г. Києва, з 1993 г. — науковий співробітник Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського Національної академії наук України.

В середній школі ми обожували слово Шевченка не тільки на уроках української мови і літератури, але і в повсякденній позурочній діяльності.

Практична робота Г.С. Рєви, Н.М. Рєви, Л.Г. Рєви стала основою монографій і статей, в яких обов'язково присутнє творчість Тараса Шевченка.

Более сорока лет прошло со времени выхода в свет книги Н.М. Ревы «Учитель-словесник і шкільна бібліотека» (К.: Радянська школа, 1969. 104 с.), но вопросы, поднятые в ней, и сейчас не потеряли своей актуальности. Тридцать лет назад издано пособие Н.М. Ревы «Бібліографія художньої літератури і літературознавства» (К.: Вища школа, 1979. 232 с.), в котором наряду с теоретическими постулатами повествуется о роли и значении литературной библиографии в жизни общества. Отдельной рубрикой выделена «Библиографическая Шевченкиана».

Д.С. Лихачев отмечал, что без надлежаще разработанного литературоведческого источниковедения «невозможно в том числе и сохранение нашего культурного наследия, введения его в ряды современной культуры» (Лихачев Д.С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин // Вестник АН СССР. 1976. № 4. С. 64–65). Именно такие задачи ставили перед собой Н.М. и Г.С. Ревы, составляя указатель «Українська література: Теорія, історія і методика викладання» (К.: Вища школа, 1987. 254 с.)

Труд Н.М. Ревы «Рекомендаційна бібліографія художньої літератури і літературознавства» (К., 1992) является одной из первых попыток теоретического обобщения научной основы, общественного назначения рекомендательной литературной библиографии. Пособие содержит рубрику «Персональные обзоры: К 175-летию со дня рождения Тараса Шевченко», где представлены рекомендации автора по проведению такой работы.

Л.Г. Рева, работая в Институте биографических исследований — одном из подразделений Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, сосредоточивает свое внимание на исследовании различных вопросов украинской литературной биографии. Л.Г. Ревой были подготовлены исследования, посвященные Тарасу Шевченко. В статье «Тарас Шевченко і Святе Письмо» (Ученые записки / М-во образования и науки Автономной Республики Крым, Крым. респ. ин-т последиплом. пед. образования. 2005. № 2. С. 14–16) показано, что благодаря христианской философии он не сломался в неволе, создав вершинные произведения - триптих «Судьба, муза, слава» и поэму «Марія».

Л.Г. Ревой подготовлена к публикации статья Д. Чижевского «Шевченко і Штравс» (Чижевський Д. Т. Шевченко і Д. Штравс : із промови на Шевченковому святі Укр. пед ін-ту в Празі 1925 р. / вступ, прим. та підгот. тексту Л. Реві // Слово і час. 1999. № 3. С. 17–21; № 4/5. С. 39), хранящаяся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (Ф. X № 14827. Л. 1–19).

Творчество Тараса Шевченко занимало существенное место в истории нашей семьи. Отец родился на Киевщине в многодетной семье. Его мать Мария Макаровна при свете каганца читала Шевченко, пересказывала различные факты пребывания поэта Переяславщине. Бабушка со стороны матери не только артистически трогательно читала произведения Шевченко, но и много рассказывала легенд и мифов о Кобзаре. Первым произведением Шевченко, которое прочитала мой мать, была поэма «Катерина». В семейной библиотеке есть различные издания произведений Т. Шевченко и литература о нем, справочные издания и библиографические пособия. Однако, среди этих книг почетное место занимает «Кобзарь».

А.В. Романчук (Санкт-Петербург)

**Художественные памятники как источник оружиеведения:
к вопросу анализа коллекций итальянской живописи
и западноевропейского оружия XV–XVI вв.**

История искусства представляет собой разные подходы к одному и тому же предмету науки — обществу человеку. Произведение искусства входит в сложную конфигурацию, составленную из творческой практики, дискурсивно-семиотического строя, социальных и бытовых конвенций, перцептивной психологии; практически все эти компоненты подвержены историческим переменам. «История художественных форм зримо отражает тот процесс, посредством которого визуальные аспекты ритуала, или тех практик воображаемого, которые еще функционируют в религиозных церемониях, секуляризуются и реорганизуют-

ся как самодостаточные в станковой живописи...» (Jameson F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca; NY., 1981. P. 63).

История средневекового рыцарства — сюжет, имеющий в гуманитарных науках давние традиции изучения. Вместе с тем в последние десятилетия он переживал определенный ренессанс. Исследования А. Борста, Р. Барбера, Д. Барни, Ж. Дюби, Л. Женико, Р. Килгура, П. Ван-Люйна, Ж. Флори, Ф. Кардини и др. вскрыли новые пласты этой проблематики, выявили оригинальные подходы к интерпретации источников.

Свидетельства письменных источников, археологический и иконографический материал дают возможность более солидной и всесторонней аргументации атрибуции предметов оружия в отечественных и зарубежных хранилищах. В настоящее время в музеях мира сосредоточено огромное количество предметов оружия, занимающих особое место. В одних случаях оружие является историческим памятником, в других — предметом ювелирного искусства, мемориальным памятником или предметом ритуала. Перед историкам-оружиеведами и искусствоведами стоит сложная задача систематизации этих уникальных вещей.

В последние годы наблюдается интерес к истории оружейведения, что показывает зрелость этой научной дисциплины. Однако проблемы методов атрибуции, как холодного, так и огнестрельного оружия в монографической литературе, журналах и публикациях освещены все еще недостаточно. Опыт историко-культурного изучения оружейных памятников показал, что самыми продуктивными являются типологический и историко-сравнительный методы. (Кулинский А.Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков: метод. рекомендации. СПб., 2007. С. 4).

Типологический метод основан на исследовании формы, декора, материала, из которого оружие изготовлено, его функции, времени и места применения. Историко-сравнительный метод помогает выявить черты типологического свойства, общие и близкие стандарты в конструкции и художественном оформлении.

В этом контексте огромное поле для исследователей западноевропейского оружия эпохи Возрождения дают изобразительные источники коллекций итальянской живописи XV–XVI вв. Картины этого времени подтверждают, например, вывод, сделанный в XIX в. историком оружия П. фон Винклером, что пехота была с давних пор преобладающим войском в Италии и таковым осталась навсегда (Винклер П. фон. Оружие. М., 1992. С. 80). Действительно, в XV–XVI вв. все чаще встречаются образы святых-пехотинцев или светские портреты итальянских пехотинцев, подобные шедевр 1510 г. венецианского мастера Витторе Карпаччо. Изображенный художником рыцарь, по мнению некоторых специалистов, Франческо Мария делла Ровере, принадлежит к неаполитанскому ордену Горностая, основанному Фердинандом I. С 1523 г. он был главнокомандующим венецианскими военными силами. Молодой рыцарь изображен в неполном немецком доспехе середины XV в. Доспех декорирован позолоченными заклепками и рельефными изображениями, темно-синий отлив свидетельствует об использовании техники воронения. В руках воин держит двуручный меч — катцбальгер немецких ландскнехтов приблизительно начала XVI в. Меч превосходного исполнения с золоченой рукоятью, кожаными ножнами, металлической спиралью. Таким мечом мог обладать только очень знатный человек. Ситуация с немецким происхождением доспеха и клинка объясняется, во-первых, связями в это время с Германией, от которой Италия заимствовала некоторые оружейные новшества. Во-вторых, связями самого рыцаря с немцами в 1504–1516 гг. Вполне возможно, что данный меч был подарен ему папой Юлием II, что отражено в письменных источниках.

В XV–XVI вв. в Италии оставались два крупнейших центра по производству оружия: Милан с множеством мастерских, которые в какой-то мере подражали другим странам Западной Европы, и Венеция, активно сотрудничавшая с Турцией и странами Ближнего Востока. Парадное вооружение играло важнейшую роль в жизни множества государств, нередко становясь чуть ли не самыми главными атрибутами церемониала. Вооружение приобретает всё более декоративный характер, теряя свою боевую

функцию. В XV–XVI вв. наблюдается кардинальная трансформация «христовой воина» в придворного рыцаря с соответствующей эстетикой облачения и этикой поведения. Рассмотренный пример интерпретации типологического памятника изобразительного искусства рыцарского вооружения демонстрирует новизну исследования музейной коллекции оружия и перспективность использования методики, включающей несколько вспомогательных исторических дисциплин и типов источников.

З.М. Рубинина (Москва)

Перспективы работы с неаттрактивной музейной коллекцией (на примере коллекции фотографий филиала ГИМ «Музей В.И. Ленина»)

В последнее десятилетие история фотографии стала в нашей стране популярной темой, как в научной среде, так и в обществе. В связи с этим растет количество различного рода публикаций фотографий. Следовательно, увеличивается интерес к коллекциям фотографий, аккумулированным в архивах, музеях и библиотеках РФ. Вообще, специфика фотографии как вида памятников культуры в том, что это «ничья земля». Коллекции фотографий не являются традиционной вотчиной ни для архивов, ни для музеев, ни для библиотек. Более того, в каждом случае у фотографии есть «конкурент», к видовым особенностям которого по факту приспособлена вся отрасль. Для архивов — это письменные документы, для музеев — изобразительное и декоративно-прикладное искусство, а для библиотек — печатные материалы. В тех случаях, когда фотографию объединяют с кино- и фонодокументами, пальма первенства, как правило, достается кино. Данная ситуация во многом объясняет и поздний всплеск интереса к фотографии, и отсутствие единых нормативов хранения и описания, и разнообразие как специальной литературы, так и тематики фотографических выставок.

Но при всем отмеченном разнообразии можно выделить наиболее характерные направления фотографических выставок:

техники фотопечати XIX — начала XX в., шедевры отечественной фотографии, фотография как хранитель и, одновременно, часть повседневности, фотографии известных людей, виды городов и стран, репортажная фотография. Данная тематика по большей части характерна для каталогов фотографий из архивных и музейных собраний страны. При всей обширности обозначенной тематики фактически речь идет, как правило, о публикации снимков, которые с позиций настоящего времени можно назвать художественными. Но в архивных и музейных собраниях страны хранятся не только художественные снимки. Роль фотографии в жизни и деятельности людей гораздо обширней. Каковы перспективы работы с музейными собраниями фотографий, которые не аккумулируют большое количество художественных снимков и снимков, не успевших пока обрести флер времени?

В качестве примера рассмотрим коллекцию фотографий филиала ГИМ — «Музей В.И. Ленина» (далее — ФМЛ). Она небольшая — всего 20 226 предметов основного фонда хранения. Почти целиком состоит из позитивов и альбомов фотографий. Аккумулирует по большей части официальную фотографию послевоенного периода, снимки из семейных архивов и фотофиксацию различных мероприятий, выставок и музейных экспозиций. Ее информационные возможности и перспективы научного исследования бесспорны, но ее презентация достаточно проблематична. В ее составе очень мало шедевров, представлены в основном типичные фототехники и пр. Таким образом, проторенные пути выставок (за исключением презентации предметов коллекции на тематических выставках) и печатных публикаций в форме каталогов для популяризации данной коллекции не подходят. В составе коллекции есть комплексы (фотографии траурных митингов и демонстраций в различных городах СССР в день похорон В.И. Ленина, некоторые серии репортажных фотографий), которые вполне аттрактивны, но не они определяют основное направление работы с данным собранием.

Прежде всего, необходим анализ и выявление сильных сторон подобного собрания. Приведем два примера. Так, в коллекции ФМЛ отложилось значительное количество альбомов фо-

тографий, подаренных Н.С. Хрущеву, Л.И. Брежневу и съездам КПСС послевоенного периода. Речь идет о достаточно репрезентативном собрании представительских подарков определенного времени. Но альбом фотографий весьма сложный памятник для презентации. Более всего ему подходят мультимедийные публикации.

Коллекция фотографий ФМЛ — это коллекция бывшего Центрального музея В.И. Ленина. Сам ее состав и ее история по учетной документации ЦМЛ — штрихи к портрету идеологической работы в послевоенном СССР. В составе коллекции также отложились снимки (выкопировки и репродукции ленинских групповых портретов, групповые портреты с замазанными чернилами лицами), которые не представляют ценности с точки зрения уникальности изображения (негативы большинства ленинских снимков хранятся в РГАСПИ), но позволяют иначе взглянуть на проблему т.н. «фальсифицированных фотографий». Так, в некоторых случаях недостатки коллекции (обилие копийного материала) могут стать ее сильной стороной.

В целом, наиболее перспективное направление по популяризации данной коллекции, на мой взгляд, тематические Интернет-проекты, которые позволяют представить в выгодном свете даже снимки музейных экспозиций. Другой вопрос, что в каждом случае речь должна идти именно о выгодной подаче материала: такие снимки не будут говорить сами за себя. Тем более при большом количестве фотографий из собраний архивов, выложенных на соответствующих сайтах. Разумеется, есть желательные направления деятельности и есть существующие реалии работы учреждения, в котором аккумулирована коллекция (в данном случае — ГИМ). В ближайшее время такие проекты реализованы не будут. Поэтому речь идет пока о стадии выработки концепций и отбора материала. Вероятно, тематические электронные проекты — это далеко не единственная возможность популяризации подобных коллекций. В частности, следует упомянуть работу с организованными (прежде всего, студенческими) группами. Но для нашей коллекции это не подходит: фондовые отделы ГИМ в большинстве случаев закрыты для студентов и ис-

следователей. Другой путь — публикации региональных музеев по истории региона — для нас также невозможен. Но в задачи данного сообщения входило не предложить все возможные способы популяризации подобных коллекций фотографий, но лишь поставить проблему необходимости поиска таких путей.

В.Я. Рушанин (Челябинск)

Выставка личной коллекции: опыт представления в библиотечном пространстве

Инновационные процессы в библиотеках развиваются на стыке многих сфер деятельности. Путем освоения музейных технологий в библиотеках происходит становление выставки личной коллекции. В отличие от традиционной выставочной работы библиотеки она имеет цель демонстрации уникальных объектов из частных собраний.

Научная библиотека Челябинской государственной академии культуры и искусств с 2003 г. организует экспозиции с использованием материалов из личных коллекций деятелей культуры и искусства города и области, преподавателей, студентов академии, других библиотек. Появление такого проекта стало возможным благодаря работе структурного подразделения библиотеки — Музея книги, которым за 8 лет было организовано более 20 выставок. Их создание подчинено логике деятельности вуза, они оказывают большую помощь в освоении специальных дисциплин библиотечного, книговедческого, документоведческого, музейного, культурологического и др. профилей. При выборе объекта экспозиции решающей является уникальность, ценность, полнота, актуальность коллекции для посетителей.

Книжные и документальные коллекции. Уникальным видом изданий являются миниатюрные книги. В 2003 г. сотрудниками Музея книги была подготовлена выставка миниатюрных изданий коллекции Л.Н. Шадымовой, впоследствии переданной в дар Музею.

Тематические выставки, как правило, объединяют издания различных фондодержателей города. Так, на экспозиции «Православие в книжной культуре» (2006) были представлены отечественные рукописные и печатные книги середины XVII - начала XX вв. из фондов ЧОУНБ, НБ ЧГАКИ и личных коллекций. В 2010 г. знаменательным событием культурной жизни города стала выставка «Наш Л.Н. Толстой — Челябинские книжные россыпи» — совместный проект вузовских библиотек и коллекционеров города. Она экспонировалась на трех площадках. Академии выпала честь организовать торжественное закрытие выставки, на котором выступали библиофилы В.Я. Рушанин и В.А. Кислюк.

Событием 2010 г. была выставка «Равняйся на победу: документы и книги Великой Отечественной войны». Основой экспозиции послужили издания времен войны, а также архив семьи Поповых. За короткий срок ее посетили более 350 человек, она получила 1-е место на областном межвузовском конкурсе. Среди экспонатов выставки были оригинальные агитационные листовки из личной коллекции выпускника академии М.В. Тимеева. В 2011 г. на выставке «В плену идей и иллюзий: агитационная пропаганда в годы Великой Отечественной войны» его коллекция была представлена более полно.

Широко распространенным увлечением является коллекционирование открыток. Мир открыток представляет собой отпечаток прошлого, момент повседневной жизни, застывший в истории. В 2004 г. на выставке «То, что в сердце бережно храним» экспонировались коллекции открыток популярных артистов времен Великой Отечественной войны из частного собрания челябинки В. Клюевой и коллекция профессора ЧГАКИ И.Г. Моргенштерна «Библиотека в открытках, конвертах, марках, значках». В 2006 г. оформлены выставки «Городские зарисовки: Челябинск на проездных билетах и открытках», «Светящаяся живопись: открытки на шелке (из личной коллекции директора библиотеки ЧГАКИ Т.В. Зайцевой)».

Неоднократно Музей книги организовывал выставки открыток из личной коллекции ректора академии, профессора, доктора исторических наук В.Я. Рушанина. Так, в 2008 г. была пред-

ставлена коллекция «Золотой век открытки: конец XIX — начало XX вв.», в 2011 г. выставка «Старый альбом: история в сафьяновом переплете».

Уникальным событием весны 2011 г. для вуза стала презентация тематической коллекции гравюр XVI–XIX вв. Это целостное собрание 78 гравированных портретов знаменитых ученых, выполненных признанными мастерами в разных техниках. Э. Роттердамский, П. Неттесгеймский, И. Ньютон, Ф. Бэкон — именно гравюра давала возможность представить широкой публике изображения ученых, которые для современников и последующих поколений становились одновременно фиксацией исторического образа и виртуозным запечатлением художественного произведения выдающихся мастеров.

Предметные коллекции. В витринах выставок порой появлялись неожиданные культурные артефакты. В 2006 г. была организована выставка «Путешествие по театральной программке», в 2008 г. «Перламутр: мозаика природы». В 2009 г. представлена экспозиция «Композиторы в нумизматике (из личной коллекции профессора академии И.И. Щедрина)», в 2010–2011 гг. — выставка «Наш советский Новый год»; осенью 2011 г. состоялась выставка рукотворной куклы «Городские истории».

Выставки вызвали большой интерес в вузовской среде и за ее пределами. С ними знакомились и сторонние посетители, узнавшие об их проведении из СМИ.

Любая коллекция интересна не только своими экспонатами, но и историей каждого из них. Сами коллекционеры — уникальные творческие личности, готовые щедро делиться своим знанием. Для каждого из них коллекция — не только собранная, изученная и систематизированная совокупность материалов, а часть личной жизни, вложенных ресурсов и сил. Именно поэтому важным дополнением к выставочной работе является организация презентаций и творческих встреч. Они не только помогают раскрыть содержание экспозиции, историю ее объектов, но и наполняют смыслом и «жизнью» каждый предмет и коллекцию в целом, раскрывают в неформальной обстановке уникальные интересы и многогранность личностей. Для самих коллекционеров

выставки становятся возможностью продемонстрировать результат многолетних усилий по сбору уникального материала, а также получить социальную оценку своего труда. Социальный эффект от организации выставок не ограничивается узкой личной значимостью события для небольшого числа заинтересованных лиц. Материалы выставки «То, что в сердце бережно храним...» были переданы на хранение в ОГАЧО. Результатом организации выставки «Старинный учебник: XVIII–XX вв.» стала подготовка и публикация каталога. Выставки личных коллекций всегда уникальны и поэтому зачастую имеют резонанс в культурной жизни города и региона, позволяют библиотеке интегрироваться в современный социокультурный процесс, делая ее «видимой» для широкого круга общественности.

Н.В. СерEDA (Тверь)

Актуализация музейных собраний с точки зрения преподавателя высшей школы

Тема актуализации, по всей вероятности, имеет несколько аспектов. Для музейных работников это, прежде всего, обоснование необходимости (возможности / целесообразности) подготовки той или иной выставки. Для меня, как преподавателя вуза, в проблеме актуализации музейных собраний более важным является другое — то, как происходит представление постоянных экспозиций в таких знаменитых музеях, как Третьяковская галерея.

При изучении курса «Отечественная история» на неисторических специальностях на чтение лекций и тем более на проведение семинаров, посвященных истории развития искусства, совершенно нет времени. А между тем эта проблематика должна быть освоена студентами. В качестве инструмента решения этой образовательной задачи сотрудники межфакультетской кафедры истории Тверского государственного университета примерно десять лет назад ввели требование, чтобы студенты посещали Государственную Третьяковскую галерею и Тверскую областную картинную галерею. Конечно, посетить Третьяковку могут далеко не

все студенты, но, к счастью, Тверь располагается в непосредственной близости от Москвы. В начале семестра, если это осенний семестр, или ближе к весне, если курс истории Отечества изучается во втором семестре, студентам дают рекомендации, как надо осматривать музей, на что следует обратить внимание. Как правило, студенты ездят в картинную галерею на электричке малыми группами по 3–5 человек. В этих случаях они осматривают галерею самостоятельно. Крайне редко студенты просили организовать для них через турагентство поездку на автобусе или делали это сами. В этих случаях их сопровождал экскурсовод.

Преподавателям кафедры кажется, что главное — научить студентов отличать академическую школу живописи от передвижников, импрессионистов, художников соцреализма, знать примерную хронологию и фамилии одного-двух представителей каждого из основных направлений живописи в нашей, иметь представление о времени зарождения новых жанров, сюжетов.

Не сразу, но все же нам удалось отрегулировать и процесс подготовки студентов к поездке, и практику проверки знаний, полученных в результате посещения картинных галерей. Перед поездкой студентам читают лекцию в течение одного академического часа об основных направлениях и этапах в развитии живописи, самостоятельно они должны прочитать соответствующие разделы учебников и непосредственно перед началом сезона экскурсий проводится небольшой тест, который определяет уровень знания к моменту поездки. Тест включает несколько типов вопросов. Например: к какому периоду относятся годы жизни и творчества О. Кипренского; кем была написана картина «Утро в сосновом бору»; художники какого направления живописи наиболее часто использовали сюжеты древнегреческих мифов?

В лекции перед поездкой преподаватели советуют обратить внимание на художников и картины, которые знаменуют собой некие вехи в развитии живописи. Это осуществляется с помощью вопросов, которые даются студентам. Например: когда в русской живописи появляются элементы пейзажа? Наиболее распространенным является вопрос: какие признаки свидетельствуют о при-

надлежности той или иной картины к тому или иному направлению?

После того, как основная масса учащихся посетит галерею, снова проводится тест, а затем – во время семинара – беседа по поводу впечатлений студентов от посещения музеев. В ходе ее студенты могут пользоваться буклетами, альбомами и другой литературой. Обсуждения проходят очень оживленно и подчас открывают студентов с неожиданной стороны. Отличник проявляется как весьма серенькая личность, в то время как «лентяй» демонстрирует незаурядные знания и высказывает оригинальные суждения.

Результаты тестов и бесед со студентами выявили ряд проблемных моментов в актуализации собрания Третьяковской галереи именно с точки зрения задач, которые мы, преподаватели высшей школы, должны решать в ходе обучения. После самостоятельных посещений в головах студентов царит эмоциональный хаос, который лишь частично удастся упорядочить в ходе последующих обсуждений. Каждый из них находит в выставочном собрании что-то свое, отвечающее его настроению, характеру и т.д. Потрясением для всех становится созерцание картин, знакомых по школьным учебникам. Многие выпускники по прошествии нескольких лет после этих самостоятельных экскурсий вспоминают их как одно из ярчайших событий студенческой жизни и благодарят преподавателей за настойчивость в требованиях посетить Третьяковку.

Знакомство с Третьяковской галереей в сопровождении экскурсовода, как правило, не дает такого сильного эмоционального впечатления и делает последующие беседы менее интересными для преподавателя. Маршрут движения экскурсовода от картины к картине – традиционен, сопровождается подробным, подчас излишне подробным рассказом о картинах и художниках, составляющих «золотой фонд». Итог – уставшие после экскурсии студенты уже не в состоянии продолжить самостоятельное знакомство с живописным собранием, и они уходят с впечатлением, которое я бы сравнила с разбитым витражом. Причем степень повреждения такова, что восстановить целостность не представ-

ляется возможным, во всяком случае в тот временной промежуток, который мы имеем возможность выделить в ходе занятий. В их сознании остается некоторый объем знаний о показанных им картинах, но представления об эволюции живописи у них отсутствуют. И это кажется мне главным недостатком в актуализации музейного собрания Третьяковской галереи. Мне доводилось слушать экскурсоводов Третьяковки и я знаю, что определенные сведения об эволюции живописи в ходе экскурсии даются, но внимание на них не акцентируется, в сознании студентов они теряются за деталями рассказов об отдельных наиболее известных картинах и художниках. Экскурсия строится по типу знакомства с достопримечательностями, в то время как мне хотелось бы, чтобы экскурсия давала представление о процессе эволюции живописи.

Л.Б. Сукина (Переславль-Залесский)

**Лицевые рукописи в музейных собраниях:
задачи и проблемы археографического описания**

Лицевая рукописная книга — один из самых интересных и ценных предметов музейного хранения. Но иллюминированные рукописи музейных собраний, особенно провинциальных, сравнительно редко используются в научно-исследовательской работе и экспозиционной практике. Одна из причин такого положения вещей — несовершенство методов археографического описания лицевых рукописей в каталогах и картотеках, используемых исследователями и экспозиционерами в работе. В большинстве случаев составители каталогов ориентируются на «Правила издания исторических документов в СССР» (2-е изд. М., 1990) и «Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей» (М., 1973–1990). Профессиональное качество этих методических пособий, составленных лучшими специалистами, не вызывает сомнений. Но ни в одном из них не учтена специфика лицевых книг, содержащих не только тексты и орнаменты, но и большое количество миниатюр. В результате, информация об ил-

иллюстрациях, помещаемая в каталожных археографических описаниях, оказывается недопустимо лаконичной. Приведем в качестве характерного примера описание лицевой части синодика XVIII в. из известного каталога памятников письменности из вологодских музейных собраний: «31 миниатюра — штриховые рисунки, воспроизводящие сюжеты цельногравированных синодиков» (Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. 1. Вып. 1. С. 146). Чтобы узнать о содержании иллюстративного цикла и художественном уровне миниатюр, специалист должен заказать книгу в хранилище и хотя бы пролистать ее. Эти процедуры связаны не только с затратами времени (а иногда и с денежными расходами), но и с определенной амортизацией самой рукописи, происходящей при каждом пролистывании.

Идеальный выход из сложившейся ситуации — издание иллюстрированных каталогов музейных собраний с полным археографическим описанием лицевых рукописей, включающим все элементы, характеризующие специфику как самого кодекса, так и его миниатюр. Возможны и более экономичные варианты в виде рукописного или электронного каталогов, доступных для внутреннего музейного пользования, но сохраняющих предложенный выше формат, тем более что исследовательская практика имеет уже свой богатый опыт каталогизации лицевой книги.

Исследование древнерусских миниатюр всегда содержало в себе элемент источниковедческого анализа. А их описание еще в XIX в. приближалось к археографическим стандартам, применяемым к письменным историческим источникам. Вместе с тем, изучением миниатюр занимались специалисты различных гуманитарных профилей (филологи, историки, искусствоведы), предъявлявшие неодинаковые требования к информационному наполнению и формату описания и накапливавшие значимую информацию разнообразного содержания.

Первыми интерес к книжной миниатюре проявили еще в XVIII в. издатели древнерусских летописей, но задумываться над аннотированием ее воспроизведений или упоминаний стали только представители русской историко-филологической шко-

лы XIX в., для которых главной задачей описания стали датировка изображения и определение его сюжета и иконографии. Это подход использован в фундаментальных работах Ф.И. Буслаева и Е.В. Петухова, посвященных лицевым рукописям. В конце XIX — начале XX в. в трудах Н.П. Кондакова, Д.В. Айналова и Е.К. Редина, находившихся под определенным влиянием Ф.И. Буслаева, учитывались также технико-технологические особенности миниатюр. Эти традиции описания миниатюр были поддержаны и в обобщающей работе М. Владимировой (М.В. Алпатовой) и Г.П. Георгиевского о древнерусской миниатюре — одном из немногих трудов по русскому средневековому искусству в советской историографии довоенного времени. Возвращение интереса к русской книжной миниатюре во второй половине XX в. совпало с возобновлением и развитием исследований по древнерусской культуре в целом и отдельным ее отраслям. В это время изучение книжной миниатюры приобретает междисциплинарный характер, обусловленный ее спецификой. Древнерусская книжная миниатюра рассматривается историками (А.В. Арциховский, О.И. Подобедова, С.О. Шмидт и др.) как исторический источник, филологами (О.А. Белоброва, Д.С. Лихачев и др.) как неотъемлемая часть литературного текста, искусствоведами (Г.И. Вздорнов, Г.В. Попов, О.С. Попова, Э.С. Смирнова и др.) как явление средневековой художественной культуры.

В результате сложились два типа описаний миниатюр. Один из них применяется в подробных каталогах собраний и выставок лицевых книг (Государственная Третьяковская Галерея: Каталог собрания: Лицевые рукописи XI–XIX веков. М., 2010. Кн. 1: Лицевые рукописи XI–XVII веков и др.). Описание содержит исчерпывающую информацию о самой миниатюре (атрибуцию с датировкой, именем автора или принадлежностью к определенной школе, размерами изображения и его технико-технологическими характеристиками, воспроизведением и расшифровкой надписей) и книге, в которой она находится (археографический стандарт). Второй тип описаний используется в научных исследованиях. Он включает лишь краткие данные, суммирующие наиболее существенные свойства миниатюры и ко-

декса: заголовок, в котором определяется сюжет изображения, название книги и ее датировку, место и шифр хранения, номер листа. Второй тип описаний может быть применен и для музейного этикетажа, необходимость насыщения которого научно-значимой информацией также вполне очевидна.

Конечно, музейные работники, занимающиеся каталогизацией рукописных фондов и книжных собраний, столкнутся при решении задач развернутой и подробной характеристики лицевых рукописей с определенными трудностями. Поэтому такой работе должно предшествовать создание методических пособий, призванных, в том числе, унифицировать археографическое описание иллюминированных книг.

А.А. Сундиева (Москва)

Презентация музейных собраний: этические проблемы

Археография, разрабатывая теорию и практику издания, прежде всего, письменных источников, тесно связана с филологией, источниковедением, палеографией, текстологией, дипломатикой, архивоведением. Пришло время включить в этот ряд и музеологию. Музеи используют сегодня широкий и разнообразный спектр видов, форм и способов публикации своих коллекций и отдельных памятников, приемов музейной атрибуции, исследовательских методик. Наша конференция призвана обсудить наиболее перспективные и новаторские технологии, сложные и не однозначно решаемые вопросы, возникающие в связи с введением в научный оборот и популяризацией музейных собраний. В моем сообщении речь пойдет о проблемах, носящих этический характер.

Этические нормы музейной практики, принятые в мировом профессиональном сообществе, зафиксированы в Кодексе музейной этики ИКОМ, принятом в 1986 г. (русский перевод см: ИКОМ России: официальный сайт общероссийской общественной организации «Российский комитет Международного Совета музеев». [электронный ресурс] — Электрон. дан. — [б/м, б/и], 2012.

— Режим доступа: <http://www.icom.org.ru/get.asp?id=A7>). Сформулированные в этом документе положения обозначили тот уровень музейной работы, к которому музейные специалисты стремятся как к «минимальному стандарту профессиональной деятельности». Достигнуты ли эти стандарты в России? Остановимся на двух существенных моментах: обеспечении доступности музейных собраний и профессионализме музейных кадров.

В Кодексе неоднократно подчеркивается необходимость и важность обеспечения доступности музейных коллекций для разных групп посетителей, включая педагогов, студентов, школьников, а также для коллег, исследователей. Это — профессиональная задача, имеющая со времени Великой Французской революции этическую составляющую. Между тем в России и сегодня существуют целые социальные группы, лишенные полноценного доступа к культурным ценностям, хранящимся в музеях.

Мы очень отстаем от мировой практики обеспечения доступности музеев для лиц с ограниченными возможностями. Иностранцы туристы, даже владеющие европейскими языками, в редких музеях могут получить информацию о коллекциях на родном языке. Жителям отдаленных регионов довольно сложно и дорого приобщиться к культурным ценностям, хранимым нашими ведущими музеями. Снижение жизненного уровня населения и сокращение резерва свободного времени не располагают российских граждан к культурному туризму. В 2006 г. зафиксирован факт: 80 процентов жителей страны не бывали в Третьяковской галерее и Эрмитаже. Между тем, существующая практика оценки деятельности музеев и условия рынка вынуждают музеи и дальше поднимать цены на билеты, что не соответствует мировым тенденциям и делает затруднительным знакомство с музеями самых массовых групп потенциальной музейной аудитории.

Но и те, кто все-таки пришли в музей, имеют возможность увидеть в экспозиции от 3 до 10 процентов музейных собраний. Для ряда музеев это вполне репрезентативный масштаб показа, дающий представление о составе собрания, самых ценных и ярких памятниках. Многие музеи могли бы и хотели продемонстрировать значительно больше предметов, если бы полу-

чили отвечающие современным требованиям экспозиционные площади и здания. Не имея этой возможности, музеи пытаются решить проблему, наращивая интенсивность выставочной работы и организуя открытое хранение фондов. Огромные возможности предоставляет сегодня современная техника, позволяющая знакомиться с историей музеев, музейными собраниями и даже экспозициями через Интернет.

Условия деятельности музеев в ближайшей перспективе не улучшатся, следовательно, принципиально изменить ситуацию не удастся. Моральная ответственность за сложившуюся ситуацию лежит не на музейных кадрах. Однако есть, по крайней мере, две задачи, решения которых можно достичь и в нынешних условиях, значительно приблизившись к позициям, зафиксированным музейным Кодексом. Это, во-первых, создание самых льготных условий для посещения музеев студентами профильных вузов — музеологами, историками, искусствоведами и, во-вторых, облегчение допуска к фондовым коллекциям исследователей, представляющих немuseumные научные и образовательные учреждения.

Музеи хранят источники наших знаний о природе и обществе, в чем и заключается их «служение обществу». В Кодексе источники красиво названы «главными свидетельствами для установления и распространения знаний», здесь же декларируется принцип: «Музеи несут особую ответственность перед всеми за сохранение, доступность и истолкование [выделено мной — А.С.] первичного свидетельства, хранящегося в их коллекциях». Выполнение этого положения Кодекса в значительной степени зависит от профессионализма музейных коллективов. Речь идет о соответствии интерпретации источников (в музейных изданиях, экспозиционных и выставочных проектах, экскурсиях), стандартам, принятым в академической науке. Еще двадцать лет назад эта фраза не имела бы смысла. Но сегодня мы вынуждены констатировать, что многие музеи, стремясь привлечь посетителя, создают популистские экспозиции и экскурсии, включая в них полуфантастические и давно опровергнутые наукой сведения, а также характеризуют предметы музейного показа с точки

зрения религиозной, а не научной мысли. Низкопробные копии и реплики, изготавливаемые с коммерческой целью, также сильно вредят авторитету музея и искажают представление о подлиннике. Причина происходящего кроется, на наш взгляд, в резкой смене ценностных ориентиров, произошедшей в конце прошлого века, и снижении уровня профессионализма музейных кадров. Общее число музеев всех ведомств с 1991 по 2008 г. выросло ровно в два раза (1257 музеев — в 1991 и 2495 музеев — в 2008). В эти музеи пришли работать тысячи новых сотрудников, не имевших специального образования и не успевавших при значительной текучести кадров приобрести необходимые практические навыки.

Отсутствие средств, дефицит всех возможных ресурсов и прочие зловключения как бы оправдывают нерешенность многих вопросов музейной жизни. Но есть задачи, которые носят исключительно этический характер. Для их решения необходимо, прежде всего, осознание своей личной ответственности и социальной значимости профессии.

Ю.В. Тюменцева (Кириллова) (Омск)

**Методические проблемы
публикации предметов в программе
«Генеральный каталог музейных коллекций Омской области»**

Одной из форм публикации музейных предметов или коллекций является представление их обществу, воспроизведение на электронных носителях, в том числе и в виде электронных баз данных.

Омский государственный историко-краеведческий музей с 2009 г. ведет работу над наполнением «Генерального каталога музейных коллекций Омской области». Электронная каталогизация предметов — это процесс долгий и во многом сложный. Начало этому было положено внесением в каталог уникальных и редких предметов, представляющих известную историческую и

культурную ценность. Сейчас ведется работа по полному включению предметов из фондов музеев Омской области.

Разработка и внедрение электронного каталога, как первый шаг к решению вышеперечисленных целей, были осуществлены путем создания компьютерной программы «Генеральный каталог музейных коллекций Омской области» и ее распространения среди музеев муниципальных районов Омской области. Компьютерный продукт был разработан с учетом возможности лаконичного и емкого описания предметов (по 13 позициям) с представлением фотоизображений, что позволяет вводить в базу большой объем предметов. Возможность использования программы дистанционно, посредством CD-носителей и flash накопителей, с последующим импортом-экспортом в центральный Генеральный каталог (в ОГИК музее), расширило не только технические возможности программы, но и вовлекло в процесс создания электронной базы сотрудников районных музеев. В итоге предполагается создание единой унифицированной информационной базы музейных коллекций с территории г. Омска и районов области.

В процессе работы по наполнению электронного каталога был выявлен ряд проблем методического характера.

Прежде всего необходимо отметить, что для унификации публикации предметов в программе были разработаны методические рекомендации (Генеральный каталог музейных коллекций Омской области: метод. рекомендации для муниципальных муз. Омской обл. / сост.: Е.М. Бежан, О.С. Шерстобитова. Омск, 2009. Ч. 1). Однако они призваны решать вопросы заполнения позиций электронной формы, как то — разграничение коллекций, корректное указание места изготовления предмета, его размеров и т. п. Как показало практическое использование музейными работниками программного продукта, основные сложности возникают уже на этапе атрибуции предмета:

- при отнесении предмета к той или иной коллекции;
- в определении авторства предмета;
- с правильным измерением предметов различных категорий, особенно, если предмет сложной формы, многосоставной;

- при указании материала и техники изготовления;
- характеристики степени сохранности и описании дефектов;
- в составлении краткого, лаконичного описания, позволяющего представить предмет, не видя его.

Атрибуция предмета также требует развитого терминологического аппарата, позволяющего внести единство и упорядоченность, избежать пространности в описании. Но в своем большинстве специальные термины используются слабо и требует освоения.

Часто описание предмета страдает отсутствием лаконичности, приведением общих признаков предмета, вместо выделения отличительных, позволяющих идентифицировать этот предмет среди аналогичных.

Возникают сложности и с фотофиксацией предметов. Прежде всего, требуется, чтобы в каждом районном музее было все необходимое оснащение для фотографирования/сканирования. И эта проблема решается — в 2011 г. из бюджета Омской области были выделены средства для приобретения оборудования (фотоаппарат, сканер). В настоящее время идет освоение приобретенной техники. Те музеи, которые были оснащены ранее или имели иные возможности для фотографирования предметов, доставляют фотоизображения не всегда надлежащего качества (размытость, отсутствие разных ракурсов и т. п.). В этом направлении также необходимо продолжать консультирование и обучение основам фотофиксации экспонатов.

Эти проблемы связаны с квалификацией и практическим опытом работы сотрудников. Поэтому и решить их возможно путем поднятия профессионального уровня. В помощь музейным работникам издаются методические пособия (Методические рекомендации по описанию предметов одежды для Генерального каталога музейных коллекций Омской области / сост. О.Н. Артемьева. Омск, 2010–2011. Ч. 2–3), призванные ответить на наиболее насущные вопросы, возникающие при описании коллекций. Подготовлен корпус материалов для атрибуции предметов на CD-носителе, включающий в себя литературу справочного и методического характера для научного описания предметов, а

также образцы такого описания для каждой коллекции (всего их 25). При участии специалистов нашего музея проводятся научно-методические семинары (2010 г., 2011 г.), на которых с помощью лекций, консультаций и круглых столов, решаются актуальные вопросы по описанию различных коллекций (этнографии, редкой книги и т. д.), разбираются типичные ошибки, встречающиеся в процессе работы с предметами и заполнении программы. Основная их цель обучить работе с музейным предметом для внесения в программу по единому стандарту описания. Чтобы информация об опубликованных предметах в электронном каталоге была достоверна и надежна, доступна исследователям, обеспечивала безопасность экспонатов и формировала единую общероссийскую каталожную систему.

Н.В. Углева (Москва)

Коллекция Музея Мебели в собрании отдела Дерева ГИМ: публикация музейной коллекции

Московский Музей Мебели — одна из легенд Москвы, получившая широкую известность благодаря упоминанию в романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Однако, на сегодняшний день не существует достаточно полной информации об этом музее, исключая каталог, являющийся библиографической редкостью. Частный Музей мебели на Таганке, существующий последние два десятилетия, представляет собой собрание антикварных предметов, но кроме созвучия в названии не имеет практически ничего общего с Музеем Мебели 1920-х годов.

Государственный Музей Мебели был образован в Москве в 1919 г. Его первоначальное нахождение в особняке Гиршмана было столь кратковременным (осень 1919 — весна 1920 г.), что постоянным местом расположения правильно считать Александринский дворец. В состав его фондов входили коллекции, относящиеся к истории русского интерьера. Основополагающая из них — коллекция русской и западноевропейской мебели XVI–XVIII вв. Именно этой части собрания и будет посвящен предлагаемый до-

клад. В 1927 г. Музей Мебели был расформирован. Как следует из Протокола от 21 июня 1927 года Заседания Комиссии по перемещению Музея Мебели и Этногалереи Центрального Музея Народоведения, «Оформлена передача Государственному Историческому Музею по семнадцати актам». ГИМ получил порядка 535 предметов мебели, из которых на сегодняшний день в наличии 309. В мебельной коллекции Исторического музея экспонаты Музея Мебели хранятся в общем составе фонда. Однако их можно рассматривать и как моноколлекцию.

Отдельные памятники собрания Музея Мебели неоднократно экспонировались на различных выставках, публиковались в каталогах. Однако, с нашей точки зрения, есть возможность представить эту уникальную коллекцию и опубликовать ее наиболее полно в рамках выставочного проекта. Он предполагает серию экспозиций, основанных на коллекции ГИМ с привлечением архивных источников. В основу художественного проекта закладывается 1–10 фотографии экспозиции (в зависимости от размера выставочной площади) Государственного Музея Мебели, изображения которых служат источником реконструкции предложенного интерьера.

В составе экспозиции необходимо размещение абстрактной мужской силуэтной фигуры-обманки в типологическом костюме 1920-х годов, что явилось бы собирательным образом музейного сотрудника первого послереволюционного десятилетия.

В представленном проекте должны быть использованы видеоматериалы 1920-х годов по указанной теме, которые послужат информационным дополнением экспозиции.

Каждую серию экспозиций предполагается сопровождать изданием фотографии (постера), сопровождающейся текстом по истории создания Музея, публикацией документов и атрибуционным материалом по представленным мебельным экспонатам. Полное собрание таких фотографий к окончанию выставочного проекта должно составить папку-альбом в подарочном переплете.

Продолжением выставочного проекта могут служить экспонаты, неотраженные в изобразительном материале.

Одной из отличительных особенностей Государственного Музея Мебели было наличие в его составе Производственного отдела, в задачу которого входило изучение конструктивных особенностей мебели, а также мебельное проектирование. В русле этого направления на выставке предполагается проведение дня «открытых дверей», заключающегося в демонстрации экспонатов с различных сторон; организация единовременных устных атрибуционных консультаций; проведение мастер-класса реставраторами с консультациями по восстановлению мебели в домашних условиях.

В рамках темы мебельного проектирования возможно проведение рекламных акций мебельных фабрик и частных мастерских.

Представленный экспозиционный проект в дальнейшем может выйти за рамки ГИМ и по результатам изыскательской работы к нему могут быть привлечены другие музеи и учреждения.

Ю.Е. Фагурел (Москва)

Маскарадные сани XVII – XVIII вв. из собрания ГИМ: опыт комплексного исследования

Государственный Исторический музей обладает уникальной коллекцией маскарадных саней, созданных русскими и иностранными мастерами в XVII – XVIII вв. Небольшая по объему, насчитывающая шесть оригинальных произведений декоративно-прикладного искусства, она является ценнейшим источником в исследовании экипажного дела и праздничной культуры России XVIII в. По исторической значимости и художественным достоинствам коллекция не уступает собраниям подобных памятников в крупнейших музеях европейских стран.

До недавнего времени маскарадные сани ГИМ не привлекали к себе должного внимания специалистов: экипажи были мало изучены и не введены в научный оборот. Однако за последнее десятилетие значительно расширился круг исследуемых музейных памятников, увеличилось количество публикаций эки-

пажных коллекций отечественных и зарубежных собраний, возросла востребованность маскарадных саней в экспозиционно-выставочной деятельности ГИМ. Все эти факторы обусловили актуальность атрибуции предметов указанной коллекции.

Подлинно научное изучение памятников искусства экипажного дела получило развитие во второй половине XX в. Но и сегодня оно ограничивается небольшим количеством работ. (Кириллова Л.П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. М., 2000; Она же. Экипажи XVI–XVIII веков: каталог собрания Государственного Историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2006; Чернышев В.А. Конные повозки и экипажи в России X–XIX веков. СПб., 2007). К тому же, в настоящее время не имеется обобщающих трудов, посвященных методике атрибутирования экипажей, а тема маскарадных саней в научной литературе практически не рассматривалась.

Одной из первейших проблем, возникающих при атрибуции представленных памятников, является отсутствие унифицированного терминологического аппарата, затрудняющее их научное описание. В данном случае исследуемые экспонаты, хотя и выделяются специалистами в отдельный тип средств передвижения, но называются по-разному. Для решения поставленного вопроса и атрибуции в целом было осуществлено разностороннее изучение маскарадных саней с учетом их технической, художественной и утилитарной составляющей.

Исследование технологической характеристики предметов коллекции: конструкции, материалов, техники изготовления, сохранности, – позволило установить особенности строения памятников, выделить их в особый тип саней, выявить из коллекции экипажей ГИМ аналогичные образцы, дошедшие до нас частично или переделанные в более позднее время. Кроме того, используя метод сравнительного анализа, удалось объединить хранящиеся в Историческом музее сани с подобными экспонатами из иностранных собраний, определить их как одно явление в истории совершенствования транспорта и в общеевропейской культуре, а также проследить этапы развития этого типа средств передвижения.

В процессе изучения памятников были проведены два химико-технологических исследования росписей саней. Этот метод в атрибуции экипажей коллекции Исторического музея применялся впервые. Анализ состава красочных покрытий, количества и расположения авторского и поновительских слоев в росписи и т.д., предоставил дополнительные аргументы для датировки предметов и данные об особенностях их бытования.

Для атрибуции маскарадных саней перспективной представляется научная реставрация, результаты которой в случаях с другими памятниками искусства экипажного дела ГИМ предоставили возможность не только получить разнообразные сведения о предмете, но и провести научную реконструкцию утраченных элементов.

Изучение художественных особенностей памятников коллекции приобрело особое значение, поскольку этот этап атрибуции стал наиболее информативным в исследовании. Так, стилистический анализ формы и декора маскарадных саней позволил определить в их оформлении черты стилей барокко и рококо XVIII в., а выявленные в убранстве некоторых экипажей элементы национального искусства дали основание считать их русской работой.

Поиск аналогий в изобразительном и прикладном искусстве предоставил возможность установить содержание и источники декоративных композиций ряда памятников коллекции. Широкое привлечение изобразительного материала: живописных и гравированных изображений праздничных шествий, костюмированных катаний, эскизов саней и т.п. работы отечественных и европейских мастеров XVII–XVIII вв., — помогло проследить развитие типа, разнообразие форм, особенности использования маскарадных саней, а также представить ту среду, в которой бытовали экипажи.

Существенное значение в атрибуции предметов коллекции имеет изучение владельческих знаков, содержащих ценную информацию об экипажах. Исследование обширного материала русских и зарубежных гербовников, нумизматических и изобразительных источников, справочно-библиографической лите-

ратуры дало возможность определить герб на самом раннем памятнике коллекции и сузить хронологические и географические рамки его создания, выявить владельцев.

Маскарадные сани относятся к той категории музейных предметов, атрибуция которых сложна, прежде всего, из-за небольшого количества сохранившихся экземпляров. Но в то же время в исследовании существует возможность привлечения архивных материалов и других письменных источников, которые непосредственно относятся к конкретному музейному предмету. Подробное изучение документов Придворной конюшенной конторы и Придворной конюшенной канцелярии XVIII–XIX вв., материалов Придворно-Конюшенного музея XIX в., архива Музея Мебели и Наркомпроса первой трети XX в., помогло проследить историю бытования маскарадных саней второй половины XVIII в. с момента их изготовления до времени поступления в собрание ГИМ.

Важную для атрибуции информацию содержат также документы и мемуарная литература, характеризующие состав, структуру, организацию и оформление костюмированных праздников и увеселений XVIII в. Полученные сведения в свою очередь позволяют установить место и значение изучаемых памятников в культуре эпохи.

Атрибуция маскарадных саней, таким образом, является сложным комплексным исследованием с привлечением широкого круга исторических источников и использованием разнообразных приемов и методов исследования. Только при таком подходе к изучению, возможно дать объективное научное определение и оценку данному типу музейных памятников.

Исследование маскарадных саней имеет большое значение для понимания процессов и явлений в истории культуры XVIII в. Подобные предметы предстают своеобразным символом эпохи, так как являются неотъемлемым атрибутом праздничной придворной культуры, оказавшей влияние на развитие русского искусства.

Геологические коллекции как источник по истории геологической отрасли Центральной Сибири

Анализ состава геологических коллекций по территории Центральной Сибири показывает, что основную их часть составляют предметы, собранные в советский период (с 1960 по 1987 гг.). Это связано с организацией Красноярского геологического управления (КГУ) в 1943 г., в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР, чем было положено начало создания в Центральной Сибири собственной геологической службы. Со временем она превратилась в одну из крупнейших организаций в СССР: за 50 лет через Красноярское геологоуправление (объединение) «прошло» более 200 тыс. человек.

Геологи принимали участие в изучении геологического строения региона и закономерностей размещения полезных ископаемых, в открытии новых месторождений, в их разведке и передаче промышленности. Они стояли у истоков создания крупнейших горных предприятий: КАТЭКа, Норильского ГМК, Сорского, Хову-Аксинского, Олимпиадинского и других горно-обогатительных комбинатов, нефтегазовых промыслов, рудников, приисков и карьеров, обеспечивая сотни населенных пунктов и районов подземными источниками водоснабжения. Благодаря геологам, их созидательной деятельности за прошедшие десятилетия коренным образом изменилась география административных районов Центральной Сибири.

Специфика геологических работ заключается в том, что результатом исследований служат не только полевая отчетная документация, но каменный геологический материал (минералы, горные породы, руды). Формирование будущей музейной коллекции коллекций шло, в том числе стихийно, в партиях, отрядах, экспедициях, по инициативе самих геологов, привозивших из экспедиций каменный материал вне производственных задач.

Понимая уникальность каменного природного наследия и возможность использования собранных материалов в образова-

тельных и научных целях, руководство геологоуправления поддержало создание выставочного отдела, и в 1960 г. он уже принимал посетителей. Красота и редкость некоторых минеральных образований, а также стремление людей оставить свой след в истории явились факторами, способствовавшими росту фондов музея. Таким образом, существование мощной геологической отрасли и поддержка музея руководством явились факторами, повлиявшими на создание и комплектование музея.

Пополнение коллекций велось постоянно, постепенно в ее состав стали входить не только каменные материалы, но и другие вещественные источники, представляющие историко-культурную ценность. Современный коллекционный геологический материал включает в себя помимо каменных и археологические материалы, инструменты, приборы, технику геолого-поисковых геолого-разведочных и эксплуатационных работ. Отражая тем самым историю геологических исследований, добычи полезных ископаемых, геологическое строение территории.

Документирование, этикетирование, инвентаризация и научное исследование поступающих и поступивших в музей предметов служат источниками информации о проводимых в регионе геологических работах по годам и авторам исследований. Среди дарителей музейных предметов значатся сотни человек, в том числе первооткрыватели месторождений и геологи, награжденные знаками: «Заслуженный геолог России», «Почетный разведчик недр», «Лауреат государственной премии», «Лауреат ленинской премии», «Герой социалистического труда», «Заслуженный геолог республики Тыва».

Использование геологических коллекций в качестве источника для изучения истории региона показывает, что в послевоенные годы на территории Центральной Сибири удалось создать практически новую уникальную сырьевую базу почти по всем видам полезных ископаемых. Сибирские геологи в этот период переживали небывалый расцвет творчества, высокую геологическую и экономическую эффективность в работе, что отразилось и в музейных коллекциях.

**Личные коллекции
как объект экспозиционной интерпретации**

В современной системе гуманитарных знаний отчетливо обозначена тенденция изучения явлений частного, субъективно-го характера. В музееведении она нашла выражение, в том числе, в разработке комплекса проблем, связанных с экспозиционной интерпретацией личных коллекций.

Настоящие тезисы представляют ряд размышлений об особенностях экспозиционной интерпретации личных коллекций, неких сложившихся моделей. Выводы базируются на имеющемся у автора опыте реализации проекта «Музейные диалоги», который осуществлялся в 1998–2003 гг. в Национальном музее Республики Татарстан. В рамках данного проекта были проведены мероприятия, направленные на обсуждение и разработку проблем, связанных с изучением личных коллекций казанцев. В том числе и в экспозиционной форме.

Владелец коллекции, размещая предметы из нее в пространстве своего дома, автоматически становится первым интерпретатором. Личностные особенности коллекционера накладывают отпечаток на способы группировки, размещения вещей. Данные действия отражают как эстетические вкусы владельца, так и степень его осведомленности о научной ценности собрания, осознание им общественно-культурной значимости своей коллекции.

Выстраивание владельцем своеобразных экспозиционных комплексов могло носить случайный характер, могло отражать культурные и исторические связи между составляющими собрание предметами. В зависимости от состава и возможностей домашнего пространства экспозиционные решения коллекционеров имели множество вариантов. Судить о них мы можем по сохранившимся изобразительным источникам, фотодокументам, воспоминаниям современников. Именно в «домашнем музее» нагляднее всего проявляется специфика как состава собрания, так и личностных качеств самого коллекционера.

Вывод коллекционера своего собрания за рамки домашнего пространства и размещение в специально построенном здании является следующий этап развития и экспозиционного видения в среде коллекционеров. Архитектура, планировка, дизайн залов — составляющие экспозиционного замысла владельца собрания. Отметим характерные черты в экспозиционных подходах владельца к своим коллекциям: систематический (коллекционный) принцип показа; приоритет вещи как уникальной данности, с одной стороны, с другой, — осознание ее как составной части единого уникального целого.

Параллельно с описанной тенденцией существовала вторая, связанная с растворением личных коллекций в крупных академических музейных собраниях. Занимая свое место в экспозиции, становясь частью общего зрительного ряда, предметы из личных коллекций как бы утрачивали часть ценностных свойств, приобретенных в цельной коллекции. После 1917 г. советская государственная политика в области музейного дела способствовала развитию этой тенденции. Одна общность распадалась, чтобы стать частью другой.

Идея музея личных коллекций дала импульс принципу показа произведений искусства в составе частных собраний, бережного отношения не только к предмету-экспонату, но и к человеку-собирателю. Концепция экспозиции музея личных коллекций подразумевала обязательное включение сведений по истории коллекции и личности собирателя, воспроизведение фрагментов владельческой развески или фрагмента комнаты с соответствующей мебелью. С развитием данной тенденции ведущее место в интерпретации личных собраний занял метод реконструкции. В зависимости от цели, задач и экспозиционного замысла выставка-реконструкция может быть как начальным, так и конечным этапом научных изысканий по теме. Акцент смещен на музейные предметы, разрозненные временем и обстоятельствами и объединенные вновь единым экспозиционным пространством. Примером такой модели могут служить выставки «Коллекционеры старой Казани» (Казань, НМРТ, 2000) и материалов собрания П.М. Дульского (Казань, НМРТ, 1998).

Следующая экспозиционная модель иллюстрирует подход, который характеризуется осознанием авторами культурно-исторической значимости личной коллекции как единого целого ее составляющих — личности и коллекции. В замысле подобных экспозиций, как правило, предпринимается попытка связать воедино и экспозиционно отразить специфику частного собирательства на примере конкретного человека и его коллекции. В качестве примера можно привести выставку «Хозяйка Александровского пассажа» (Казань, НМРТ, 1999).

Интересна и заслуживает внимания модель экспозиции, которая предполагает осознание значимости личного собрания не просто как единицы культурно-исторического наследия, но и как его явления. Автор подразумевает показ экспозиционером внутренних и внешних связей предметов коллекции с другими музейными собраниями, достижениями научной мысли.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на современном этапе в вопросе экспозиционной интерпретации личных коллекций специалисты вернулись к идеям рубежа XIX–XX вв., но уже на качественно новом уровне, обогащенные достижениями гуманитарной науки. Экспозиционный этап в изучении личных коллекций играет важную роль, поскольку одновременно является целью и этапом в реконструкции состава личного собрания. Экспозиционная форма — неотъемлемая часть публикации музейного наследия.

В.В. Черненко (Москва)

Музейные коллекции в сети Интернет — современная форма публикации

Широкое внедрение во все направления деятельности российских музеев современных информационных технологий явилось причиной появления новых форм публикаций музейных собраний и его частей в новом пространстве — виртуальном, в частности в сети Интернет. В настоящее время существует две возможности таких публикаций.

Официальным представительством музея в сети Интернет следует считать сайт музея, который стал основным источником информации о разносторонней деятельности музея. Обязательный раздел на сайте музея — раздел, знакомящий с коллекциями, форма презентации различна: от небольшого текста, содержащего несколько изображений, до предоставления доступа к музейной базе данных в режиме on-line. Предпочтения отдаются следующим формам: шедевры коллекции; отдельные коллекции; электронные коллекции; каталоги выставок.

Презентация коллекций на порталах, создаваемых в рамках различных проектов — региональных, тематических, национальных, европейских, позволяет музеям расширить аудиторию заинтересованных пользователей.

Новой формой презентации музейных коллекций станет включение информации из музейных баз данных в тематические базы знаний, создаваемые в среде коллективного формирования информационного ресурса. Очевиден тот факт, что силами музейных специалистов такой ресурс создать невозможно, необходимо сотрудничество с коллегами из университетов, научно-исследовательских институтов, библиотек и архивов.

Знакомясь в 2007 г. с Музеем на набережной Бранли в Париже, автор смогла в мультимедиа галерее, расположенной в экспозиционном пространстве, поработать с такой информационной системой. В рамках реализации 4-х летнего исследовательского проекта кураторы коллекций и исследователи из университетов создали мультязычную энциклопедию, содержащую сведения по антропологии, географии, экосистемам, лингвистике, истории и истории искусств народов Азии, Африки, Америки и Океании. К участию в этом проекте были приглашены специалисты не только из университетов Франции, но из стран, из которых представлены артефакты в собрании музея.

Обработка запроса осуществляется путем интегрированного поиска по всем каталогам. Электронная энциклопедия, размещенная в музее на набережной Бранли, представляет собой базу знаний, которая, с одной стороны, обеспечивает широкой публике доступ к материалам культурного наследия, с другой

стороны, содействует развитию гуманитарных и социальных исследований.

В 2009 г. Министерством природных ресурсов России был поддержан проект, направленный на разработку многоцелевой автоматизированной системы представления геологических знаний. Исполнители проекта — Высшая школа инновационного бизнеса (факультет) Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и Автономная некоммерческая организация «Российско-французская металлогеническая лаборатория» (АНО «РФМЛ»), учредителями которой являются Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН и Французская геологическая служба.

Создаваемая система реализуется на четырех языках: английском, французском, испанском и русском и будет содержать опубликованные справочники, словари, и другие издания по геологии, минералогии, палеонтологии, геологии полезных ископаемых, фондовые материалы (отчеты), а также информацию по коллекциям естественно-научных музеев. Построение базы геологических знаний, основанной на сочетании принципов синтаксической (тезаурус) и контекстно-иерархической (иерархическое дерево) организации информации с доменной структурой самой системы, дает возможность использовать ее как энциклопедию, как поисковую систему и как экспертную систему.

И.И. Шангина (Санкт-Петербург)

**Русский фонд вещественных памятников
традиционной культуры
Российского этнографического музея:
опыт источниковедческого анализа**

Российский Этнографический музей в Петербурге обладает одним из самых больших в стране фондов вещевых памятников русской традиционной культуры. Начало ему было положе-

но в 1902 г., когда при Русском музее императора Александра III был создан Этнографический отдел, в 1934 г. ставший самостоятельным Государственным музеем этнографии народов СССР, а затем с 1992 г. — Российским этнографическим музеем. Этот фонд дает большие возможности для изучения традиционной материальной культуры русского народа. Он насчитывает около 100000 экспонатов; представляет предметный мир русских фактически на всей территории Европейской России во всем его локальном своеобразии; включает все типы вещей, использовавшихся ими для обеспечения своей жизнедеятельности (орудия производства, транспорт, одежда, утварь, предметы, применявшиеся в ритуалах и пр.); содержит предметы разных исторических периодов: от середины XVIII до конца XX вв. Все это позволяет утверждать, что данный вещевой фонд является важным и интересным источником для исследований в области этнографии. Однако, как любой другой источник научных знаний, он требует серьезного источниковедческого анализа, который дает право говорить о надежности информации, извлекаемой из него.

Источниковедческая работа с русским фондом в Российском этнографическом музее ведется сравнительно давно. Некоторые итоги ее были опубликованы в моей монографии (Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994.) и в ряде статей сотрудников отдела этнографии русского народа, посвященных отдельным коллекциям и предметам. В своем докладе я хотела поделиться опытом нашей работы с этим фондом.

Источниковедческий анализ вещевого фонда, так же как и анализ письменных источников, состоит из так называемой внешней и внутренней критики. Внешняя критика предполагает работу по изучению формирования источника; внутренняя ставит перед собой цель подготовить вещь к извлечению из нее нужной исследователю информации.

Источниковедческая работа с русским вещевым фондом была начата с изучения истории его формирования. Для этого были выявлены фондообразователи, проанализированы взгляды уче-

ных музея на предметную область этнографической науки и задачи этнографических музеев, выяснены методы сбора памятников, критерии их отбора в фонд, проанализирован характер и объем сведений, поступавших в музей вместе с вещью. Это позволило нам выделить четыре этапа формирования фонда. Первый этап — 1902–1929 гг. В эти годы основной целью комплектования считалось формирование базы вещевых источников для этнографической науки. Сотрудники музея, разделяя взгляды французской антропологической школы в этнографии, полагали, что в него должны поступать этнически выразительные вещи, позволяющие создать полный «этнический портрет» русского народа в его историческом развитии. Главным методом комплектования был признан метод экспедиционный, который, как считалось, давал возможность создать полноценное собрание, характеризующееся полнотой, точностью и достоверностью.

Второй этап формирования приходился на 1930–1950-е гг. Это было время, когда музеи рассматривались как важные центры пропаганды марксистских идей. Главной задачей этнографического музея стал показ достижений советской власти в национальной политике, сельском хозяйстве, промышленности и демонстрация успехов в области перестройки старого быта на современный лад. Соответственно комплектование строилось из необходимости приобретения вещей, отражающих именно эту сторону сиюминутной действительности.

Третий этап, включавший в себя 1960–1970-е гг., был временем, когда музеи определялись как центры политико-просветительной деятельности, а перед этнографией была поставлена широкая задача изучения всего быта и культуры народа. Соответственно этой установке в музей, наряду с памятниками этнически выразительными, стало поступать большое количество предметов, относящихся к урбанизированным формам материальной культуры.

Четвертый этап формирования фонда начался в конце 1970-х — начале 1980-х гг., когда этнографический музей получил статус научного учреждения, а этнографическая наука сосредоточилась на изучении народа-этноса и его специфических свойств.

Комплектование ставило и ставит перед собой задачу выявления из реальной действительности этнически окрашенных вещей.

Выделенные нами этапы истории формирования фонда позволили говорить о неоднородности включенного в него материала, а также о не совсем полном и адекватном отражении в нем традиционного предметного мира. Наряду с работой по истории формирования вещевого фонда шла и идет подготовка составляющих его памятников к использованию в научных целях. Она заключается в подробном описании каждого отдельно взятого предмета: его формы, материала, цвета, декора, технических приемов изготовления. Необходимость такой работы вызвана своеобразием вещевого памятника как источника: информация, заключенная в нем, закодирована и поэтому для ее понимания требуется перевод с одного языка — «языка вещи» на другой — словесный, что и происходит при описании. Источниковедческий анализ вещи предполагает также восстановление ее связей с окружающей средой, обычно утрачиваемых при поступлении в музей. Он состоит в определении этнической принадлежности музейного предмета, времени, места его изготовления и бытования, а также в выяснении его утилитарных и символических функций. Такого рода работа представляется достаточно сложной, но вполне возможной. Это обусловлено тем, что вещи, хранящиеся в фондах этнографических музеев, относятся к категории предметов, обозначаемых понятием «вещественная старина», т.е. предметов, вышедших из употребления, но вполне понятных ныне живущим людям.

В заключение нужно отметить, что источниковедческая работа с вещевым фондом, довольно сложна и требует хорошей квалификации занимающихся ею музейных работников.

**Опыт создания корпуса надписей на предметах
византийского искусства Музеев Московского Кремля
в каталоге «Византийские древности Московского Кремля»**

В ходе доклада будет освещен опыт создания каталога «Византийские древности в Музеях Московского Кремля», который будет опубликован осенью 2012 года, в частности — работа над эпиграфическим материалом. Основными предметами выступления станут:

история проекта «Византийские древности Музеев Кремля» под руководством ведущего византолога Музеев Кремля И.А. Стерлиговой (Предыдущий каталог византийского собрания Музеев Кремля под редакцией Л.В. Писарской был опубликован еще в 1964 году и включал около тридцати процентов памятников византийского собрания Музеев Кремля).

состав византийской коллекции Музеев Московского Кремля (149 предметов), 5 разделов каталога «Византийские древности».

значение надписей (эпиграмм) на произведениях византийского искусства. Слово и образ в средневековой культуре.

методика воспроизведения славянских и греческих надписей. Эпиграфический инструментарий. Лейденская система скобок и ее использование при публикации греческих надписей на памятниках византийского искусства.

классификация надписей (эпиграмм) в византийском искусстве (с привлечением примеров из коллекции Музеев Кремля). Шитые эпиграммы на «Большом» саккосе митрополита Фотия. Сцены «Неопалимая купина», «Пятидесятница», Деисус.

Изучение и тщательное воспроизведение эпиграмм на памятниках византийского искусства помогает делать новые атрибуции казалось бы уже изученных памятников. Так, в ходе работы над каталогом были по-новому атрибутированы знаменитая «Шапка Иерихонская», стеатитовая икона с изображением Иоанна Предтечи, детали ставротеки с изображениями Распятия с предстоящими и поясных изображений Святых Константина и Елены и т.д.

Одновременная публикация каталога «Византийские древности в Музеях Московского Кремля» на русском и английском языке станет важным вкладом в общеевропейскую задачу создания универсального корпуса эпитаграм на памятниках византийского искусства в мировых музейных и частных собраниях.

Т.А. Эфрусси (Москва)

**«Дело по выборам руководителей Свободных
Государственных Художественных Мастерских 1918 г.»:
неопубликованные фрагменты**

Исследователям истории отечественной культуры и искусства известно, что документальный архив художественных учебных заведений 1910 – 1920-х гг. — Училища Живописи, Ваяния и Зодчества, Свободных Государственных Художественных мастерских (СГХМ), ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа — хранится в РГАЛИ. Ряд документов по этой теме находится также в собрании Музея МАРХИ. Среди них наиболее интересным представляется «Дело по выборам руководителей Свободных Государственных Художественных Мастерских 1918 г.». Частично «Дело», которое состоит из 153 листов, Музей МАРХИ опубликовал в сборнике «Архитектурные школы Москвы» (Архитектурные школы Москвы. М., 1995. Вып. 1. С. 79–87). Содержание «Дела» было описано сотрудниками музея в сообщении на конференции МАРХИ («Дело по выборам руководителей Свободных Государственных Художественных Мастерских 1918 г.» — первый документ ВХУТЕМАСа // Наука, образование и экспериментальное проектирование: Научно-практическая конференция. М., 2009. С. 197–199). Тем не менее, сегодня, когда Музей МАРХИ участвует в масштабном все-российском исследовании истории СГХМ и ВХУТЕМАСа, имеет смысл вновь обратиться к «Делу» и внимательно изучить его.

«Дело по выборам руководителей...» содержит документы периода преобразования Училища Живописи, Ваяния и Зодчества (УЖВЗ) и Строгановского училища в СГХМ. Отдельные листы дублируют документы из фонда РГАЛИ, однако имеется и

множество уникальных. К ним относятся, например, заявления будущих педагогов о регистрации их кандидатур на выборах, воззвание Комиссии учащихся по выборам, черновики результатов голосования и т.п. Не затрагивая все фрагменты «Дела», хотелось бы остановиться здесь на неопубликованных ранее листах. Л. 150–151, Протокол «6-го заседания Особого совещания при Уполномоченном по делам СГХМ» — один из эпизодов работы специального органа, созданного Уполномоченным И. Машковым «из авторитетных художников, кандидатуры которых имели наибольшие шансы на предстоящих выборах» (Отчет И. Машкова о ходе проведения реформы. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 1019. Л. 31). Многие из них — К. Малевич, В. Кандинский, С. Коненков, С. Ноаковский — были, к тому же, и членами Художественной Коллегии Отдела ИЗО.

Таким образом, Протокол вполне раскрывает «драму» выборов, которая упиралась в первую очередь в трактовку «Инструкции выборов руководителей в СГХМ», изданную Наркомпросом. Инструкция предполагала, с одной стороны, самостоятельность выбора учащихся мастерских (п. 7,8 — «каждая группа самостоятельно намечает себе кандидатов в руководители»), а с другой — соответствие требованию п. 3 («всем художественным течениям обеспечивается место в Мастерских»). Результат выборов должен был быть не только волеизъявлением учащихся, но и устроить Наркомпрос. Отсюда, конечно, вытекал вопрос: как понимать «Инструкцию» — по «букве» или по «духу»? Интересно отметить реплику Кандинского, утверждавшего, что в провинции руководители были просто «назначены». Этот вопрос, как и вопрос о ходе выборов в бывшем Строгановском училище (Первые СГХМ), еще только предстоит выяснить.

Журнал 6-го заседания Особого совещания при Уполномоченном по делам Свободных Государственных Художественных мастерских. 5 октября 1918 г.

Председательствовал И.И. Машков

Присутствовали: В. Кандинский, Н.И. Шестаков, И.В. Рьль-ский, А.Е. Архипов, С.В. Ноаковский, К.С. Малевич, В.В. Рождественский

И.И. Машков возбуждает вопрос, не будет ли целесообразно и полезно для проведения реформы в определенном направлении, чтобы Особое Собрание ... зафиксировало свое отношение к делу реформы в резолюции примерно такого содержания: «Особое Собрание, осведомившись как о ходе выборов, так и о списке кандидатов, предлагаемых Комиссией учащих и общими собраниями их, согласно коему в руководители намечаются по отдельным наиболее ярко выраженным течениям в искусстве при соблюдении необходимого равенства в представительстве каждого направления, следующие лица: по живописи А.Е. Архипов, С.В. Малютин, К.А. Коровин, П.В. Кузнецов, П.П. Кончаловский, И.И. Машков, В.В. Рождественский, Р.Р. Фальк, К.С. Малевич, А.А. Моргунов, В.В. Кандинский, В.Е. Татлин; по скульптуре С.М. Волнухин, С.Т. Коненков, Матвеев, Архипенко, Голубкина; по архитектуре И.В. Жолтовский, С.В. Ноаковский, И.В. Рьльский, Сологуб, Щусев, — признало, что при проведении такого списка руководителей, цель реформы вполне достигается». Может быть, такая резолюция ... оказала бы необходимую нравственную поддержку учащимся и была бы полезна для осведомления общества о характере и духе проводимой реформы, а также нашла бы значение и для самих будущих руководителей, которые тем самым заявили бы о своей солидарности и сочувствии новым основаниям деятельности художественной школы.

В.В. Рождественский полагает, что Особому Собранию, как органу совещательному и временному, не следовало бы брать на себя такого рода ответственного выступления. Кроме того, такое выступление и преждевременно: выборы руководителей еще не кончились, и если они пойдут правильно, подчеркивать это излишне. <...> Он, В.В., заинтересован только в том, чтобы была выполнена «Инструкция»? и если таковая будет выполнена, то он будет вполне удовлетворен. <...> К.С. Малевич думает, что центр тяжести вопроса не в соблюдении «Инструкции» по букве ее, а в проведении в жизнь ее духа, т.е. реформы. В этом смысле Колле-

гия вполне удовлетворена результатами предварительной группировки учащихся и списком кандидатов <...>

В.В. Кандинский полагает, что «Инструкция» совсем ясно выразила (реформаторские?) намерения законодателя. Центр тяжести, конечно, в реформе, и если бы учащиеся, пользуясь своими правами избрания руководителей, этой реформы не провели, то руководители были бы назначены, как это и было в провинции. <...>

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 11-04-00221a

Ю.Ю. Юмашева (Москва)

Археографическое описание музейного предмета и его место в системе документации музея

Тема археографического описания музейных предметов тесно переплетена с проблемой учета музейных коллекций, с системой музейной учетной документации, которая является единственным официальным юридическим источником информации о предметах.

Основополагающие принципы системы учета музейных коллекций были разработаны в 1910–1930-е гг. сотрудниками Государственного исторического музея, который возглавлял Г.Л. Малицкий, и окончательно оформлены в первой всесоюзной Инструкции по учету музейных фондов 1938 г. Затем эти принципы в полном объеме были воспроизведены во всех последующих Инструкциях.

Система учета музейных предметов состоит из 3 ступеней (стадий) — двух основных и третьей, специальной, по учету музейных предметов с содержанием драгоценных камней и металлов.

I ступень предназначена для регистрации музейных предметов и коллекций, принятых в постоянное пользование, в Главной Инвентарной книге или Книге поступлений, с целью их юридического закрепления за музеем. На этой стадии описание

предмета дается на основе визуального осмотра, а запись должна быть краткой, «выявляющей основные внешние характеристики предмета, без специальных изысканий и справок». Особенностью документации I степени учета является требование неизменяемости информации.

На II степени производится «инвентаризация т. е. *научная регистрация* музейных предметов (классификация по типам источников, видам материалов, видам искусства, коллекциям и пр., составление более развернутого и точного описания, уточнение атрибуции, запись в научный инвентарь)». При этом особо указывается, что «инвентаризация — основная *форма изучения, описания и научного определения* музейных предметов основного фонда...». Внесение изменений в учетную документацию II степени учета возможно, но процедурно чрезвычайно затруднено.

Происходящие с предметом и его атрибуцией после инвентаризации изменения должны отражаться в документах вспомогательных форм учета (картотеках, представляющих собой основной вид документирования процесса изучения и бытования предмета), а также во внутренней документации, которая накапливается в архиве музея.

Из этого следуют два вывода.

Первый: в официальных юридических записях о музейных предметах, сделанных на II степени учета, должны, как минимум, присутствовать элементы археографического научного описания.

Второй: полное научное описание музейного предмета, актуальное на определенную дату, можно сформировать, выявив и изучив комплекс источников, относящихся как к основной, так и к вспомогательной музейной документации.

Изучение описаний музейных предметов II степени учета в документации ГИМ позволяет сделать вывод о том, что на содержание записи влияли несколько факторов: (1) требования нормативно-методической документации (Инструкций, Методических рекомендаций, Указателей и т.п.); (2) уровень достигнутых к моменту создания записи музейведческих знаний или знаний в сопредельных областях (архивистике, библиографии и

т.п.); (3) уровень достигнутых к моменту создания записи исторических знаний (т.е. запись историографична); (4) уровень развития специальных исторических дисциплин и традиции описания объектов их изучения (для описаний нумизматических коллекций, фалеристики, рукописей и старопечатных книг и т.п.); (5) уровень изучения аналогичных коллекций, наличие каталогов собраний и/или справочников и определителей; (6) «субъективный человеческий фактор» — осмысление автором записи вышеупомянутых аспектов.

Количество параметров, которые могут присутствовать в описании предметов одной тематической коллекции, колеблется в среднем от 120 до 180, но никогда не бывает менее 100. А при описании книжных памятников превышает 250. Только треть этих параметров, и то не во всех деталях, (инвентарные номера, авторство, место и время создания/производства, материал/техника, размеры, источник поступления) совпадает для всего собрания музея. (Выявлено в ходе изучения учетной документации четырнадцати фондовых отделов ГИМ; изучение проводилось в целях проектирования автоматизированных систем учета музейных коллекций).

Очевидно, что разработка схем и методик научного описания предметов музейного хранения должна проводиться в рамках изучения отдельных типологически цельных коллекций.

Этот вывод является практическим подтверждением положений документов середины и второй половины XX в., в которых ставился вопрос о параметрах научного описания музейных собраний и коллекций. Впервые он был обозначен в связи с разработкой и принятием Наркомпросом РСФСР 4 декабря 1942 г. «Положения о музейных фондах РСФСР, подлежащих принятию на единый государственный учет». В 1944 г. был разработан проект «Инструкции о порядке приема музейных фондов РСФСР на единый государственный учет» (25 апреля 1944 г.). В развитие этой темы в 1948 г. вышло Постановление СМ о паспортизации предметов музейного фонда РФ, а в 1950-е появились первые каталоги и определители, многие из которых актуальны и сейчас.

Во второй раз тема Государственного каталога была поднята в 1968 г. в связи с Приказом Минкульта СССР № 327 от 3 июля о создании сводного каталога музейного фонда СССР. В рамках этого проекта в 1970-е гг. были изданы типовые схемы описания предметов из различных музейных коллекций, а в начале 1980-х — два сборника статей, подведшие итог разработке научно-методической базы государственного каталога.

Эти материалы не утратили своей ценности и на современном этапе, так как в них содержатся выверенные схемы описания предметов из различных коллекций и изложены фундаментальные приемы создания государственного каталога.

К сожалению, принятый в 1996 г. Закон «О музейном фонде РФ и музеях в РФ», созданные в его развитие «Положение о Музейном фонде», «Положение о Государственном каталоге» (1998), Концепция формирования и ведения Государственного Каталога Музейного фонда (2011) и проект «Единых правил и условий учета и хранения музейных предметов и музейных коллекций» (2009) полностью снимают вопрос о существовании в системе юридически значимой учетной документации научных описаний музейных предметов, переводя проблему научного изучения и описания предметов в разряд факультативных.

Т.А. Якубова (Киев, Украина)

Источники по истории Северного Причерноморья в собраниях Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского

Информационные ресурсы Института рукописей и Отдела библиотечных собраний и исторических коллекций Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ) богаты малоизвестными источниками по истории Северного Причерноморья, Крыма, истории Черноморского флота (XVIII в.), которые в значительной мере могут пополнить современные экспозиции музеев Юга Украины.

Так, журнал «Русская старина» (Императрица Екатерина II в Крыму 1787 г. // Русская старина. СПб., 1893. Ноябрь.) опубликовал дневник и письма к супруге вице-адмирала российского флота, принца Карла-Генриха Нассау-Зиген (1743–1805) за 1787 г., которые он написал во время пребывания в свите Екатерины II во время ее путешествия на Юг. Это перевод на русский язык французской публикации «Un paladin au XVIII siècle. — Le Prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale in édite de 1784 à 1789. Par le marquis d'Aragon» (Paris, 1893). Вице-адмирал был известным флотоводцем, разбившим турецкий флот под крепостью Очаков 17–18 июня 1788 г., а 1 июля 1788 г. корабли Нассау-Зигена нанесли окончательное поражение турецкому флоту, который находился возле Очакова во время осады крепости князем Г.А. Потемкиным. В дневнике Нассау-Зиген писал о пожалованных ему имениях в Крыму, среди которых были «Массандра» и другие имения.

Князь Г.А. Потемкин, учитывая военно-морские баталии гребного флота Нассау-Зигена на «водах близ Очакова» летом 1788 г., продолжал работы по созданию Черноморского флота на Юге. В планах Г.А. Потемкина по созданию Черноморского флота особое место занимали города Николаев, Херсон, Очаков. В Институте рукописей НБУВ (ИРНБУВ) хранятся рукописные документы (копии XIX в.), в которых зафиксированы планы и новаторские идеи Г.А. Потемкина по созданию Черноморского флота на Юге Российской империи.

«Записка о предположениях покойного Светлейшего Князя в разсуждении флота Черноморского. Какие конструкции должны быть» (ИРНБУВ Ф. V. 400). В документе в частях 5 и 10 отмечаются планы Г.А. Потемкина, которые касаются морской артиллерии и форватера в Ингуле и возле Очакова. Часть 5: «Артиллерию иметь во флотах частью английскую из наличной, а более всю почти медную, для чего и заведен в Херсоне литейный завод, из которого и укомплектован уже медными орудиями один новопостроенный корабль». Часть 10: «К удобной перевозке кораблей вычистить форватер в устье Ингула [где уже большею частью и углублен] и пред Очаковым. Для чего иметь лучшия машины. А

что бы потом очищенный сохранить на долго форватер в Ингуле от верфи до устья обе стороны берегов отделкою укрепить» (Там же. С. 333).

«Какие приказания были Его Светлости обер-штер-кригс-коммиссару Фалееву о строениях в городе Николаеве и заведениях в окружности онаго и намерения в разсуждении флота, адмиралтейства и мастеровых» (ИРНБУВ. Ф. V. 401). Часть 2. «Сколько для лучшаго и удобнейшаго для строения кораблей места столько и для здорового воздуха и чистых вод положили адмиралтейство из Херсона перевести в Николаев, а в Херсоне оставить одни только магазины и строение мелких судов кои без камелей проходить могут, большие же суда и корабли все строить в Николаеве на Буге где определили доку и калям быть и гавань деревянную сделать» (Там же. С. 345–351).

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в будущем экспозиция военно-исторического музея в г. Очакове (Николаевская обл., Украина) потребует обновления и реконструкции с учетом новой исторической информации, которая появилась после 1991 г. и в начале XXI в. Эта реконструкция необходима в связи с процессами возрождения национальной культуры, которые предполагают широкую популяризацию исторических мест Юга Украины. Обновление музейной экспозиции военно-исторического музея им. А.В. Суворова в Очакове в перспективе потребует создания отдельных новых исторических разделов, посвященных историческим биографиям вице-адмирала Нассау-Зигена и князя Г.А. Потемкина в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Исторические источники из фондов НБУВ, безусловно, пополняют разделы этой музейной экспозиции по данным темам.

Научное издание

Археография музейного предмета

Материалы Международной научной конференции

Москва, 16–17 марта 2012 г.

Оригинал-макет подготовлен в \TeX Live 2011
на кафедре теории и истории гуманитарного знания
Института филологии и истории РГУ

Предварительная обработка и верстка:

Д.А. Добровольский,
Н.Н. Иванова,
Н.В. Некрасова,
Е.В. Плавская,
О.В. Семерицкая

Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 10,3

Тираж экз. Заказ № .

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., д. 6